

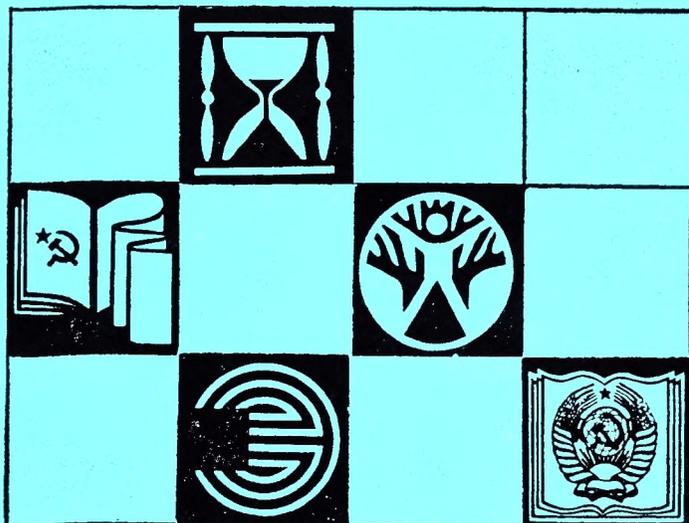
2

СЕРЫЯ 3, 1988

ВЕСНИК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У.І.Леніна

Гісторыя
Філасофія
Навуковы камунізм
Эканоміка
Права

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

<i>Герменчук В. В., Зелинский П. И.</i> В начале пути (К 90-летию I съезда РСДРП)	3
<i>Бабков А. М.</i> Политика германизации белорусского населения оккупационными властями в 1915—1917 годах	6
<i>Несцяровіч Я. Ю.</i> Дапамога працоўных Петраграда Заходняму фронту ў вызваленні Беларусі ад інтэрвентаў у 1920 годзе	8
<i>Галіноўская Т. І.</i> Работа партыйных арганізацый Беларусі па паляпшэнню ўмоў працы ў прамысловасці (1971—1980)	12
<i>Крукоўскі У. Д.</i> Роля камітэтаў камсамола вышэйшых навучальных устаноў у падрыхтоўцы атэстычных кадраў (1971—1980)	14
<i>Климович В. С.</i> Углубление социалистического демократизма в условиях перестройки	17
<i>Яновский О. А.</i> Западная политика России накануне и в период Ливонской войны	20
<i>Евтухов И. О., Федосик В. А.</i> К вопросу о формировании антропологии Аврелия Августина	22

ФІЛАСОФІЯ

<i>Варич В. Н.</i> Рассудок как феномен духа: взаимодействие единичного и всеобщего	25
<i>Юрчик Л. В.</i> Взаимосвязь вербальных и невербальных компонентов в познавательной деятельности человека	28
<i>Елсуков А. Н.</i> Роль конструирования в творческой деятельности ученого	31
<i>Рожин Н. В.</i> Неопозитивистская модель анализа научных теорий: принципы и противоречия	35
<i>Калач О. А.</i> Философия Х. Ортеги-и-Гассета (1883—1955) и современные концепции «массовой культуры»	40

НАВУКОВЫ КАМУНІЗМ

<i>Мельнікаў А. П.</i> Даследаванне вучонымі Беларусі праблемы нацыянальных адносін	43
<i>Стиборова Милена.</i> Некоторые аспекты усиления мировоззренческой направленности учебного процесса в технических вузах ЧССР	46
<i>Лашкевич А. А.</i> Некоторые аспекты развития высшей школы Народной Республики Болгарии при переходе к строительству социализма (1948—1953)	48

ЭКАНОМІКА

<i>Базылев Н. И., Лебедева Е. Н.</i> Становление теории и практики хозрасчетных отношений	52
<i>Левяш И. Я.</i> Человеческий фактор научно-технической революции и реконструкция организационных отношений	55
<i>Юшко Ю. И.</i> Подрыв товарного производства при империализме	59

ПРАВА

<i>Белова Т. А.</i> Подготовка к судебному разбирательству дел о возмещении вреда, причиненного страхователем	63
<i>Новик Ю. И.</i> Психологические проблемы правового регулирования	66
<i>Тихиня В. Г., Брито О. Ф.</i> Суд и правосудие в республике Куба	68

ХРОНІКА

<i>Загорульский Э. М., Мельцер Д. Б., Позняк С. В.</i> Всесоюзный форум славистов	72
---	----

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

Владимир Григорьевич Ивашин	74
Дмитрий Петрович Жмуровский	75

РЭЦЭНЗІІ

<i>Кузняцоў М. В.</i> И. М. Игнатенко. Великий Октябрь в судьбах белорусского народа	76
--	----

В. В. ГЕРМЕНЧУК, П. И. ЗЕЛИНСКИЙ

В НАЧАЛЕ ПУТИ (К 90-летию I съезда РСДРП)

Более семи десятилетий советский народ живет и трудится во имя социализма, во имя лучшей и справедливой жизни. Сложен и неоднозначен путь в неизведанное будущее. Великие победы и неудачи ожидали нас на этом пути. И все годы во главе советского народа идет его испытанный авангард — ленинская партия. «Без партии, вооруженной марксистско-ленинской теорией, не было бы победы социалистической революции. Без партии, научившейся строить новое общество, не было бы социализма, не было бы нашей великой державы. Не было бы и той базы, на которой идет теперь обновление всех сторон общественной жизни, ускорение социально-экономического развития страны»¹.

История Коммунистической партии восходит к концу XIX века, когда капитализм вступил в эпоху империализма. Жестокая эксплуатация рабочих, малоземелье и нищета крестьян, политическое бесправие всего народа — все это делало Россию не только основным пунктом противоречий империалистической системы, но и самым слабым ее звеном. Летом 1895 года Г. В. Плеханов писал Ф. Энгельсу: «...революционное движение никогда не было еще таким сильным за последнее десятилетие... В России становится жарко»². Начинался новый, пролетарский этап российского освободительного движения.

Выход пролетариата России на арену открытой политической борьбы был подготовлен успехами марксистской, социалистической пропаганды, соединением научного социализма с революционным рабочим движением. Этот коренной поворот тесно связан с именем В. И. Ленина. В острейшей идейной борьбе против либерального народничества, «легального марксизма», бернштейнианства, «экономизма» и других оппортунистических течений он развил учение К. Маркса и Ф. Энгельса применительно к новым историческим условиям, дал ответы на основные вопросы освободительного движения. Определяя задачи российской социал-демократии, В. И. Ленин указал на необходимость объединения разрозненных марксистских кружков и групп в единую революционную партию рабочего класса. Размышляя о путях ее создания, он отмечал, что готовых образцов искать нигде, призывал строить ее заново и довести партийную организацию «до высшей степени совершенства»³.

Революционная мысль и революционное дело В. И. Ленина всегда шли рука об руку. Под его руководством в 1895 году социал-демократические кружки и группы Петербурга были объединены в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Построенный на основах марксизма и строго централистских принципах, он явился зачатком пролетарской партии в России. «Союз борьбы» возглавил рабочее движение в столице, вел пропаганду марксизма, организовывал политическую агитацию, руководил стачечной борьбой пролетариата. Вскоре его идейные, тактические и организационные принципы стали общими для российских социал-демокра-

тов. Вслед за Петербургом «Союзы борьбы» возникли в Москве, Иваново-Вознесенске, Екатеринославе, Киеве и других городах.

Широкое развитие стачечного движения и быстрый рост социал-демократических организаций готовили почву для создания единой партии. Предпринимались и практические шаги к объединению. Арест руководителей петербургского «Союза борьбы» в декабре 1895 года нанес серьезный удар по рабочему движению, однако царское правительство не смогло парализовать его деятельность. Четкая структура организации, тесная связь с рабочим классом, заранее разработанные меры конспирации и техника связи помогли «Союзу» не только выстоять, но и расширить работу. Находясь в тюрьме, В. И. Ленин сумел установить тесные контакты с оставшимися на воле товарищами, торопил их с организацией партии, настаивал на немедленной подготовке учредительного съезда. С этой целью он написал первый проект программы партии, в котором была четко выражена классовая сущность российской социал-демократии, намечены ее ближайшие и конечные цели.

Соратники В. И. Ленина пытались осуществить его указания по созданию партии. Новые аресты активистов «Союза борьбы» и ряда руководителей московского «Рабочего союза» сорвали эти планы. За подготовку и созыв съезда взялись киевские социал-демократы, меньше других пострадавшие от репрессий.

I съезд Российской социал-демократической рабочей партии состоялся 1—3 марта 1898 года в Минске. Из принципиальных соображений право на участие в съезде получили не отдельные социал-демократы, а только организации, которые вели систематическую работу на местах, были надежно законспирированы и признавали своевременность объединения. Всего на съезде присутствовало 9 делегатов от шести организаций: петербургского, московского, екатеринославского и киевского «Союзов борьбы», соответственно С. И. Радченко, А. А. Ванновский, К. А. Петрусевиич и П. Л. Тучапский; от группы «Рабочей газеты» — Б. Л. Эйдельман и Н. А. Вигдорчик; от Бунда — А. Кремер, А. Мутник и Ш. Кац. Состоялось шесть заседаний. По соображениям конспирации президиум не избирался, протоколы не велись, записывались только резолюции.

Съезд без прений принял решение об объединении всех социал-демократических организаций России в единую партию. Споры разгорелись о ее названии. Большинство голосов было решено назвать партию «Российская социал-демократическая партия». Тем самым подчеркивалось, что она строится на началах интернационализма и объединяет в своих рядах социал-демократов всех национальностей России. Слово «рабочая» было включено в название уже после съезда, при составлении «Манифеста РСДРП», с согласия двух членов ЦК.

Обсуждение следующего пункта повестки дня — об отношении к Польской социалистической партии — потребовало от участников предварительного ответа на два более общих вопроса: об отношении партии к другим революционным организациям и по национальному вопросу. Ответ дан лаконичный и по-марксистски точный. «Партия, — отмечалось в решениях съезда, — через свой Центральный Комитет вступает в сношения с другими революционными организациями, поскольку это не нарушает ее программы и приемов ее тактики. Партия признает за каждой национальностью право на самоопределение»⁴.

Остальное время съезд посвятил докладам с мест и обсуждению принципов построения партии. Решение по организационным вопросам состояло из 11 параграфов, в которых говорилось об образовании партии и ее названии, о компетенции съездов, ЦК и местных комитетов, о средствах партии, ее печатном органе, представительстве за границей.

Следует отметить, что делегаты не смогли подняться до уровня признания тех ленинских организационных принципов, на которых был создан петербургский «Союз борьбы». Камнем преткновения стал вопрос о соотношении централизма и автономии. С. И. Радченко и Б. Л. Эйдельман были сторонниками сильной центральной организации, а представители Бунда — предельно широкой автономии. Остальные делегаты склонялись больше к централизму, но опасались, что это приведет к ущемлению прав местных комитетов. Приходилось принимать в расчет и традиции кружковщины, которые были еще достаточно сильны на местах.

Было установлено, что ЦК отчитывается перед съездом. В его обязанности входило: забота о планомерной деятельности партии, издание и до-

ставка литературы, организация празднования 1 Мая, выпуск листовок по поводу выдающихся фактов, помощь стачечникам и прочее. Местным комитетам предоставлялась автономия, вплоть до права отказываться от выполнения требований ЦК, известив его о причинах отказа. Еще большую независимость получил Бунд. Он входил в партию на правах автономной организации, самостоятельной в вопросах, «касающихся специально еврейского пролетариата»⁵. В этих решениях проявилась незрелость движения, боязнь подчинить местные интересы общим задачам партии.

Съезд избрал ЦК в составе С. И. Радченко, Б. Л. Эйдельмана и А. Крамера, признал «Союз русских социал-демократов за границей» составной частью РСДРП и своим заграничным представителем. Официальным органом партии объявлялась «Рабочая газета». ЦК поручалось подготовить и выпустить «Манифест РСДРП» с изложением основных задач партии.

Вечером 3 марта съезд закончил работу. С чувством исполненного долга и верой в будущее разъезжались его делегаты. Однако уже через неделю полиция разгромила Киевскую организацию РСДРП. Волна репрессий прокатилась по всей России. К концу марта 1898 года пять делегатов из девяти, в том числе один член ЦК, были арестованы. Однако оставшиеся на свободе С. И. Радченко и А. Крамер сумели выполнить поручение съезда и подготовить с помощью петербургских марксистов «Манифест РСДРП». В нем говорилось, что российская социал-демократия, являясь продолжателем дела и традиций предшествующего революционного движения, избирает другие пути и средства борьбы. Она твердо убеждена, что освобождение рабочего класса может быть только его собственным делом. Выражалась уверенность, что, сбросив с себя ярмо самодержавия, пролетариат с еще большей энергией продолжит борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма.

Неоднозначно значение решений I съезда РСДРП. Съезд сделал крупный шаг вперед по пути соединения научного социализма с рабочим движением. Он не только провозгласил создание партии и дал ей имя, но и наметил принципы построения, указал основные цели борьбы. Был завершен важный этап в развитии российской социал-демократии, названный В. И. Лениным периодом «детства и отрочества». Социал-демократия в 1894—1898 годах появилась на свет «как общественное движение, как подъем народных масс, как политическая партия»⁶.

Однако в целом решения съезда отразили уровень и результаты развития социал-демократического движения в России на рубеже двух веков. Необходимые предпосылки формирования партии только начинали складываться. Провозгласив ее основание, съезд не выработал программу и устав партии, не смог достичь фактического единства. Это, в известной мере, предопределило историческую ограниченность его воздействия на последующий ход событий, проблемы и трудности следующего периода развития российской социал-демократии—периода «разброда, распада, шатания». Понадобилось еще около пяти лет борьбы, чтобы покончить с кустарничеством и разобщенностью в партийных рядах, завершить процесс объединения социал-демократических организаций. Выход из кризиса был подготовлен и осуществлен революционным крылом РСДРП во главе с В. И. Лениным. II съезд РСДРП в 1903 году создал последовательно марксистскую пролетарскую партию нового типа. Именно эта ленинская партия большевиков подняла трудящихся России на штурм старого мира, возглавила борьбу за построение социализма в нашей стране.

¹ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. Доклад на совместном торжеств. заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвящ. 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в Кремлевском Дворце съездов, 2 ноября 1987 г. М., 1987. С. 59.

² К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967. С. 736.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 194.

⁴ Первый съезд РСДРП: Документы и материалы. М., 1958. С. 83.

⁵ Там же. С. 82.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 180.

ПОЛИТИКА ГЕРМАНИЗАЦИИ БЕЛОРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОККУПАЦИОННЫМИ ВЛАСТЯМИ В 1915—1917 ГОДАХ

Наступление немецких войск летом—осенью 1915 года завершилось оккупацией западных районов Белоруссии и установлением здесь военно-колониального режима. Основная часть захваченной Белоруссии была включена в состав так называемой «земли Оберост», управляемой специальным отделом во главе с начальником штаба главнокомандующего Восточным фронтом генералом Э. Людендорфом. Главные усилия немецких властей были направлены на превращение Западной Белоруссии в аграрно-сырьевой придаток и «жизненное пространство» для кайзеровской Германии.

Оккупанты хищнически истребляли лесные богатства Беловежской пуши, захватывали земли крестьян и выехавших в Россию помещиков. Население подвергалось тотальному ограблению, повсеместно проводились реквизиции, сборы, взимались налоги и натуральные платежи. Насильственное изъятие оккупационными властями скота привело к резкому сокращению его поголовья. Так, в Гродненской губернии к концу войны поголовье лошадей, свиней, крупного рогатого скота уменьшилось на 85 % по сравнению с предвоенным временем¹. Колонизаторская политика захватчиков, а также переселение части местных жителей в Россию привели к резкому сокращению численности населения западнобелорусских городов и деревень. По данным немецкой переписи, проведенной в первой половине 1916 года, население Гродно уменьшилось с 63 тыс. человек довоенного времени до 24460 человек. На 50 % сократилась к концу войны численность жителей таких городов, как Дрогичин Полесский, Сморгонь².

Провозгласив расовую неполноценность белорусского и других славянских народов, превосходство немецкой расы над славянской, германские империалисты планировали полностью выселить местное население из оккупированных западных областей России, подвергнуть их колонизации и германизации путем переселения на эти земли немцев. Наиболее откровенно планы превращения западных областей России в «жизненное пространство» кайзеровской Германии пропагандировали пангерманцы. В 1915—1916 годах в Германии появились меморандумы идеологов немецкого империализма, в которых обосновывалось «право» на германизацию белорусского и других славянских народов. В самой циничной форме эти замыслы были изложены в меморандуме директора концерна Круппа А. Гугенберга 12 марта 1915 года. Он заявил о «нежизнеспособности отсталых в культурном отношении белорусов и потребовал выселить местных жителей, переселить «немцев со всего мира на оккупированные земли»³. В аннексионистской литературе, появившейся в Германии после оккупации Западной Белоруссии, искусственно преувеличивались противоречия, имевшиеся между белорусами и другими народами, населявшими западные области России, доказывалось подчиненное положение белорусского народа, его культуры, истории, языка по отношению к соседним народам, а иногда белорусов называли просто «бесформенным этнографическим материалом»⁴. Выдвигались требования превратить Западную Белоруссию в прусскую провинцию. Так, в конце 1915 года прусский юнкер литовского происхождения Степутат подал на имя министра иностранных дел меморандум, в котором обосновывал создание «Ядвигии—Белоруссии» как «германизированной прусской провинции». В другом пангерманском меморандуме Брест-Литовску предназначалась судьба «прусского провинциального города»⁵.

Захватчики лишили жителей Западной Белоруссии элементарных политических и гражданских прав, установили жесткий контроль над всей жизнью народа. Они запретили населению свободное передвижение, пользование транспортом, отменили традиционное почтовое сообщение. Повсеместно бесчинствовали военно-полевые суды.

Специальным распоряжением главнокомандующего Восточным фронтом П. Гинденбурга на оккупированной территории запрещалась любая политическая деятельность местного населения, все собрания по политическим проблемам объявлялись противозаконными и подлежали разгону. Захватчики закрыли в Западной Белоруссии все периодические издания, кроме газеты «Гоман», выходившей с февраля 1916 года на немецкие

деньги. Она предназначалась для идеологической обработки населения, будучи «живым отражением белорусской политики германских оккупационных властей»⁶. Изю дня в день газета пропагандировала германские планы отторжения белорусских земель от России, пыталась представить оккупацию Западной Белоруссии немецкими войсками как «освобождение» белорусов от русского ига. Прогерманская и антирусская по своей сути газета «Гоман» вызвала законное возмущение белорусского народа и не получила сколь-нибудь значительного распространения.

На подрыв национального самосознания белорусского народа была направлена и религиозная политика немецких оккупантов. Воспользовавшись ненавистью белорусского духовенства к трудовому народу и революционному движению, захватчики превратили церковь в послушного исполнителя своей германизаторской политики. Если царизм поддерживал в своих целях православное духовенство, то германские власти опирались прежде всего на католический клир. К тому же немало православных белорусов эвакуировалось на восток. При пособничестве оккупантов католическое духовенство получило возможность существенно увеличить численность католиков в западных районах Белоруссии: во время немецкой переписи населения оккупированных районов в 1916 году, в которой приняло участие католическое духовенство, значительное количество православных белорусов было причислено к католикам. Привлечению на сторону оккупантов католического духовенства способствовало превращение бывших православных церквей в католические костелы, а также немецкие дотации ксендзам, установленные приказом от 5 февраля 1916 года⁷.

В опасное оружие ослабления и ликвидации национальной самобытности белорусов превратилась в руках оккупантов система народного образования. Немецкие власти разрешили открыть только «народные» школы, которые должны были воспитывать белорусскую молодежь в духе беспрекословного выполнения немецких приказов, преклонения перед всем немецким. Германские захватчики насаждали в школах немецкий язык. Открывались привилегированные частные немецкие школы. Обучение в них было платным. Во всех пяти классах преподавание велось на немецком языке. Такие школы были созданы, например, в Лиде. Вся их деятельность контролировалась комендантом города.

Для подготовки учителей были открыты Свислочская учительская семинария и белорусские учительские курсы в Вильно. Свислочская семинария, например, действовала с перерывами в течение двух лет. Находясь на полном попечении высших оккупационных властей, она готовила послушных немецким властям специалистов. Этому способствовала также система отбора кандидатов в семинарию, который проводили оккупационные власти. Особым расположением приемной комиссии пользовались представители зажиточных слоев населения католического вероисповедания. Для многих белорусов эта семинария была недоступной из-за установленного ценза грамотности: сюда принимались лица, окончившие среднюю школу. Выпускные экзамены в семинарии проходили только под руководством представителей отдела культуры при «Оберосте» и «Военного управления Белосток — Гродно».

Опасаясь роста политического и национального сознания белорусского народа и усиления сопротивления оккупационному режиму, немецкие власти препятствовали широкому развитию народного образования на захваченной территории Белоруссии. Они подвергали арестам неугодных им учителей, закрывали школы. Например, в Вильно из шести открытых в период оккупации белорусских школ к осени 1917 года осталось всего лишь две⁸. Полный произвол проявили оккупанты по отношению к деятельности Виленских учительских курсов. Так, после первого выпуска народных учителей курсы без объяснения причин были закрыты. Когда же через пять месяцев работа курсов была возобновлена, немецкие власти не разрешили дать об этом объявление в газете.

Проводя политику германизации белорусского народа, оккупанты широко использовали услуги белорусских буржуазных националистов. Уже в первые дни оккупации, объединившись вокруг «Белорусского народного комитета», националисты выдвинули требование отделения Белоруссии от России. Спекулируя на историческом прошлом, они лживо заявляли о надеждах белорусского народа возродить Великое княжество Литовское. Эти идеи соответствовали германским планам отторжения Бе-

лоруссии от России и получили полную поддержку оккупационных властей.

Германские империалисты привлекали белорусских националистов для своих политических акций в нейтральных странах. Выступая в роли «покровителей» белорусского народа, они хотели таким путем завуалировать истинные замыслы кайзеровской Германии в отношении Белоруссии и оправдать в глазах мирового общественного мнения свою оккупационную политику. Крупнейшими международными акциями этого периода, в которых участвовали белорусские буржуазные националисты, были две «Конференции национальностей», состоявшиеся весной и летом 1916 года в Стокгольме и Лозанне. Как сообщала русская политическая разведка, на подготовку Лозаннской конференции Германия истратила крупную сумму и подослала от себя $\frac{2}{3}$ ее участников⁹. Такое же положение с представительством и финансированием характерно и для Стокгольмской конференции. Состав участников конференций определил их прогерманскую направленность. Так, делегация созданного в 1916 году «Центрального союза белорусских национальных общественных организаций» потребовала на Стокгольмской конференции «освободить Белоруссию из-под гнета России»¹⁰. Еще более откровенно антирусская направленность проявилась в заявлениях белорусских националистов на Лозаннской конференции. Националисты оккупированных районов Белоруссии представили делегатам декларацию, в которой жаловались на полное отсутствие прав и угнетение белорусского народа в Российском государстве. Они просили помощи «у цивилизованных народов», под которыми понимали германских и других империалистов. Инспирируя указанные заявления буржуазных националистов, немецкие власти хотели придать оккупации белорусских земель видимость освободительных действий, якобы вызванных просьбами населения.

Политика германизации белорусов и превращения Западной Белоруссии в «жизненное пространство» кайзеровской империи была обречена на провал. Победа Великой Октябрьской социалистической революции и освободительный поход Красной Армии привели к изгнанию германских оккупантов из Белоруссии и подлинному освобождению белорусского народа.

¹ Przegląd historyczny. Warszawa. T. 59. Z. 4. S. 718.

² Сопоставимые данные ЦГИА Литовской ССР (Ф. 641, оп. 1, д. 967 а, л. 4) и Обзора Гродненской губернии за 1913 год (Гродно, 1914. Ведомость № 9).

³ Цит. по: Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1960. № 6. S. 1404.

⁴ Zur Geschichte der BSSR und der deutsch-belorussischen Beziehungen. Jena, 1981. S. 34.

⁵ Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf, 1961. S. 352, 409.

⁶ Elski S. Sprawa Białoruska: Narys historyczno-polityczny. Warszawa, 1931. S. 25.

⁷ См.: Библиотека АН Лит. ССР. Отдел рукописей, д. 44.

⁸ См.: Беларускі шлях. 1918. 3 мая.

⁹ Архив внешней политики России. Особый политический отдел. 1916 год. Оп. 474, д. 389, л. 47.

¹⁰ Сташкевич Н. На пути к истине // Голас Радзімы. 1983. № 4.

Я. Ю. НЕСЦЯРОВІЧ

ДАПАМОГА ПРАЦОЎНЫХ ПЕТРАГРАДА ЗАХОДНЯМУ ФРОНТУ ў ВЫЗВАЛЕННІ БЕЛАРУСІ АД ІНТЭРВЕНТАЎ У 1920 ГОДЗЕ

Вясною 1919 года войскі буржуазна-памешчыцкай Польшчы ўварваліся ў межы Украінскай і Літоўска-Беларускай савецкіх рэспублік. Ім удалося захапіць значную частку Беларусі (наступленне было прыпынена Чырвонай Арміяй на рубяжы Полацк—Лепель—Барысаў, а затым на поўдзень па р. Беразіне), дзе інтэрвенты ўстанавілі ваенна-каланіяльны рэжым рабунку, гвалту і здзекаў над рабочымі і працоўнымі сялянамі.

У пачатку 1920 года Польшча пачала рыхтавацца да вайны з Савецкай Расіяй, а 25 красавіка яе войскі перайшлі ў наступленне на шырокім фронце ад Прыпяці да Днястра. Разгарнуліся наступальныя аперацыі і на тэрыторыі Беларусі. У сувязі з новым нападзеннем інтэрвентаў пытанне

аб абароне Савецкай рэспублікі набыло выключную вастрыву. У. І. Ленін, выступаючы 29 красавіка 1920 года на Усерасійскім з'ездзе рабочых шкло-фарфаравай вытворчасці, указаў, што вайну нам навязалі, «а калі так, мы ўсе павінны ўзняцца як адзін, каб абараніць і сябе, і Украіну ад націску польскіх імперыялістаў»¹.

30 красавіка УЦВК і СНК РСФСР прынялі зварот да працоўных усёй краіны, у якім заклікалі іх мабілізавацца і даць рашчучы адпор інтэрвентам. На гэты заклік першымі адгукнуліся партыйныя арганізацыі і рабочыя Петраграда. 30 красавіка на пасяджэнні Петраградскага Камітэта РКП(б) было вырашана, што кожны раённы камітэт партыі выдзеліць на Заходні фронт па 30 камуністаў.

4 мая на Заходні фронт выехала першая група петраградскіх камуністаў — 300 чалавек. Па дарозе яны зрабілі прыпынак у Маскве, дзе 5 мая адбылося аб'яднанае пасяджэнне УЦВК, Маскоўскага Савета, прадстаўнікоў прафсаюзаў і фабрычна-заводскіх камітэтаў горада. На гэтым пасяджэнні выступіў У. І. Ленін. Ён заклікаў рабочых і сялян мабілізаваць усе сілы для разгрому войск буржуазна-памешчыцкай Польшчы і ўказаў, што «..мы павінны пакінуць усе свае справы і сканцэнтравана на гэтай новай вайне... паколькі справа дайшла да вайны, то ўсё павінна быць падпарадкавана інтарэсам вайны, усё ўнутранае жыццё краіны павінна быць падпарадкавана вайне, ні малейшае хістанне адносна гэтага з'яўляецца недапушчальным»².

У адказ на заклік У. І. Леніна Петраградскі Камітэт РКП(б) вырашыў правесці ва ўсіх раёнах горада, на фабрыках і заводах масавыя мітынгі і сходы, на якіх растлумачваліся мэты новага антысавецкага паходу Антанты. На гэтых мітынгх і сходах рабочыя стваралі камітэты дапамогі Заходняму фронту, запісваліся добраахвотнікамі ў Чырвоную Армію. У гэтыя дні толькі Петраградскі савет прафсаюзаў мабілізаваў і адправіў на Заходні фронт 320 чалавек.

Умацаванне Заходняга фронту адбывалася хуткімі тэмпамі. Для папаўнення яго дзеючых злучэнняў былі пасланы з цэнтральных раёнаў краіны больш за 40 тыс. байцоў, камандуючым фронтам быў прызначаны М. М. Тухачэўскі, членам Рэўваенсавета фронту — І. С. Уншліхт, начальнікам палітаддзела РВС — А. Ф. Мяснікоў. Камандзіры, палітработнікі, партыйныя арганізацыі растлумачвалі воінам мэты вайны, выкрывалі агрэсіўную палітыку і намеры польскай буржуазіі.

14 мая 1920 года войскі Заходняга фронту перайшлі ў наступленне. Галоўны ўдар наносіўся сіламі 15-й арміі з раёна Полацка ў напрамку Вільні. Да канца мая войскі Чырвонай Арміі прасунуліся на 100—120 кіламетраў на захад, аднак замацаваць поспех не змаглі. Пад націскам пераўзыходзячых сіл праціўніка яны былі вымушаны адступіць.

Для адпору ворагу неабходна было хутка мабілізаваць усе людскія і матэрыяльныя рэсурсы. У сувязі з гэтым, 23 мая 1920 года ЦК РКП(б) апублікаваў тэзісы «Польскі фронт і нашы задачы». У іх указвалася, што вайна з буржуазна-памешчыцкай Польшчай з'яўляецца цэнтральнай задачай рабоча-сялянскай Расіі. «Рабочы і работніца, сялянін і сялянка, — гаварылася ў тэзісах, — павінны зразумець і адчуць, што вайна з Польшчай ёсць іх вайна, ёсць вайна за незалежнасць сацыялістычнай Расіі, за яе саюз з сацыялістычнай Польшчай і з пралетарыямі Еўропы і ўсяго свету»³.

Аказанне дадатковай дапамогі Заходняму фронту стала галоўным клопам Петраградскага Камітэта РКП(б), усіх працоўных Петраграда. Па прапанове камуністаў у горадзе прайшлі масавыя мітынгі і сходы. Так, слухачы курсаў малодшага камсаставу і чырвонаармейцы ў рэзальцый, прынятай на агульным сходзе, заявілі, што «польская шляхта дарэмна распаўсюджвае правакацыю, нібыта Савецкая Расія хоча заваяваць Польшчу. Мы ніколі не аддадзім Чырвонай Расіі памешчыкам Польшчы»⁴. Удзельнікі сходу выказалі жаданне адправіцца на Заходні фронт.

Да пачатку ліпеня 1920 года Заходні фронт быў падрыхтаваны да новага контрнаступлення. У яго часях налічвалася 91,4 тыс. штыкоў і шабляў і 694 гарматы. На святанні 4 ліпеня савецкія войскі перайшлі ў наступленне. У напрамку галоўнага ўдара (Полацк, Смаргонь, Ліда) дзейнічала 15-я армія. Тут упершыню на Заходнім фронце была ажыццэўлена танкавая атака, якая падняла баявы дух і наступальны парыв стралкоў. У гэтым баі было захоплена каля 700 палонных і 19 кулямэтаў.

У баях за вызваленне гарадоў і вёсак Беларусі вялікую стойкасць і

адвагу праявілі байцы 11-й Петраградскай дывізіі, укамплектаванай піцерскімі рабочымі. Палітычную работу ў дывізіі вялі вопытныя камуністы: начальнік палітаддзела А. Дзеніс, яго намеснік С. Свірын, адказны партыйны арганізатар В. Бабкоў, камісары-піцерцы П. Сямячкін, І. Кандрацьеў і іншыя.

Асабліва выдзяліўся ў баях 95-ы полк 11-й дывізіі. У адным з баёў праціўнік раптоўным ударам па флангу прывёў падраздзяленні палка ў замяшанне. Але камандзіры і палітработнікі хутка аднавілі парадак. Варожая атака была адбіта, і полк сам перайшоў у наступленне. Чырвонаармейцы ў гэтым баі захапілі ў палон больш як сто польскіх салдат і афіцэраў, узялі вялікія графеі: 6 гармат, 8 кулямэтаў, 4 павозкі і іншы ваенны рыштунак. За доблесць і мужнасць 95-ы полк быў узнагароджаны Ганаровым Чырвоным сцягам.

Пры вызваленні Беларусі смеласць і мужнасць праявілі петраградскія камсамольцы, якія ваявалі ў складзе 55-й і 11-й Петраградскай стралковых дывізіяў. У загодзе камандавання 11-й Петраградскай дывізіі ад 4 жніўня 1920 года асабліва адзначаўся гераізм «петраградскай моладзі, якая, не шкадуючы свайго жыцця, першай кідалася на ворага»⁵.

19 ліпеня войскі Заходняга фронту пачалі аперацыю па вызваленню Гродна. У баях за горад вызначылася 34-я бригада 12-й дывізіі, камісарам якой быў У. П. Вінаградаў, рабочы Петраградскага металічнага завода, член партыі з 1915 года. Пры вызваленні Гродна мужнасць і гераізм праявілі камандзір роты 156-га стралковага палка, пуццлаўскі токар, камсамалец П. Міхайлаў. Яго рота непрыкметна пераправілася цераз Нёман, захапіла плацдарм і ўтрымлівала яго да падыходу нашых войск. П. Міхайлаў быў цяжка паранены, але працягваў да апошняга дыхання паражаць ворага. Вось як апісвае гэтыя баі Дзям'ян Бедны, які ўдзельнічаў у вызваленні Беларусі. «Аперацыя пад Гродна, праведзеная 4-й арміяй з 19 па 23 ліпеня, здзіўляе сваёй выразнасцю і прыгажосцю і не паддаецца апісанню па высокаму гераізму, праяўленаму чырвонымі часцямі, якія фарсіравалі Нёман і разграмілі праціўніка. Нашы часці перапраўляліся праз Нёман уплаў і на бярвеннях, пад шквальным артылерыйскім агнём, захопліваючы штыковай атакай батарэі праціўніка... Усяго пад Гродна за час аперацыі захоплена 30 гармат, 70 кулямэтаў і 3 танкі, якія адразу былі павернуты супраць праціўніка, і палонных звыш 4000»⁶.

Храбра змагаліся з інтэрвентамі на беларускай зямлі маладыя байцы Петраградскага палка асобага прызначэння, аснову якога складалі камсамольскія атрады. За баявыя заслугі Петраградскі Камітэт РКП(б) уручыў палку баявое знамя. Многія маладыя петраградцы аддалі сваё жыццё ў баях за вызваленне Беларусі. Гераічна змагаліся і загінулі ў няроўным баі ў раёне Полацка петраградскі камсамалец У. Крумін. У баі пры вёсцы Старынкі гераічна загінуў інструктар 11-й Петраградскай дывізіі А. Салаўёў.

Працоўныя Беларусі радасна сустракалі сваіх вызваліцеляў — байцоў Чырвонай Арміі. Ва ўсіх валасцях і паветах разгарнуўся шырокі рух за аказанне дапамогі фронту, у яго часці ўступалі тысячы новых байцоў. Рабочыя і сяляне Беларусі выказвалі сардэчную падзяку У. І. Леніну, Савецкаму ўраду, працоўным Петраграда, Масквы, пралетарыяту ўсёй Расіі за «вызваленне ад прыгнёту і насілля польскіх паноў і буржуяў»⁷.

Да пачатку жніўня 1920 года войскі Заходняга фронту вызвалілі ўсю Беларусь. Паўсюдна ствараліся органы Савецкай улады, у арганізацыі якіх вялікую ролю адыгралі байцы-піцерцы. Так, аддзел савецкай работы пры палітадзеле 11-й дывізіі арганізаваў 26 валасных рэўкомаў, 130 павятовых Саветаў, 20 рабочых камітэтаў, 3 кааператывы, 5 фабрычных камітэтаў, правёў у вёсках 27 сходаў, 7 мітынгаў і 5 павятовых сходаў. Чырвонаармейцы-піцерцы стваралі хаты-чытальні, бібліятэкі, будавалі школы, рамантавалі сялянскія хаты і гумны, сумесна з сялянамі Беларусі праводзілі суботнікі па збору ўраджаю, нарыхтоўцы дроў і падрыхтоўцы пасяўной.

У першай палове жніўня Чырвоная Армія перанесла ваенныя дзеянні на тэрыторыю Польшчы. З 11 жніўня пачалася сямідзённая ўпартая бітва за Варшаву. Аднак з дапамогай імперыялістаў Антанты польскім войскам удалося арганізаваць контрнаступленне і часці Чырвонай Арміі вымушаны былі адступіць на ўсход.

Працоўныя Петраграда пільна сачылі за ходам ваенных дзеянняў на

Заходнім фронце ў перыяд жніўняўскай наступальнай аперацыі. 21 жніўня Петраградскі Камітэт РКП(б) і Выканком Петрасавета на сумесным пасяджэнні пастанавілі: «На працягу 72 гадзін ажыццявіць мабілізацыю лепшых, мужных членаў піцёрскай арганізацыі ў ліку 1500 чалавек... для дапамогі нашым таварышам-байцам на Польскім фронце»⁸. Толькі за першы дзень было мабілізавана каля тысячы чалавек.

«Петраградская праўда» ў гэтыя дні паведамляла: «Мабілізацыя на Заходні фронт ідзе з велізарным уздымам. Маса заяў добраахвотнікаў. Калі б ЦК партыі не затрымліваў (што робіцца з цяжкасцю і не без спасылак на партыйную дысцыпліну) патрэбных таварышаў, то многім установам, прафсаюзам і партыйным арганізацыям пагражала б небяспека застацца без адзінага кіруючага работніка»⁹.

27 жніўня з Дзецкасельскага вакзала (цяпер Віцебскі) першым эшалонам на Заходні фронт адправілася звыш тысячы петраградскіх камуністаў. Сярод іх былі: М. М. Лашэвіч — член ПК і Выканкома Петрасавета, І. І. Лепсе — загадчык аддзела працы Петрасавета, У. Р. Валодзін — начальнік палітаддзела 7-й арміі і многія іншыя адказныя партыйныя, савецкія і прафсаюзныя работнікі. Камуністы-піцёрцы праводзілі мітынгі, гутаркі з насельніцтвам чыгуначных станцый і чырвонаармейцамі. Калі эшалон прыбыў у Маладзечна, петраградцы ўбачылі разбураныя будынкі, раскіданыя пуці, узарваную вадакачку. На наступны дзень яны арганізавалі суботнік па ачышчэнню тэрыторыі станцыі і рамонту пуцей.

У канцы жніўня з Петраграда паехала на Заходні фронт другая група камуністаў і добраахвотнікаў. У яе складзе было каля 500 членаў партыі — кулямётчыкаў і кавалерыстаў, якіх выдзеліла Петраградская ваенная акруга. Акрамя таго, 800 петраградскіх камуністаў, прыбыўшых на фронт, накіравалі ў 11-ю Петраградскую дывізію, астатніх размеркавалі ў іншыя падраздзяленні. Членам Рэўваенсавета 15-й арміі стаў М. М. Лашэвіч, прафесійны рэвалюцыянер, член партыі з 1906 года; начальнікам палітаддзела арміі зацвердзілі У. Р. Валодзіна; ваенным камісарам 11-й дывізіі назначылі І. І. Лепсе; начальнікам палітаддзела дывізіі — Ю. Л. Мілейкоўскага.

Бясстрашна змагаліся з ворагам на беларускай зямлі камуністы, камсамольцы і рабочыя Петраграда. Многія з іх аддалі сваё жыццё, абараняючы Беларусь ад паўторнай акупацыі. Сярод іх камандзір батальёна, камуніст Д. Міхайлаў, якога за баявыя подзвігі ў 1920 годзе двойчы ўзнагароджвалі ордэнам Чырвонага Сцяга. Па-геройску загінуў у час штыковай атакі камісар брыгады М. Вольбер.

Рабочыя ўсіх прадпрыемстваў Петраграда актыўна дапамагалі Заходняму фронту. Яны павялічвалі выпуск зброі, боепрыпасаў і амуніцыі, праводзілі «Тыдні дапамогі Заходняму фронту» і суботнікі, адлічвалі грошы са сваіх заробаткаў, збіралі цёплае адзенне і бялізну для байцоў. У лістападзе 1920 года Цэнтральная камісія дапамогі Заходняму фронту падвяла палярэднія вынікі: 175 млн. рублёў, каля 50 тыс. пар бялізны, 12 тыс. папах і шапак, 6 тыс. фуфаек, каля 3 тыс. шынялёў, 29 вагонаў падарункаў перадалі рабочыя Петраграда байцам Заходняга фронту.

Усебаковая дапамога і падтрымка савецкага народа дапамагла войскам Заходняга фронту спыніць наступленне польскіх войск. Чырвоная Армія, адзначаў У. І. Ленін, нягледзячы на шэраг няўдач, «...паставіла Польшчу ў такое становішча, што яна не мае зусім сіл прадаўжаць вайну»¹⁰. Польскі ўрад быў вымушаны пайсці на мір з Савецкай Расіяй.

Гераічная барацьба савецкіх народаў не дазволіла інтэрвентам знішчыць маладую Беларускаю Савецкую дзяржаву. У выгнанні ворагаў з беларускай зямлі велізарную ролю адыгралі працоўныя Петраграда, якія не шкадавалі свайго жыцця, каб дапамагчы беларусам захаваць заваёвы сацыялістычнай рэвалюцыі і нацыянальную дзяржаўнасць.

¹ Ленін У. І. Творы. Т. 31. С. 97.

² Там жа. С. 110.

³ Из истории гражданской войны в СССР: Сборник документов и материалов. М., 1961. Т. 3. С. 202.

⁴ Жизнь национальностей. 1920. 23 мая.

⁵ Лебедев К. М. Немеркнущая слава. Л., 1958. С. 132.

⁶ Большевик Белоруссии. 1935. № 10—11. С. 83.

⁷ Звезда. 1920. 9 авг.

⁸ Петроградская правда. 1920. 22 авг.

⁹ Там же. 24 авг.

¹⁰ Ленин У. И. Творы. Т. 31. С. 381.

Т. І. ГАЛІНОЎСКАЯ

РАБОТА ПАРТЫЙНЫХ АРГАНІЗАЦЫІ БЕЛАРУСІ ПА ПАЛЯПШЭННЮ УМОЎ ПРАЦЫ Ў ПРАМЫСЛОВАСЦІ (1971—1980)

Пастаяннае паляпшэнне умоў працы савецкіх людзей—адна з асноўных задач сацыяльнай палітыкі КПСС. Ад вырашэння гэтай праблемы залежаць прадукцыйнасць працы і эфектыўнасць грамадскай вытворчасці.

У дзевятай і дзесятай пяцігодках партыйныя арганізацыі рэспублікі свае намаганні па паляпшэнню умоў працы сканцэнтравалі на такіх важных напрамках, як скарачэнне цяжкай ручной працы і яе аблягчэнне на аснове механізацыі і аўтаматызацыі, асваенне новай тэхнікі і прагрэсіўнай тэхналогіі, удасканаленне аховы працы і тэхнікі бяспекі, павышэнне культуры вытворчасці. Ва ўсіх абласцях рэспублікі была праведзена пэўная работа па рэканструкцыі і тэхнічнаму пераўзбраенню прадпрыемстваў. Гэтыя пытанні сістэматычна абмяркоўваліся на партыйных канферэнцыях, пленумах, актывах, пасяджэннях бюро абласных, гарадскіх, раённых камітэтаў КПБ.

Ажыццяўляючы кіраўніцтва тэхнічным прагрэсам у прамысловасці, партыйныя арганізацыі зыходзілі з таго, што механізацыя і аўтаматызацыя ставяць не толькі вытворчыя і эканамічныя мэты, але і павінны ствараць больш спрыяльныя ўмовы працы. Праведзеная ў гэтым напрамку работа дазволіла толькі за дзевятую пяцігодку вызваліць ад цяжкай фізічнай працы ў прамысловасці 108 тыс. чалавек (сярэднегадавая колькасць рабочых у прамысловасці ў 1970 годзе—850,3 тыс., у 1975—977,5 тыс.)¹.

Курс на тэхнічнае развіццё і ўдасканаленне вытворчасці быў прадоўжаны ў гады дзесятай пяцігодкі. Абласныя, гарадскія, раённыя камітэты КПБ узмацнілі ўвагу да пытанняў механізацыі вытворчых працэсаў і ліквідацыі ручной і цяжкай фізічнай працы. Больш паспяхова, чым у іншых абласцях рэспублікі, гэтыя праблемы вырашаліся на прамысловых прадпрыемствах Гомельскай вобласці. Вялікае значэнне мела праведзеная па ініцыятыве абласнога камітэта КПБ пашпартызацыя рабочых месц на асноўных прадпрыемствах вобласці, якая дазволіла аб'ектыўна ацаніць ўзровень тэхнічнага аснашчэння вытворчасці і намеціць канкрэтныя меры па ліквідацыі ручной працы. За гады дзесятай пяцігодкі ад цяжкай ручной працы ў вобласці было вызвалена больш чым 11 тыс. чалавек².

Увага абласных, гарадскіх, раённых камітэтаў КПБ да праблем механізацыі працаёмкіх працэсаў і паляпшэння на гэтай аснове ўмоў працы актывізавала работу пярвочных партыйных арганізацый. Станоўчы вопыт кіраўніцтва вытворчасцю, стварэння спрыяльных умоў працы набылі партыйныя арганізацыі мінскіх трактарнага і аўтамабільнага заводаў, мотавелазавода, магілёўскага завода «Строммашына», гомельскіх заводаў «Гідрапрывод», «Электраапаратура». На Брэсцкім заводзе газавой апаратуры, напрыклад, рэалізацыя пад кантролем парткома плана сацыяльнага развіцця працоўнага калектыву дазволіла на аснове механізацыі і аўтаматызацыі вытворчых працэсаў скараціць у 1973 годзе ўдзельную вагу працуючых у гарачых цэхах і на шкодных работах на 44 % у параўнанні з 1971 годам³.

На гомельскім заводзе «Гідрапрывод» пад кіраўніцтвам партыйнай арганізацыі ажыццяўлялася комплексная праграма па скарачэнню ручной працы на 1976—1985 гады. Партыйнае бюро завода ў яе рэалізацыю ўцягнула перадавікоў вытворчасці, спецыялістаў, членаў НТТ, УТВР і іншых грамадскіх фарміраванняў. Вялікая ўвага тут удзялялася супрацоўніцтву з навукова-даследчымі і праектнымі інстытутамі, стварэнню сродкаў малай механізацыі. Праведзеная работа дазволіла толькі за тры гады дзесятай пяцігодкі скараціць колькасць рабочых, занятых ручной працай, на 10,5 %, ступень механізацыі асноўнай вытворчасці дасягнула 85,4 %, дапаможнай—60,3 %, пагрузачна-разгрузачных работ—79,1 %⁴.

Аднак у цэлым тэхнічная аснашчанасць прамысловасці рэспублікі заставалася недастатковай, тэмпы ўкаранення новай тэхнікі і прагрэсіўных тэхналогій былі невысокімі. Асабліва многа непрадукцыйнай і цяжкай ручной працы захавалася ў дапаможнай вытворчасці, дзе было занята каля палавіны ўсіх рабочых. Партыйныя арганізацыі, гаспадарчыя кіраўнікі адносіліся да дапаможных цэхаў як да другарадных, яны горш аснашчаліся тэхнікай і абсталяваннем. У машынабудаванні, напрыклад, ступень ахопу асноўных рабочых механізаванай і аўтаматызаванай працай складала ў 1980 годзе 75—85 %, дапаможных—у 2,6 раза ніжэй⁵.

Укараненне новай тэхнікі патрабавала ад партыйных арганізацый, гаспадарчых кадраў узмоцненнай увагі да пытанняў аховы працы і тэхнікі бяспекі. Па ініцыятыве партыйных арганізацый ва ўсіх працоўных калектывах праводзіліся агляды аховы працы, захавання тэхнікі бяспекі на вытворчасці. Дзеля іх арганізацыі ствараліся аглядныя камісіі, якія растлумачвалі мэты аглядаў, абагульнялі і аналізавалі прапановы працоўных. Павышэнне актыўнасці і ініцыятывы працоўных у вырашэнні пытанняў здараўлення і аблягчэння ўмоў працы былі ў цэнтры ўвагі абласных, гарадскіх, раённых камітэтаў КПБ, пярвічных партыйных арганізацый.

Партыйныя камітэты абагульнялі станючы вопыт работы асобных прадпрыемстваў. Так, Заводскі камітэт КПБ Мінска вывучаў вопыт паляпшэння ўмоў працы на падшыпніковым заводзе, дзе ў выніку тэхнічнага абнаўлення вытворчасці і выканання мерапрыемстваў па прамысловай санітарыі ўдалося вызваліць у 1978 годзе ад цяжкай фізічнай працы 34 і палепшыць умовы працы 124 рабочых. Узровень вытворчага траўматызму знізіўся тут за год на 3,4 %. Завод быў прызнаны лепшым па культуры вытворчасці сярод прадпрыемстваў Мінска⁶.

Праблемам удасканалення аховы працы і тэхнікі бяспекі прысвячаліся рэспубліканскія, абласныя і гарадскія навукова-практычныя канферэнцыі, семінары, партыйныя сходы. У працоўных калектывах пад кіраўніцтвам партыйных арганізацый ажыццяўлялася значная работа па ўзмацненню прапаганды і павышэнню ўзроўня ведаў па ахове працы і тэхніцы бяспекі, арганізоўваліся пастаянна дзеючыя лекторыі і кіналекторыі. У выніку прынятых мер частата вытворчага траўматызму ў народнай гаспадарцы рэспублікі за дзевятую пяцігодку знізілася больш чым на 16 %, колькасць прадпрыемстваў, якія працавалі без вытворчага траўматызму, павялічылася з 31,8 да 43 %. За гады дзесятай пяцігодкі вытворчы траўматызм знізіўся на 21,2 %, каля палавіны прадпрыемстваў працавала без траўм і аварый⁷.

Дзейнасць партыйных арганізацый па ўдасканаленню вытворчасці ўключае не толькі ліквідацыю ручной і цяжкай фізічнай працы, стварэнне здаровых і бяспечных умоў, але і павышэнне агульнай культуры вытворчасці. Вырашэнне гэтых пытанняў разглядалася як абавязковая ўмова для стварэння здаровага псіхалагічнага клімату ў працоўных калектывах, фундаменту для павышэння якасці і эфектыўнасці ўсёй работы прадпрыемстваў. На Мінскім мотавелазаводзе, магілёўскім заводзе «Строммашына», на некаторых іншых прадпрыемствах па ініцыятыве партыйных камітэтаў распрацоўваліся стандарты па культуры вытворчасці, уводзіліся санітарна-тэхнічныя пашпарты, арганізоўваліся рабочыя месцы па тыпавых праектах. Паміж цэхамі, аддзеламі, участкамі арганізоўвалася сацыялістычнае спартоўнае пераможцы якога заахвочваліся матэрыяльна і маральна за лепшыя вынікі па ўкараненню мерапрыемстваў, накіраваных на эстэтычнае ўдасканаленне вытворчасці.

У мэтах вывучэння, пашырэння перадавога вопыту, выпрацоўкі рэкамендацый па павышэнню культуры вытворчасці абласныя, гарадскія, раёныя камітэты КПБ выкарыстоўвалі правядзенне навукова-практычных канферэнцый, семінараў, у якіх прымалі ўдзел партыйныя, прафсаюзныя, камсамольскія, гаспадарчыя кіраўнікі, партыйныя і прафсаюзныя актыўныя. Выпрацоўваемыя імі рэкамендацыі складалі аснову канкрэтных мер прадпрыемстваў па эстэтычнай вытворчага асяроддзя.

Такім чынам, партыйнымі арганізацыямі Беларусі ў перыяд з 1971 года па 1980 год была праведзена лэўная станючая работа па паляпшэнню умоў працы ў прамысловасці. Аднак яе вынікі маглі быць яшчэ больш важкімі, калі б не перашкодзілі пагоня за валам, імкненне выканаць план любой цаной. Партыйныя арганізацыі, гаспадарчыя кіраўнікі змірыліся з невысокай культурай вытворчасці, існаваннем цяжкай ручной працы, абмяжоўваліся ажыццяўленнем частковых, а таму малаэфектыўных мер.

Планы тэхнічнага перааснашчэння прадпрыемстваў, паляпшэння ўмоў працы часам складаліся фармальна, уключалі нязначныя, меўшыя асобны характар мерапрыемствы, якія не закраналі карэнным вобразам ні тэхнічны ўзровень вытворчасці, ні тыя ўмовы, у якіх людзі павінны былі працаваць.

З боку партыйных арганізацый іншы раз адсутнічаў пастаянны і дзейны кантроль за работай па рэалізацыі прымаемых рашэнняў, накіраваных на стварэнне спрыяльных умоў працы. Партыйныя камітэты не здолелі ўсюды павысіць адказнасць гаспадарчых кадраў, усіх камуністаў, накіраваць іх намаганні на вырашэнне праблемы. Яны не ўнікалі ў дзейнасць прафсаюзаў, не нацэльвалі іх на сістэматычнае ўдасканалванне аховы працы і тэхнікі бяспекі ў вытворчасці.

Адной з сур'ёзных прычын незадавальняючага становішча ў вырашэнні праблемы з'яўлялася адсутнасць на многіх прадпрыемствах дакладных сведак і аб'ектыўнай інфармацыі аб стане ўмоў працы, аб колькасных і якасных змяненнях ў даннай вобласці. Гэта не дазваляла правільна вызначаць асноўныя напрамкі работы па паляпшэнню ўмоў вытворчай дзейнасці працоўных. Таму ў партыйных камітэтах, на прадпрыемствах аб эфектыўнасці рэалізуемых мерапрыемстваў меркавалі не па сапраўдным пераменам, а па засваенню выдзеленых на гэтыя мэты сродкаў, якія распадаваліся часам не рацыянальна.

Партыйныя арганізацыі не здолелі наладзіць учот, аналіз, абагульненне дасягнутых перадавымі калектывамі вынікаў, слаба прапагандавалі іх вопыт. Яны не дацэньвалі ўзрастаючую ролю ў паскарэнні тэмпаў тэхнічнага прагрэсу, паслядоўным скарачэнні ручной працы такога важнага фактара, як паўсядзённае выхаванне творчай актыўнасці рабочых, ІТР, служачых. Таму фармалізм ў арганізацыі аглядаў, сацыялістычнага саборніцтва, неэфектыўнае выкарыстанне сродкаў матэрыяльнага і маральнага заахвочвання за работу калектываў без траўм, за стварэнне нармальна-ных умоў працы на кожным рабочым месцы стрымлівалі актыўнасць і ініцыятыву працоўных. У выніку — несвоечасовае вырашэнне пытанняў механізацыі цяжкіх і працаёмкіх работ, паляпшэння вытворчых і бытавых умоў прыводзілі да вялікіх эканамічных і сацыяльных страт. Напрыклад, павялічвалася цяжучасць кадраў, асабліва сярод маладых людзей з даволі вялікім агульнаадукацыйным узроўнем.

Рэвалюцыйныя пераўтварэнні ў грамадстве, намечаныя XXVII з'ездам КПСС, прадугледжваюць актыўную сацыяльную палітыку. Паскарэнне сацыяльна-эканамічнага развіцця краіны, перабудова патрабуюць прыярытэтнага развіцця сацыяльнай сферы для таго, каб больш поўна задавальняліся патрэбнасці савецкіх людзей у добрых умовах працы, быту, адпачынку. Толькі ў спалучэнні з вырашэннем штодзённых пытанняў, якія хвалююць людзей, могуць быць вырашаны кардынальныя праблемы жыцця савецкага грамадства.

¹ Гл.: Советская Белоруссия. 1977. 5 марта; Народное хозяйство Белорусской ССР: Статистический ежегодник. Минск, 1976. С. 62.

² Гл.: Промышленность Белоруссии. 1981. № 8. С. 39.

³ ПА Брэсцкага АК КПБ. Ф. 5209, воп. 1, спр. 25, л. 54.

⁴ ПА Гомельскага АК КПБ. Ф. 144, воп. 152, спр. 105, л. 139.

⁵ Гл.: Промышленность Белоруссии. 1980. № 2. С. 20.

⁶ ПА Мінскага АК КПБ. Ф. 23, воп. 48, спр. 10, л. 154—156.

⁷ Гл.: Советская Белоруссия. 1977. 5 марта; Советская Белоруссия. 1982. 3 февраля.

У. Д. КРУКОЎСКИ

РОЛЯ КАМІТЭТАЎ КАМСАМОЛА ВЫШЭЙШЫХ НАВУЧАЛЬНЫХ УСТАНОЎ У ПАДРЫХТОУЦЫ АТЭІСТЫЧНЫХ КАДРАЎ (1971 — 1980)

У. І. Ленін неаднаразова ўказваў на прамую залежнасць вынікаў ідэалагічнай дзейнасці партыі, іншых грамадскіх арганізацый ад правільнага падбору і расстаноўкі прапагандыстаў і лектараў. Асабліва стараннага падыходу ён патрабаваў да прапагандысцкіх кадраў. «Сапраўды вытрыманых прыныпова і здольных прапагандыстаў **вельмі нямнога** (і каб стаць

такім, трэба многа павучыцца і набраць вопыту), і такіх людзей трэба спецыялізаваць, займаць іх цалкам і берагчы сугуба»¹.

У навукова-атэістычнай рабоце гэтыя ленинскія палажэнні напаўняюцца асаблівым сэнсам, таму што прапагандыстам часта даводзіцца мець справу з людзьмі, свядомасць якіх штучна адзелена ад усяго таго, што якім-небудзь чынам не ўзгадняецца з іх рэлігійнымі перакананнямі. Не выпадкова ЦК КПСС заўсёды надаваў пільную ўвагу падрыхтоўцы кваліфікаваных атэістычных кадраў. У пастанове Цэнтральнага Камітэта КПСС ад 16 ліпеня 1971 года «Аб ўзмацненні атэістычнага выхавання насельніцтва» ад партыйных і іншых арганізацый патрабавалася звярнуць асаблівую ўвагу на падрыхтоўку і перападрыхтоўку кадраў прапагандыстаў атэізму².

Важнае месца ў падрыхтоўцы прапагандыстаў і лектараў атэізму Камуністычная партыя адводзіць вышэйшай школе, камсамолу ВНУ. Неабходнасць павышэння іх ролі ў падрыхтоўцы атэістычных кадраў знайшла адлюстраванне ў мерапрыемствах ЦК КПБ па ўзмацненню атэістычнага выхавання насельніцтва (верасень, 1971) і мерапрыемствах ЦК ЛКСМБ па ўзмацненню атэістычнага выхавання камсамольцаў і моладзі рэспублікі (верасень, 1970)³.

Рад камітэтаў камсамолу ВНУ пад кіраўніцтвам партыйных арганізацый разварнуў работу па падрыхтоўцы лектараў і прапагандыстаў навуковага атэізму. Падрыхтоўцы атэістычных кадраў у многім садзейнічала праграмае вывучэнне студэнтамі навук, якія нясуць у сабе атэістычны запал, і перш за ўсё курса «Асновы навуковага атэізму». Камсамольскія арганізацыі дабіваліся, каб дадзеная дысцыпліна выкладалася на высокім ідэйна-тэарэтычным і метадычным узроўні. Формамі дзейнасці камітэтаў камсамолу па падрыхтоўцы атэістычных кадраў у даследуемы перыяд з'яўляліся таксама атэістычныя аддзяленні факультэтаў грамадскіх прафесій, школы маладых лектараў-атэістаў, клубы ваяўнічых атэістаў, народныя універсітэты навуковага атэізму. Сумесна з рэктаратамі, партыйнымі камітэтамі камсамольскія арганізацыі ўдзельнічалі ў распрацоўцы праграм атэістычных фарміраванняў, падборы слухачоў і кантролі за іх работай у працоўных калектывах.

Пасяхова рашаліся пытанні падрыхтоўкі рэзерву прапагандысцкіх кадраў на факультэце грамадскіх прафесій Гродзенскага медыцынскага інстытута. Вучэбнай праграмай прадугледжвалася размеркаванне слухачоў па базавых прадпрыемствах: завод карданых валаў, прадзільна-нітачны камбінат, абутковая фабрыка «Нёман». Кожны слухач-камсамолец атрымліваў накіраванне і замацоўваўся за вопытным прапагандыстам, пасля наведвання некалькіх заняткаў якога ён сам рыхтаваўся да іх правядзення. У канцы практыкі рабіўся аналіз некалькіх праведзеных заняткаў, і кожны слухач даваў на факультэт водгук прапагандыста, партыйнай або камсамольскай арганізацыі.

Станоўчы вопыт падрыхтоўкі рэзерву прапагандысцкіх кадраў атэізму на факультэтах грамадскіх прафесій набылі Гродзенскі сельскагаспадарчы інстытут, Віцебскі ордэна «Знак Пашаны» ветэрынарны інстытут імя Кастрычніцкай рэвалюцыі.

Паглыбленаму засваенню студэнтамі тэарэтычных і практычных пытанняў атэістычнага выхавання і барацьбы з рэлігійнай ідэалогіяй у многіх вышэйшых навучальных установах Беларусі садзейнічалі школы маладога лектара, створаныя па ініцыятыве камсамольскіх камітэтаў. Тут на працягу 2—3 год праходзілі падрыхтоўку кваліфікаваных кадры прапагандыстаў, лектараў-атэістаў.

У Мінскім дзяржаўным педагагічным інстытуце імя М. Горкага падрыхтоўка лектараў-атэістаў ажыццяўлялася па трохгадовай праграме. На працягу першага года навучання слухачам чыталіся лекцыі, прысвечаныя атэізму і рэлігіі. На другім годзе працавалі секцыі, дзе вывучаліся праблемы атэістычнага выхавання на ўроках гісторыі, біялогіі, хіміі, абмяркоўваліся тэксты лекцый, пробныя лекцыі ў аўдыторыі. На трэцім годзе чыталіся лекцыі, прысвечаныя метадам атэістычнага выхавання, слухачы самі выступалі з лекцыямі і гутаркамі.

Эфектыўна працавалі школы маладога лектара ў Беларускім дзяржаўным універсітэце імя У. І. Леніна, Мінскім дзяржаўным медыцынскім інстытуце, Беларускім інстытуце механізацыі сельскай гаспадаркі.

Пошукі сістэмы атэістычнага выхавання, якая забяспечвае спалучэнне тэарэтычнай і практычнай падрыхтоўкі лектараў—грамадскіх работнікаў

і прапагандыстаў атэізму, прыводзілі камітэты камсамола да арганізацыі атэістычных клубаў. Дзейснай формай падрыхтоўкі кадраў-атэістаў стаў клуб маладых ваяўнічых атэістаў Брэсцкага інжынерна-будаўнічага інстытута, створаны ў 1972 годзе на базе факультэта грамадскіх прафесій. Кіраўніцтва работай ажыццяўляла праўленне на чале з вопытным педагогам-атэістам З. О. Зімак. Усе члены клуба на працягу двух год праходзілі абавязковы курс тэарэтычнага абучэння на атэістычным аддзяленні школы маладога лектара, а потым, з засваеннем неабходнай тэарэтычнай падрыхтоўкі, выкарыстоўвалі атрыманыя веды на практыцы: выпускалі насценгазету «Ваяўнічы матэрыяліст», выступалі з лекцыямі і гутаркамі, нумарамі мастацкай самадзейнасці перад студэнцкай аўдыторыяй, у будатрадах, перад насельніцтвам вобласці, вялі актыўную індывідуальную атэістычную работу. У 1979 годзе бюро Брэсцкага абкома камсамола абаргуліла вопыт работы клуба і рэкамендавала яго для выкарыстання іншым навучальным установам вобласці. Добра зарэкамендаваў сябе таксама клуб ваяўнічых атэістаў і ў Брэсцкім педагагічным інстытуце.

Неабходнасць павялічвання колькасці атэістычных кадраў, паглыбленая якасці атэістычнай прапаганды паставілі перад партыйнай і камсамольскай арганізацыямі Гродзенскага сельскагаспадарчага інстытута пытанне аб арганізацыі народнага ўніверсітэта навуковага атэізму. Ён быў створаны ў 1972 годзе на базе атэістычнага аддзялення факультэта грамадскіх прафесій. Навучанне ў народным ўніверсітэце праводзілася па трохгадовай праграме. За гэты час у ходзе лекцыйных і семінарскіх заняткаў слухачы атрымлівалі веды па марксісцка-ленінскай тэорыі навуковага атэізму, метадыцы правядзення атэістычнай работы з насельніцтвам. Асабліва ўвага ўдзялялася практычнаму ўдзелу студэнтаў у навукова-атэістычным выхаванні. Ужо з першага года навучання слухачы выступалі з рэфератамі перад студэнтамі і ў падшэфных сельскіх школах, вялі сацыялагічныя даследаванні. У мэтах расшырэння геаграфіі атэістычнага ўплыву народны ўніверсітэт стварыў філіялы — двухгадовыя атэістычныя семінары ў г. п. Сопаткіно, вёсках Індура і Гожа.

Але прыведзеныя прыклады станоўчай работы па падрыхтоўцы атэістычных кадраў у 70-я гады былі нешматлікімі і не атрымалі шырокага распаўсюджання ў рэспубліцы. Адзначаныя ХХ з'ездам ВЛКСМ негатыўныя тэндэнцыі ў рабоце камсамола аказаліся ўласцівымі і камітэтам камсамола вышэйшых навучальных устаноў. Работа многіх камсамольскіх арганізацый ВНУ па падрыхтоўцы атэістычных кадраў вызначалася на падставе суб'ектыўных адзнак з боку камсамольскіх кіраўнікоў, умела складзеных справаздач, маніпулявання лічбавымі дадзенымі.

Многія выпускнікі прапагандысцкіх аддзяленняў факультэтаў грамадскіх прафесій, школ маладога лектара, клубаў ваяўнічых атэістаў, ўніверсітэтаў навуковага атэізму пасля заканчэння ВНУ спынялі актыўную атэістычную дзейнасць. Па рэспубліцы толькі палова выпускнікоў, якая атрымала спецыяльнасць прапагандыста на факультэтах грамадскіх прафесій, удзельнічала ў атэістычнай рабоце. У Гродзенскай вобласці, дзе пытанні атэістычнага выхавання моладзі рашаліся крыху лепш, гэты паказчык, па справаздачах камітэтаў камсамола, складаў крыху больш 50 %⁴. Прыкладна такое ж становішча назіралася і з выпускнікамі школ маладога лектара, ўніверсітэтаў атэізму.

Адбывалася гэта як у выніку фармальнага падыходу шэрагу камітэтаў камсамола да камплектавання атэістычных аддзяленняў факультэтаў грамадскіх прафесій і іншых фарміраванняў, так і фармальных адносін да ідэалагічнай работы з боку кіраўнікоў прадпрыемстваў і ўстаноў, камсамольскіх работнікаў. Таму многія выпускнікі ўхіляліся ад удзелу ў ідэалагічнай рабоце. Гэтаму садзейнічалі і тыя абставіны, што работнікі райкомаў і гаркомаў камсамола мелі нізкую атэістычную кампетэнтнасць, недаацэньвалі значнасць атэістычнага выхавання, не цікавіліся грамадскай спецыяльнасцю маладых выпускнікоў пры пастаноўцы іх на камсамольскі ўчот. Больш як сем месяцаў Бярозаўскі РК ЛКСМБ, напрыклад, не прыцягваў для правядзення атэістычнай прапаганды сярэд моладзі раёна Галіну Дубаню, якая паспяхова закончыла аддзяленне навуковага атэізму Гродзенскага сельскагаспадарчага інстытута. А зрабіць гэта было неабходна хоць бы таму, што лектарская група райкома ЛКСМБ не прачытала ніводнай лекцыі па навукова-атэістычнай тэматыцы.

Аб аб'ектыўных адносін асобных адказных камсамольскіх работнікаў да выкарыстання атэістычных кадраў сведчыць і той факт, што ў струк-

туры лекцыйнай прапаганды навукова-атэістычная тэма ў лектарскіх групах некаторых гаркомаў і райкомаў камсамола складала толькі 1—4%⁵. Адна з прычын падобнага становішча, напэўна, заключалася ў адсутнасці належнай сістэмы кантролю за грамадскай дзейнасцю выпускніка. У сярэдыне 70-х гадоў камсамольскай арганізацыяй Беларускага інстытута народнай гаспадаркі рабіліся спробы выпрацаваць такую сістэму, але распаўсюджанне не атрымалі.

Аб няўвазе да падрыхтоўкі маладых атэістычных кадраў сведчыла і малалікасць атэістычных фарміраванняў вышэйшых навучальных устаноў. Напрыклад, у Мінскім радыётэхнічным інстытуце на чатырох аддзяленнях школы маладога лектара (адно з іх атэістычнае) займалася 48 студэнтаў, у радзе ВНУ Гомеля і Брэста падрыхтоўка рэзерву прапагандысцкіх кадраў, па сутнасці, не вялася⁶. Работа многіх факультэтаў грамадскіх прафесій, школ маладога лектара вышэйшых навучальных устаноў характарызавалася слабай наведвальнасцю, нерэгулярнасцю правядзення заняткаў. Абыякавыя адносіны раду рэктаратаў, партыйных і камсамольскіх камітэтаў да дзейнасці ідэалагічных фарміраванняў дрэнна адбіваліся на забеспячэнні атэістычных аддзяленняў нагляднымі дапаможнікамі і тэхнічнымі сродкамі прапаганды. Рабоце атэістычных фарміраванняў часта перашкаджалі няўзгодненасць дзеянняў, фармальны падыход да іх патрэб грамадскіх арганізацый. Усё гэта зніжала эфектыўнасць вучэбнага працэсу. У прыватнасці, у Магілёўскім педагагічным інстытуце дзейнічалі тры самастойныя школы маладога лектара: міжнародніка, атэіста і прыродазнаўцы. У кожнай школе быў кіраўнік, старшыня і яго намеснік. Аднак адсутнасць савета школ, адзінага плана работы, раз'яднанасць прывялі да таго, што школы прыродазнаўцы і атэіста, не атрымліваючы неабходнай дапамогі з боку камітэта камсамола, фактычна бяздзейнічалі⁷.

Нават гэты далёка не поўны пералік недахопаў у дзейнасці камітэтаў камсамола вышэйшых навучальных устаноў па падрыхтоўцы кадраў атэістычнай работы з моладдзю дазваляе зрабіць вывад, што яна не адпавядае патрабаванням часу.

Студзеньскі (1987) Пленум ЦК КПСС паставіў задачу ўмацаваць ідэалагічную работу высокакваліфікаванымі, падрыхтаванымі кадрамі, якія ў поўнай меры адчуваюць пульс часу, глыбока разумеюць сутнасць пастаўленых задач, здольны эфектыўна прапагандаваць палітыку партыі, пераконваць і арганізоўваць людзей. Перабудова падрыхтоўкі кадраў па атэістычнаму выхаванню моладзі на новым якасным узроўні магчыма толькі на падставе ўдумлівага аналізу ўрокаў мінулага, выкарыстання лепшага вопыту камсамольскіх арганізацый. Эфектыўнасць гэтага напрамку атэістычнай работы будзе дасягацца тады, калі камсамольскія камітэты будуць добра валодаць праблемай падрыхтоўкі атэістычных кадраў, будуць займацца ёй творча, выкарыстоўваючы дасягненні лепшых атэістаў рэспублікі і краіны.

¹ Ленін У. І. Творы. Т. 6. С. 218.

² Гл.: КПСС о формировании нового человека: Сборник документов и материалов (1966—1976). М., 1976. С. 122.

³ ПА ІГП пры ЦК КПБ. Ф. 4, воп. 81, спр. 2362, л. 40; ф. 63, воп. 7, спр. 227, л. 48.

⁴ Гл.: Знамя юности. 1977. 16 снежня; ПА Гродзенскага АК КПБ. Ф. 20, воп. 26, спр. 6, л. 28.

⁵ Гл.: Знамя юности. 1972. 2 февр.

⁶ Там жа. 1977. 16 дек.; ПА ІГП пры ЦК КПБ. Ф. 63, воп. 37, спр. 51, л. 28.

⁷ ПА ІГП пры ЦК КПБ. Ф. 63, воп. 50, спр. 23, л. 51.

В. С. КЛИМОВИЧ

УГЛУБЛЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ДЕМОКРАТИЗМА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕСТРОЙКИ

Развитие советского государственного строя обеспечивается выбором наиболее эффективных путей и средств обеспечения полновластия трудящихся, суть которого сводится к управлению народом посредством самого народа, т. е. к самоуправлению в марксистском его понимании.

Почему нам нужна демократия? Четкий ответ на этот вопрос дан XXVII съездом партии. «Демократия, — говорится в Политическом докладе ЦК КПСС съезду, — это тот здоровый и чистый воздух, в котором только и может полнокровно жить социалистический общественный организм»¹.

Источник силы советского социалистического строя — неразрывная связь с народом, вовлечение самых широких масс в управление страной и общественными делами. Это как раз и призвана обеспечить социалистическая демократия.

«Чем больше размах, чем больше широта исторических действий, — писал Владимир Ильич Ленин после победы Октябрьской революции, — тем больше число людей, которое в этих действиях участвует, и, наоборот, чем глубже преобразование, которое мы хотим произвести, тем больше надо поднять интерес к нему и сознательное отношение, убедить в этой необходимости новые и новые миллионы и десятки миллионов»².

Правота этой ленинской мысли убедительно подтверждается всей нашей жизнью: в каждый ответственный исторический момент решающее слово остается за народом. «Только народ, располагающий всей полнотой власти в государстве и осознающий себя хозяином, ответственным за положение дел в стране, области, городе, на каждом предприятии, способен решить те сложные и многообразные задачи, которые включает в себя перестройка, способен вывести советское общество на новые рубежи социального, экономического и научно-технического прогресса»³.

Важнейшим направлением углубления и расширения социалистической демократии партия считает развитие демократии в сфере производства, последовательное внедрение самоуправленческих начал в работу трудовых коллективов. Развить на деле инициативу людей призван Закон о государственном предприятии. Он предоставляет общему собранию и совету трудового коллектива широкие возможности решать производственные, социальные и кадровые вопросы.

В укреплении демократических начал управления производством исключительно важная роль принадлежит советским профсоюзам, которые насчитывают в своих рядах 140 млн человек, т. е. практически все трудоспособное население страны. Профсоюзы все активнее содействуют перестройке жизни трудовых коллективов на основе самоуправления, хозрасчета, самокупаемости и самофинансирования, развития трудовой и политической активности трудящихся.

Выборность руководителей предприятий на всех уровнях и меры по демократизации экономики и управления сопровождаются совершенствованием избирательной системы с целью обеспечения эффективного участия избирателей в выборах. Январский (1987) Пленум ЦК КПСС отметил, что избирательная система должна постоянно обогащаться, в противном случае не будет обеспечено одно из основных направлений развития социалистической демократии.

В июне 1987 года у нас прошли выборы в местные Советы народных депутатов. Их отличительная особенность в том, что это были первые выборы после XXVII съезда партии, январского Пленума ЦК КПСС и что проходили они в условиях, когда свежий ветер демократического обновления проник во все клетки нашего социального организма. Вот приметы нового. Президиум Верховного Совета БССР Указом от 20 марта 1987 года принял постановление «О проведении в порядке эксперимента выборов в местные Советы народных депутатов Белорусской ССР по многомандатным избирательным округам», согласно которому нововведение прошло апробацию на территории Бельничского, Глубокского, Дрогичинского, Ельского, Клецкого и Кореличского районов⁴. Смысл эксперимента заключается в том, что при проведении выборов в местные Советы в указанных районах был осуществлен новый порядок выдвижения кандидатов в депутаты по укрупненным избирательным округам и голосование по нескольким кандидатурам.

Если в результате голосования число избранных депутатов окажется больше, чем число мандатов по избирательному округу, то депутаты, получившие меньшее количество голосов становятся резервными депутатами соответствующего Совета. Резервный депутат получает удостоверение и имеет совещательный голос сессии. Если депутат выбывает из состава Совета, его мандат передается резервному депутату, получившему большее количество голосов по сравнению с другими резервными депутатами.

Выборы по многомандатным избирательным округам убедительно подтвердили правильность и плодотворность новых подходов. Они показали возросшую политическую активность и заинтересованность людей в том, чтобы в местные Советы были избраны действительно лучшие представители трудящихся. В Советском Союзе выборы в Советы народных депутатов являются кульминационным пунктом в жизни общества и его граждан, периодом наивысшей политической и экономической активности и в этом смысле — важной составной частью осуществления власти трудящихся под руководством КПСС.

У нас в стране профессиональных парламентариев нет. Наши депутаты трудятся рука об руку со своими избирателями, живут их интересами. Напомним, что вскоре после победы Октября В. И. Ленин поставил задачу превратить Советы в такие органы государственного руководства, которые работали бы не только для трудящихся, но и через трудящихся. Ныне с полным правом можно сказать, что именно эту задачу решает начатый эксперимент — актуальнейшее, живое, нужное и для избирателей, и для депутатов явление нашего времени.

Продолжается работа по укреплению демократических принципов жизни партии. Это касается прежде всего формирования ее выборных органов. Критерий здесь один — дать полный простор волеизъявлению каждого коммуниста при выборе секретарей партийных бюро и партийных комитетов, повышать их ответственность перед теми, кто их избрал. Активный поиск, новаторство, преодоление комплекса непогрешимости, тесная связь с массами, широкая информированность, единство слова и дела — вот требования, которые предъявляются сегодня к стилю работы партийных организаций, к каждому члену партии.

Непременным условием процесса демократизации нашего общества и одной из важнейших гарантий необратимости начатых перемен являются гласность, критика и самокритика. Если народ не будет знать все и не сможет обо всем судить сознательно, ни одна из сторон нашей политической системы не сможет развиваться в соответствии с требованиями времени. В одном из своих выступлений М. С. Горбачев сказал: «Нам нужна гласность для того, чтобы обеспечить выполнение задач съезда, включить народ по-настоящему во все дела управления государством, о чем мечтал В. И. Ленин»⁵.

Развитие гласности не имеет ничего общего с демагогией, спекуляцией на высоких словах и понятиях, выпячиванием мелких, своекорыстных интересов. Беда, когда гласность попадает на безнравственную почву, в руки тех, кто ищет в гласности собственную выгоду. Значение гласности возрастает во сто крат, когда речь идет о последовательном и неуклонном совершенствовании социалистической демократии, о развитии самоуправления народа. Гласность — это исходный пункт психологической перестройки наших кадров, незаменимое оружие в борьбе с бюрократизмом, чванством и другими подобными явлениями. Главное сейчас — прививать интерес к гласности во всех сферах, на всех уровнях общества. Надо научиться обращать слова в дела, а конкретные решения — в практику.

Сила и действенность советской демократии в том, что она исходит из интересов масс, опирается на них, поддерживается ими. Трудности и противоречия, которые здесь встречаются, свидетельствуют о борьбе нового, передового со старым, отжившим. А оно нередко проявляется в нерешительности и неуверенности, формализме и заорганизованности при решении жизненно важных проблем.

«И сейчас, мы видим, — говорил М. С. Горбачев в докладе на торжественном заседании, посвященном 70-летию Великого Октября, — как трудно люди осваиваются с новой обстановкой, с возможностью и необходимостью жить и решать все вопросы демократическими методами. Многие пока «робеют», действуют с оглядкой, боятся ответственности, находятся еще в плену устаревших правил и инструкций. Задача состоит в том, чтобы привить людям вкус к самостоятельности и ответственности в подходе к производственным и общественным делам любого масштаба, развивать самоуправление как власть народа, осуществляемую самим народом и в интересах народа»⁶.

¹ XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стенографический отчет. М., 1986. Т. 1. С. 77.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 140.

³ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 4. С. 476.

⁴ См.: Советская Белоруссия. 1987. 29 марта.

⁵ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 4. С. 50.

⁶ Коммунист. 1987. № 17. С. 22.

О. А. ЯНОВСКИЙ

ЗАПАДНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ

В конце XV века процесс объединения русских земель завершился созданием централизованного феодального государства. Тем самым была заложена основа для развертывания борьбы за возвращение территорий, ранее захваченных западными соседями Руси, за выход к главному водному пути международной торговли — Балтийскому морю.

Решить же эту задачу было невозможно без завершения объединения западнорусских, украинских и белорусских земель, а они находились под властью ливонских рыцарей и литовских князей. Уже с 80-х годов XV века Россия находилась в постоянно напряженных отношениях как с Великим княжеством Литовским, так и с Ливонским орденом. Кратковременные периоды перемирий сменялись военными столкновениями.

В практике дипломатических отношений для обоснования претензий Москвы на западные земли использовался также утвердившийся к началу XVI века титул великих князей московских как государей «всей Руси». Эти цели просматриваются и в политической подоплеке венчания на царство Ивана IV «шалкой Мономаха», в оформлении весьма своеобразной государственной печати и других атрибутов государственной власти.

В полной мере единство двух задач русской дипломатии (выхода к Балтийскому морю и объединения западнорусских, украинских и белорусских земель) проявилось в ходе Ливонской войны (1558—1583). Название этого, почти 25-летнего сражения России с широким, но не единым фронтом государств отразило конечную цель московского правительства — овладение восточным побережьем Балтийского моря. Важность этой задачи предопределялась тем, что к середине XVI века в Европе возросло значение русского и скандинавского рынков¹. Россия стремилась достигнуть выгодных условий для развития торговли со странами Европы. Этот вопрос постоянно присутствовал во всех внешнеполитических комбинациях правительства Ивана IV, был определяющим началом содержания политических акций, династических устремлений и притязаний.

Своеобразие положения России заключалось в том, что она, в отличие от своих северо-западных соседей, была вовсе лишена выхода к морю. Тем самым ей грозила опасность остаться убежищем «варварства и феодализма», ибо, по словам Ф. Энгельса, «буржуазная цивилизация распространялась вдоль морских берегов и по течению больших рек»².

С 90-х годов XV века Ливония стала рассматриваться русским правительством как «отчина» великих московских князей. Тем самым определялся и внешнеполитический курс России на западном направлении. Благоприятная для России политическая ситуация, сложившаяся к середине XVI века, позволила Ивану IV ужесточить свои отношения с Ливонским орденом, а затем и начать против него военные действия. Обеспечивая тылы, Россия добилась определенной стабилизации положения на южной границе. К тому же с 1557 года Турция и Крым, когда наметилось продвижение Сигизмунда II Августа, короля польского, в Прибалтику, исподволь стали ориентировать Ивана IV на войну против Польско-Литовского государства, предлагая свои услуги³. Южных соседей интересовала, конечно, не «балтийская проблема», а возможность за счет России ослабить польскую корону. Как ни странно, балтийская политика Ивана Грозного получила определенную поддержку также со стороны Рима и Вены, которые надеялись таким путем втянуть Россию в войну с Крымом и Турцией, а также использовать в своих интересах негативное отношение царя к «лютеровой ереси».

Можно согласиться с мнением, что Иван IV в 1558 году упреждал своих соперников, начав войну раньше, чем они смогли объединиться. Однако, по нашему мнению, само это объединение стало возможным только после начала военных действий России против Ливонского ордена и в за-

падно направлении вообще. Политическая подоплека Ливонской войны неоднозначна. Расчеты сторон были тесно переплетены, хотя каждая преследовала свои выгоды. В сложной борьбе правительство Москвы проводило гибкую дипломатию, действуя планомерно, используя малейшие затруднения, трения и замешательства в стане и соперников, и партнеров.

Действенным оружием российской дипломатии был религиозный вопрос. Он был тесно вплетен в общую канву проблемы «балтийского господства». В обосновании притязаний на восточное побережье Балтийского моря, как и на присоединение белорусских земель, Иван Грозный использовал такой веский аргумент, как обличение соперников во враждебном отношении к христианской церкви. В первом послании к А. Курбскому царь, оправдывая военные шаги в западном направлении, доказывал, что «Аще бы и крестьяне были в тех странах, и мы воюем по прородителей своих обычаю, яка же и прежде сего многажды случилося; ныне же вемы, в тех странах несть христиан...»⁴. Далее Иван IV заявил, что Россия должна оградить православие от посягательств «литаонского и готфейского» языков.

В переписке с императором Священной Римской империи Фердинандом I царь, обосновывая справедливость своих действий в Ливонии в 1559 году, сослался не только на то, что город Юрьев и другие города в землях «ост-зейских соорудил предок наш царь Руси по имени Юрий Ярослав...», но и что он, Иван IV, намерен искоренить здесь лютеранство⁵.

Хотя формальной причиной объявления войны Ливонскому ордену было то, что ливонцы «целовали крест государю дань принести... и дани не привезли и, на чем целовали, в том во всем солгали», все же, несмотря на ограниченность источникового материала, следует признать, что Иван Грозный с самого начала предполагал возможность не только русско-ливонской войны, но и столкновения с Польско-Литовским государством из-за белорусских территорий. У Москвы к этому времени было такое мощное политическое обоснование своей наступательной активности, как обвинение его и Ливонского ордена в «лютеровой ереси». Данное обстоятельство позволяло, как уже сказано, рассчитывать на поддержку не только православной, но и католической церкви и даже некоторых стран Западной Европы.

Как заметил известный советский историк В. Т. Пашуто, Москва после завершения объединения собственно великорусских земель, занявшись «балтийским вопросом», постоянно активизировала борьбу и за воссоединение Белоруссии и Украины⁶. Эту мысль можно подтвердить доказательствами, почерпнутыми, например, из средневековой «Хроники» Б. Рюсова, где прямо сказано, что царь нацелился не только на Ливонию, но и на всю Литву⁷. Во время же переговоров 1573 года о перемирии Иван Грозный открыто заявил, что имеет «особливое свое хотение на литовское княжество»⁸.

Не только тактические ходы московского правительства, но и стратегию на определенных этапах такой длительной военной акции, какой была Ливонская война, постоянно корректировал вопрос о белорусских землях Великого княжества Литовского. Он фигурировал и на всех дипломатических переговорах России и Польско-Литовского государства. Так, в обращении Ивана IV к литовским выборщикам в период польского бескорольевья указывалось, что царь видит перспективу мира на западных границах только при условии присоединения белорусских земель. Кроме того, считается, что одним из поводов к Ливонской войне было стремление России к присоединению «литовско-русских» земель⁹.

О том, что задачи объединительного процесса решались в ходе Ливонской войны, можно судить по характеру военных действий: они в широких масштабах разворачивались на белорусских территориях Великого княжества Литовского. Особенно отчетливо эти задачи просматриваются в событиях 1562—1565 годов, когда Россией были достигнуты наиболее крупные успехи в их реализации. Необычайно торжественно Иван IV отпраздновал взятие русскими войсками в 1563 году Полоцка, чем подчеркнул значимость этой победы. Несколько позже, в 1566 году, Земский собор, созданный по сути дела для подтверждения необходимости борьбы с Великим княжеством Литовским, безоговорочно постановил следовать уже взятому курсу. Он продемонстрировал единство бояр, дворян, духовенства, торговых людей в оценке экономической и политической важности этой борьбы.

Наряду с дипломатическими и военными шагами Иван Грозный с конца 1565 года стал осуществлять широкую кампанию по закреплению позиций в отвоеванных белорусских землях путем строительства целой линии крепостей. Тем самым закладывался плацдарм для продвижения к Балтике.

Большую помощь в сооружении крепостей Сокол, Нищерда, Козьян, Усвят, Красный, Суша и других оказывали «тамошние» жители, многие из которых переходили на царскую службу. Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют говорить о их прочной ориентации на Россию. По оценке В. Т. Пашуто, славянские народы, находившиеся под властью Великого княжества Литовского, в переломные моменты истории России особенно сильно тяготели к ней¹⁰. Это стремление подкреплялось конкретной обстановкой середины XVI века, вытекало из целенаправленной политики Москвы.

Таким образом, в западной политике России в рассматриваемое время следует видеть целый комплекс проблем, которые осознавало, ставило на повестку дня и пыталось решать московское правительство.

¹ См.: Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. СПб., 1893. Т. 1. С. X—XI; Кан А. С. История скандинавских стран. М., 1980. С. 59.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 472.

³ См.: Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV—XVI вв. М., 1984. С. 252.

⁴ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981. С. 13, 38.

⁵ Сказания иностранцев о России в XVI—XVII веках. СПб., 1843. С. 8.

⁶ См.: Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. (1982 год). М., 1984. С. 24.

⁷ См.: Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1883. Т. 2. С. 127.

⁸ Переписка между Россией и Польшей по 1700 год: 1487—1584. М., 1862. Ч. 1. С. 140.

⁹ См.: Sliwinski A. Stefan Batory. Warszawa, 1928. S. 121.

¹⁰ См.: История СССР. 1980. № 4. С. 74.

И. О. ЕВТУХОВ, В. А. ФЕДОСИК

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ АНТРОПОЛОГИИ АВРЕЛИЯ АВГУСТИНА

Мировоззрение Аврелия Августина привлекало и привлекает внимание исследователей прежде всего тем, что он был крупнейшим мыслителем поздней античности и одновременно первым крупным идеологом средневековья. Августин был видным античным философом и в то же время стал одним из наиболее авторитетных христианских теологов, одним из «отцов церкви».

В последнее время в советской историографии появился ряд работ, в которых исследуются этическое и эстетическое учения Августина, анализируется переходный характер его мировоззрения¹. Однако до сих пор не стала предметом специального исследования антропология Аврелия Августина. Между тем анализ его антропологии представляется, на наш взгляд, актуальным, ибо это помогает составить более полное представление о социальном смысле идеологических учений эпохи перехода от рабовладения к феодализму.

Следует учитывать, что человек не всегда являлся объектом пристального внимания мыслителей прошлого, вследствие чего антропологические аспекты занимают в их построениях подчиненную роль по отношению к онтологии и гносеологии. Для античных авторов, помимо этого, характерно решение проблемы человека в этическом плане. В христианстве, с его идеей индивидуального спасения каждого смертного, отмечается усиление интереса к человеку.

Особую актуальность проблемы, прямо или косвенно связанные с антропологией, приобретали в периоды, когда в недрах общества нарастали кризисные явления. В этом отношении IV век — один из наиболее пока-

зательных. Начало его совпадает с преодолением глубокого кризиса III века, конец — со складыванием предпосылок кризисных явлений начала V века, приведших к гибели античной цивилизации. В этих условиях христианская церковь превратилась в достаточно мощную организацию со строго иерархической структурой и обязательной для всех ее членов системой взглядов. Она стремилась, опираясь на государственную власть, сосредоточить в своих руках все средства идеологического воздействия, особенно после официального запрета языческой религии. Античная антропология уже не отвечала потребностям зарождавшейся феодальной общественно-экономической формации. Разработка новой концепции человека стала насущной необходимостью. Эта задача была выполнена идеологами церкви путем синтеза христианской и античной идеалистической философии (неоплатонизма). Начало этому было положено в трудах Аврелия Августина. Однако формирование его антропологической системы не было однозначным, а достаточно сложным и противоречивым процессом. Августин отдал дань манихейству, неоплатонизму и лишь в зрелые годы пришел к христианству. Весьма интересен и показателен для эволюции его мировоззрения период Кассициака, когда он с 386 г. некоторое время жил на вилле своего друга около Милана (*Confess.*, IX, 3).

Именно здесь им создан ряд произведений, в которых были сформулированы основные положения антропологической системы, содержащей наряду с оригинальными идеи неоплатонического и христианского толка. Эта система породила споры, особенно среди теологов, озабоченных стремлением не допустить подрыва авторитета одной из крупнейших фигур в патристике. Произведения Августина периода Кассициака польская «Католическая энциклопедия» называет «сочинениями катехумена», а шведский исследователь Х. Хагендаль отказывает им даже в этом². В то же время один из современных православных богословов доказывает, что мировоззрение Августина в Кассициаке было христианским³. В действительности же концепция человека Августина в данный период почти не имеет точек соприкосновения с ортодоксально-христианскими взглядами.

Августин рассматривает человека как часть мирового тела, существующую лишь постольку, поскольку он получает вид через душу (*De immort. anim.*, 8, 14). Истинно мудрый человек стремится существовать, чтобы жить, и жить, чтобы познавать, ибо познание сделает его блаженным (*Solil.*, II, 1). Таким образом, основное содержание антропологии Аврелия Августина периода Кассициака, составляющее ее теоретическую и практическую стороны соответственно, — это исследование свойств души и путей к обретению жизни блаженной.

Основа учения о душе — идея о ее бестелесности, что не мешает ей обладать целым рядом качественных характеристик и выполнять определенные функции. Душа находится одновременно в любой части тела, только ей принадлежит жизнь, в ее тайниках существуют все истинные разумные положения. Душа приводит в движение тело, образует и совершенствует человека посредством неотделимого от нее разума. Подобно телу душа нуждается в пище, только особого рода — понимании вещей и знании. Голод души неминуемо ведет либо к порокам и распутству, либо к оскудению (глупости) (*De immort. anim.*, 3, 4, 14; *De beat. vit.*, 2, 4).

Легко заметить, что в области теоретической Августин во многом следует Плотину, но по целому ряду вопросов существенно расходится с ним. Согласно взглядам Августина, бессмертная душа мечтает о возвращении на свою родину (к богу), что исполнимо только путем преодоления лжи и познания истины (*Contg. Acad.*, II, 9). Для этого разум образует «свободные искусства», которые служат лестницей к уразумению «простых и умопостигаемых чисел», ведущих к познанию бога (*De ord.*, II, 12—16). Плотин же настаивает на мистическом озарении, на пути к которому душа проходит: 1) очищение молитвами, 2) украшение добродетелями, 3) отрешение от всего чувственного, воспарение в мир сверхчувственный и попытки в нем удержаться, 4) использование благ этого мира (*Епн.*, VI, 4,

16; 7, 36). Кроме того, Августин не приемлет признаваемый неоплатониками политеизм, отказывается от учения о переселении душ (метемпсихоза), выражая тем самым идею неповторимости каждой человеческой личности.

Человеку присуще стремление к счастливой (блаженной) жизни, и Августин ищет способ ее обретения. Жить блаженно значит для него прежде всего жить согласно душе и разуму, обладать мудростью, т. е. знанием вещей человеческих и божественных, найти истину и прилепиться к ней (*Contr. Acad.*, I, 2, 6; *De ord.*, I, 4). Таким образом, решающую роль в решении проблемы призваны сыграть понятия истины и мудрости. Первая определяется при помощи образов греко-римской мифологии: вечно ускользающего Протея и Всевышнего Аполлона. О второй сообщается, что она находится у бога и станет доступной человеку только после смерти (*Contr. Acad.*, III, 6; *De ord.*, I, 4). В итоге Августин попадает в затруднительное положение: при жизни мудрость недостижима, без мудрости нет истины, без истины нет блаженной жизни. Из этого противоречия мыслитель выходит, замкнув все определения на Христе, который одновременно является и премудростью, и истиной, и богом. Жить блаженно, считает Августин, значит иметь в душе бога и услаждаться им (*De beat. vit.*, 4). Но бога — философского: премудрость и истину. Христа — логоса, а не спасителя. Достичь же этой цели мечтает только мудрец, т. е. человек бестревожный, презирующий материальные блага, изучающий свободные науки (*Contr. Acad.*, I, 1; III, 2). Следует подчеркнуть, что в области практической Августин избежал фатализма Плотина, считавшего, что на путь познания вступить может только тот, кому от природы присущ философский эрос, кто с самого начала есть настоящий философ (*Епп.*, V, 9, 2).

В полном соответствии с созданным идеалом проводил Аврелий Августин время в Кассициаке, заполняя его занятиями с Лиценцием и Тригенцием, которых он считал своей философской школой. Предобеденные часы отводились чтению Вергилия (*De ord.*, I, 8), послобеденные — философским беседам, далеким от религиозной проблематики. Можно сказать, что небольшое сообщество Кассициака представляло собой воплощение идеала античности — общину философов, тем более, что у нас нет оснований рассматривать Августина и его окружение (за исключением Моники, его матери) как христиан.

Антропология Аврелия Августина периода Кассициака не выходит в целом за рамки античной, но проявляет тенденцию к принятию христианской концепции человека. Это выразилось не только в постановке и решении чуждых античности проблем (грехопадение, искупление, благодать), но и в перенесении акцента с мудреца на живого (в христианском понимании) человека.

В окончательном виде антропологическая система Августина сложилась тогда, когда он стал епископом Иппона. Она оказала огромное влияние на средневековую идеологию. Во взглядах же Августина периода Кассициака весьма выпукло отразился переходный характер мировоззрения эпохи рубежа античности и средневековья.

¹ См.: Бычков В. В. Эстетика Аврелия Августина. М., 1984; Девятайкина Н. И. Идеино-политические истоки и ведущие принципы эстетического учения Августина // Проблемы структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1978. Вып. 2; Варна В. В. Этические антиномии религиозного учения Августина // Вестник МГУ. Сер.: Философ. 1983. № 4; Столяров А. А. *Recte honesteque vivere*. К истории духовной эволюции Августина // Античная культура и современная наука. М., 1985; Уманская Т. А. Проблема веры в «Исповеди» Августина // Проблемы бытия и познания в истории зарубежной философии. М., 1982.

² См.: *Encyclopedia katolicka*. Lublin, 1973. T. 1. P. 1088; Hagendal H. *Augustine and the Latin Classics*. Cöteborg. 1967. V. 2. P. 713—714.

³ Питирим. О блаженном Августине // Богословские труды. М., 1976. Сб. 15. С. 14.

В. Н. ВАРИЧ

РАССУДОК КАК ФЕНОМЕН ДУХА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЕДИНИЧНОГО И ВСЕОБЩЕГО

Диалектическая связь единичного, особенного и всеобщего является одним из формообразующих факторов «Феноменологии духа» Гегеля. Выделение этой связи в качестве методологического подхода к изучению данного произведения предполагает определение роли и места понятий «единичное», «особенное» и «всеобщее» как в структуре и методе «Феноменологии» в целом, так и в гегелевском анализе отдельных феноменов духа. Особый интерес представляют духовные образования, развитие которых сопровождается переходом индивидуального сознания на качественно более высокий уровень. Перечисленные обстоятельства обусловили выбор предмета настоящей статьи — гегелевского учения о рассудке, обеспечивающем в «Феноменологии» переход от сознания к самосознанию.

Опорными в предлагаемой Гегелем концепции рассудка являются понятия «сила», «игра сил», «внутреннее», «явление» и «сверхчувственный мир». В каком отношении находятся они к понятиям «единичное», «особенное» и «всеобщее» и каково значение последних в развитии рассудка как феномена духа?

Содержательный ответ на эти вопросы невозможен без краткой реконструкции развития сознания, подводящего к появлению рассудочной формы. Наряду с рассудком Гегель выделяет в сознании две менее развитые ступени: чувственную достоверность и восприятие. Анализируя первую из них, Гегель подчеркивает всеобщий характер вступающих в познавательное отношение сознания и предмета и показывает несостоятельность представления о них как о чувственно-данных единичных сущностях. Характеризуя затем воспринимающее сознание, философ приходит к выводу о том, что каждый из членов этого отношения представляет собой диалектическое единство «бытия для себя» и «бытия для другого». Бесконечное чередование в воспринимающем и в воспринимаемом «бытия для себя» как исключающей единичности и «бытия для другого» как включенности во всеобщее составляет сущность и своеобразие восприятия. И «я», и предмет выступают то как нечто сугубо единичное, исключающее всякую связь с иным, то как нечто вовлеченное во всеобщую связь. Разъединенные в восприятии, «бытие для себя» и «бытие для другого» воссоединяются в рассудочном сознании, достоянием которого становится осмысление их неразрывного взаимопроницающего единства. «Здесь обе эти стороны суть моменты силы; они точно так же находятся в некотором единстве, как это единство, являющееся средним термином по отношению к сущим для себя крайним терминам, в свою очередь, распадается именно на эти крайности, которые лишь благодаря этому и существуют»¹.

В понятии «силы» рассудка находят логическое завершение две фундаментальные линии гегелевского анализа сознания. Это понятие, во-первых, фиксирует имманентно присущее обоим членам познавательного отношения противоречие единичного и всеобщего. Во-вторых, понятие «си-

лы» узаконивает исходно подразумевавшееся в «Феноменологии» генетическое и субстанциональное единство сознания и предмета, характеризуя способность рефлексировать в себя из внешнего многообразия и выходить вовне из внутреннего единства, в равной степени присущую обеим сторонам познавательного процесса.

Иначе говоря, понятие «силы» выражает движение перехода противоположностей друг в друга. Сами противоположности, как справедливо замечает Гегель, могут приобретать в ходе познания относительно самостоятельное значение. Более того, переход одной пары противоположностей друг в друга вызывает движение другой пары и так до бесконечности. Как следствие включенности «сил» рассудка во всеобщую среду их развертывания возникает своеобразное явление, именуемое Гегелем «игрой сил», каждая из которых одновременно возбуждает другую «силу» и сама возбуждается ею. «Игра обеих сил состоит, таким образом, в том, что они определены противоположным образом и существуют в этом определении друг для друга, а также в том, что происходит абсолютный, непосредственный обмен определениями,—переход, благодаря которому только и существуют эти определения, в коих силы выступают как будто **самостоятельно**» (75).

Феноменологическая концепция рассудка обнаруживает преемственность по отношению к анализу рассудка в трансцендентальной аналитике Канта. Наиболее ценным качеством рассудка Гегель, подобно Канту, признает синтезирующую способность, хотя и отмечает, что единство противоположностей адекватно постигается лишь на ступени разума. Однако в «Феноменологии духа» рассудок является плодом развития сознания, сохраняя присущие последнему недостатки и ограниченности, и в то же время потенциально содержит в себе могущество более развитых форм духа. Последнее обстоятельство позволяет говорить о том, что рассудок как феномен духа имеет более богатое содержание, нежели рассудок в кантовской «Критике» (и даже в более поздних произведениях самого Гегеля), выступая в качестве исторической формы развития человеческого сознания вообще и необходимой ступени развития индивидуального сознания в частности.

Общность рассудка с другими феноменами духа позволяет отметить большую методологическую значимость гегелевского анализа «игры сил» для всего содержания книги. Действительно, на определенной ступени в развитии каждого феномена духа противоположности, ранее развертывавшиеся параллельно, вступают в активное взаимодействие («игру») друг с другом. С точки зрения диалектики единичного и всеобщего данную ступень можно охарактеризовать как «особенное» в развитии того или иного феномена. Применительно же к избранному предмету анализа в качестве «особенного» состояния сознания можно определить «игру сил» рассудка—фазу развития, сущность которой составляет взаимодействие определенностей единичного и всеобщего.

Не вызывает сомнений, далее, и преемственность размышлений об антиномичности познающего субъекта и познаваемого мира в «Феноменологии духа» и в «Критике чистого разума». Вслед за Кантом Гегель считает равными логические «права» противоречащих начал—будь то единичное и всеобщее, для-себя-бытие и в-себе-бытие, случайное и необходимое и т. п. Развивая этот взгляд, Гегель полагает равными шансы постичь истину с помощью противоположных подходов теоретического анализа, а также признает морально равнозначными противоположные ценностные установки при исследовании социальных явлений. Вместе с тем создатель «Феноменологии» делает значительный шаг вперед, показывая, что распадение на противоположности отнюдь не является финалом познания: в «игре» противоположных «сил» сознанию открывается нечто, находящееся за этими силами, нечто общее им обеим. И если у Канта разум, попавший в горнило диалектики, отчаивается постичь скрытую сущность вещей и самого себя, то у Гегеля «игра сил» служит прологом к постижению «внутреннего» как потаенной сущности вещей и сознания.

Критической оценке гегелевского учения о познании «внутреннего» необходимо предпослать напоминание о том, что «силы» рассудка в одинаковой степени характеризуют обе стороны познавательного процесса: по Гегелю, это одни и те же «силы», способные «выходить вовне» и создавать свой собственный мир посредством взаимодействия друг с другом.

Игра «сил», порожденных самим сознанием, скрывает от него сущность познаваемого.

Противоречие между познающим и познаваемым «снимается» в явлении. «Эта подлинная сущность вещей определилась теперь таким образом, что она не есть непосредственно для сознания, а что это последнее имеет опосредствованное отношение к «внутреннему» и в качестве рассудка **проникает взором сквозь этот средний термин игры сил к истинной скрытой основе (Hintergrund) вещей**. Средний термин, смыкающий оба крайние, рассудок и «внутреннее», есть развитое **бытие** силы, которое для самого рассудка теперь уже есть **исчезание**. Оно называется поэтому **явлением (Erscheinung)**, ибо **видимостью (Schein)** мы называем то **бытие**, которое непосредственно в себе самом есть **небытие» (77)**.

Явление, таким образом, представляет собой у Гегеля диалектическое единство бытия и исчезания, всеобщего и единичного начал. В этом плане понятие «явление» служит логическим преемником понятия «сила» и закономерным развитием кантовского понимания явления. Продолжая мысли Канта о том, что в явлении обнаруживается как всеобщее, так и случайное содержание, данная априори форма и находящаяся апостериори материя, Гегель подчеркивает одновременную присущность явления чувственному и сверхчувственному мирам и показывает, что наряду с единичными оно обладает всеобщими характеристиками. Отмечая, что явление не есть только видимость, а составляет **целое** видимости, Гегель в отличие от Канта акцентирует внимание на всеобщей стороне явления. Сознание как всеобщее оказывается поэтому у Гегеля способным постичь в явлении «внутреннее». «В этом **внутреннем истинном как абсолютно-всеобщем**, которое очищено от **противоположности** всеобщего и единичного и которое возникло **для рассудка**, теперь только раскрывается... за пределами **чувственного мира как мира являющегося** мир **сверхчувственный** как мир **истинный**, за пределами исчезающего **посюстороннего** — сохраняющегося **потустороннее** — некоторое в-себе-бытие, которое есть первое и потому само несовершенное явление разума...» (78).

В дальнейшей полемике с Кантом автор «Феноменологии духа» стремится показать, что сверхчувственный мир является результатом деятельности сознания, а не открывается ему как нечто потустороннее и непознаваемое. «Сверхчувственное, — подчеркивает Гегель, — есть чувственное и воспринимаемое, установленное так, как оно есть **поистине; истина же чувственного** и воспринимаемого состоит в том, что они суть **явление» (79)**. Почему же тогда и в «Феноменологии» явление открывает сознанию не саму истину, а лишь «чистую стихию», в которой она имеет свою сущность?

Гегель объясняет такое положение дел недостаточным развитием открывшегося сознанию сверхчувственного мира, который, образно говоря, унаследовал от сознания только одну его сторону — всеобщность. Философ в этой связи ставит новую задачу перед рассудком: сообщить всеобщему изменчивость, сделать его подвижным и развивающимся, — одним словом, соединить вновь, уже в сверхчувственном мире, всеобщность как принцип бытия и единичность как принцип движения, изменчивости, «исчезания». Предлагаемый в «Феноменологии» способ решения этой задачи вкратце состоит в следующем.

По мысли Гегеля, самое первое знакомство с открывшимся в явлении сверхчувственным миром показывает рассудочному сознанию, что сверхчувственное содержит в себе различие. Это различие определяется сознанием как устойчивое и получает название **з а к о н а**, а сверхчувственный мир предстает как «покоящееся царство законов». Перед рассудком со всей полнотой встает фундаментальная проблема согласования подвижного, изменчивого, текущего посюстороннего мира и вечного, неизблемого, неизменного потустороннего мира. Разрешить эту коллизию, как следует из рассуждений Гегеля, может лишь само **с о з н а н и е**, ибо только оно одновременно всеобщее и изменчиво и только оно одновременно существует в чувственном мире и выходит в сверхчувственное. Благодаря специфической, только сознанию присущей деятельности, которую Гегель называет **о б ъ я с н е н и е м**, происходит «открытие» новых законов, которые могут быть прямо противоположны уже найденным, а первый сверхчувственный мир из «спокойного царства законов» превращается в

свою противоположность. «Этот **второй сверхчувственный мир** есть, таким образом, мир **наизнанку**, а именно (поскольку одна сторона уже имеется в первом сверхчувственном мире) **перевернутый мир** этого **первого мира**» (86).

Описание взаимоотношения двух сверхчувственных миров по праву можно отнести к числу наиболее насыщенных диалектическими подходами фрагментов «Феноменологии духа». Особенно важно в контексте данной статьи гегелевское указание на неразрывную связь двух миров: если первый непосредственно возводит воспринимаемый мир во всеобщую стихию, то второй дополняет первый принципом изменения. Чтобы адекватно понимать сущность, внутреннее, сверхчувственное (здесь правомерно употребить эти понятия в качестве синонимов), необходимо, по категорическому требованию Гегеля, раз и навсегда отказаться от представления о прикреплённости различий к отдельным «стихиям устойчивого существования» — необходимо **«мыслить чистую смену, или противоположное внутри самого себя, т. е. противоречие»** (88).

В качестве принципа диалектической логики требование понимать всеобщее как нечто подвижное, изменяющееся, способное к саморазвитию справедливо признается одним из наиболее выдающихся достижений гегелевской мысли. Однако реализация этого требования на конкретном «материале» (в данном случае применительно к развитию рассудка) показывает, что синтез противоположностей пассивно-всеобщего и активно-единичного не является результатом движения самих противоположностей, а осуществляется посредством вмешательства в развитие сознания всеобщего духа, детерминирующего обе противоположности. Происходит это, очевидно, потому, что в «Феноменологии духа» наряду с экзотерическим присутствует экзотерическое начало в развитии содержания. Движение каждого феномена оценивается не только с точки зрения его имманентных процессов, но и с «точки зрения» всеобщего духа, владеющего знанием о том, каким должно быть это движение. В кризисных ситуациях развития сознания, когда обнаруживается его неспособность снять развившееся до антагонизма противоречие, к помощи ему в лице философа-феноменолога приходит всеобщий дух, вводя между единичным и всеобщим как крайними членами умозаключения так называемый «средний термин». Для рассудка таким средним термином становится именно объяснение — тавтологическая деятельность сознания по выдвиганию противоположных определений. Объяснение замыкает на себе подвижность единичного чувственного бытия сознания и всеобщность порожденного им сверхчувственного мира, открывая взору сознания **бесконечное**.

Развитие рассудка в качестве феномена духа наглядно показывает, что у Гегеля экзотерическое начало одерживает победу над экзотерическим, а действительное развитие рассматривается сквозь призму спекулятивного. Именно поэтому «игра сил» как выражение процесса, в котором могло бы произойти действительное разрешение противоречия единичного и всеобщего, сменяется «объяснением» — изображением центрального компонента логической схемы, подчиняющей себе движение сознания. Именно поэтому ступень «особенного» в развитии сознания (несмотря на способность «сил» рассудка выходить вовне) не обретает реального налично-данного существования, а полностью замещается взаимодействием порожденных сознанием миров.

¹ Гегель Г. В. Ф. Соч. М., 1959. Т. 4. С. 74. Дальнейшие ссылки на это издание даны в тексте статьи с указанием (в скобках) страницы.

Л. В. ЮРЧИК

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВЕРБАЛЬНЫХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ В ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Марксистская трактовка соотношения сознания, материальной деятельности людей и языка исходит из признания первичности чувственно-предметной деятельности человека, общественно-исторической практики, преобразующей внешний мир и самого человека. Элементарные законы логики складывались в сознании людей под влиянием практического воз-

действия человека на реальный мир и шлифовались в процессе развития общественных отношений. Именно это имел в виду В. И. Ленин, когда писал: «...ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА МИЛЛИАРДЫ РАЗ ДОЛЖНА БЫЛА ПРИВОДИТЬ СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА К ПОВТОРЕНИЮ РАЗНЫХ ЛОГИЧЕСКИХ ФИГУР, ДА БЫ ЭТИ ФИГУРЫ МОГЛИ ПОЛУЧИТЬ ЗНАЧЕНИЕ А К С И О М»¹.

Эволюция мышления прошла путь от преобладания наглядно-образного, ситуационно-действенного типа к более высокому уровню. Единая логика «филогенеза» и «онтогенеза» мышления, сознания определяется общими закономерностями развития, единством структуры соответствующих этапов материальной деятельности общества и индивида. Научное исследование закономерностей исторического генезиса сознания, закономерностей становления сознания индивида подтверждает, что чувственные обобщения предшествуют словесным и связь между чувственным признаком предмета и словом, обозначающим этот признак, образуется постепенно. Следует отметить, что в довербальный период становления познавательной деятельности первобытного человека формируется символическая функция психики, когда, например, с помощью жестов передаются характеристики того или иного действия, предмета. Согласно Ж. Пиаже, формирование символической функции, которая является необходимым результатом сенсомоторного интеллекта, способствует усвоению языка. Язык же является частным случаем «в совокупности проявлений символической функции»². М. М. Муканов отмечает, что к «символическому плану» относится не только процесс вербализации замысла, но и любая обобщенная репрезентация опыта, включая и невербальные стимулы³.

Такой подход дает нам ключ к решению проблемы соотношения вербальных и невербальных компонентов познавательной деятельности и возможность подойти в рамках этого соотношения к классификации знаков социальной коммуникации — что и является главной задачей статьи.

Уже в античности имело место деление знаков на естественные и искусственные. Традиция такого деления сохранена и во многих современных типологиях знаков. Однако вне поля зрения оставались знаковые системы ранних этапов познавательной деятельности, когда в филогенезе, а также и в онтогенезе (в свернутой форме) имелись свои, невербальные средства представления мышления: телодвижения, мимика, жесты, которые были доминирующими по отношению к звукам. С возникновением знаковой системы звукового языка все виды общения, имевшие место на ранних этапах развития познавательной деятельности, стали подчиненными, вторичными в системе коммуникации.

По замечанию А. С. Майданова, общее понятие языка охватывает широкий круг знаковых систем, встречающихся в ситуациях общения и выражения психических состояний⁴. В структурном же отношении различные по форме знаковые системы представляют собой одно и то же: отношение знака и значения, знака и обозначаемого объекта. Общее свойство знаков различных языков — быть средством представления, репрезентации внешнего по отношению к ним содержания. Ф. де Соссюр указывал, что любой сигнал может приобрести то или иное значение, т. е. стать знаком. Сигнальность-знаковость — неизбежная форма связи человека с окружающим миром.

Знаки различаются и животными: предметы становятся произвольным знаком в ходе ориентировочно-поисковой деятельности. Однако значения знаков у животного не выступают в интегральном виде как смысл. Характеристики сигналов определяются не столько объективным содержанием сообщения, сколь связаны с собственным аффективным состоянием и конкретной ситуацией. Сигнал же, функционирующий в человеческом обществе, связан с системой социально выработанных значений. Всякий знак может иметь множество значений. Практическая деятельность формирует устойчивость предметного, функционального, экспрессивного и смыслового значения знаков. И значение знака в таком случае определяется его контекстом⁵. Именно конкретная знаковая ситуация актуализирует одно из возможных значений или порождает новое. Существенность признака, свойства, значимость самого предмета или явления зависит от той роли, какую они играют в деятельности человека, какой смысл они приобрели для него. «Не частота появления того или иного признака или свойства предмета делает его значимым или существенным, а та роль, которую этот признак сыграл в жизни человека»⁶.

Находясь в общественной среде, взаимодействуя как существо социальное с другими, себе подобными, человек постоянно подвергается воздействию знаков-сигналов. Звуковая речь — не единственное средство «знакового обеспечения» мышления человека и коммуникационных процессов в обществе.

Основоположники марксизма-ленинизма, говоря о значении языка в формировании человеческого интеллекта, отмечали определяющую роль общественного производства, которое постоянно оказывает влияние на язык, модифицирует и развивает его. Поэтому абсолютизация роли естественного языка в становлении мыслительной деятельности человека приводит к упрощению генетического отношения «предметно-практическая деятельность — языковое мышление».

Нельзя не согласиться с мнением Л. И. Бондаренко о том, что первоначально мышление осуществлялось только непосредственно в ходе производства, на следующем этапе — в языке жестов, далее — в звуковом языке⁷. В развитии мышления «жестовая речь» сыграла, по-видимому, определенную роль. Постепенно редуцируясь и теряя свой «рисуночный характер», она оставила лишь рудименты — жесты, которыми пользуются современные люди в общении и которые являются вспомогательными средствами коммуникации. Элементы «языка жестов» наблюдаются и в онтогенезе нормального ребенка, однако действие их минимально: ребенок находится в «готовой» звуковой среде.

Исходя из сказанного, система знаков социальной коммуникации может быть представлена в следующих трех видах: 1) невербальные знаки (телодвижения, мимика, жесты, звуки), связанные с функционированием чувственных познавательных форм (ощущения, восприятия, представления) на первом этапе их развития; 2) вербальные знаки (слово, предложение, текст) как необходимое условие развития познания на логическом уровне, оперирующем понятиями, суждениями, умозаключениями; 3) искусственные знаки (знаки формализованных языков), связанные с новым уровнем развития логики и специальных форм научного познания.

Предложенная классификация знаков социальной коммуникации представляет собой открытую систему: во-первых, в филогенезе истоки социальной знаковой системы связаны с зоопсихологической коммуникацией. Интеллект человека аккумулирует в себе итоги биологической эволюции психики. Предпосылкой формирования знаковой деятельности человека является выделение коммуникативных сигналов из системы врожденных форм поведения высшего животного и постепенное отдаление их от исходной поведенческой основы. Важную роль при этом в развитии познавательных процессов и поведения высших животных играет способность схватывать общую взаимосвязь особенностей ситуации, специфику сигналов и регулярно следующих друг за другом событий. Эти и другие факты являются эволюционными предшественниками знакового поведения человека⁸.

Во-вторых, открытость позволяет данной системе знаков беспредельно развиваться и совершенствоваться. Предложенная система знаков включает потенциально бесконечное множество знаков, ибо человеческий язык как система знаков особого рода исторически изменчив и развивается в связи с возникновением новых познавательных задач. С этой целью для описания определенных предметных областей, для решения специальных задач науки на базе естественного языка создаются искусственные знаки. С помощью естественного языка определяется или описывается значение знаков искусственного языка, правила его построения и функционирования.

В онтогенезе все уровни системы знаков оказываются взаимосвязанными и тем самым отражают этапы развития мыслительной деятельности человека. Взаимодействие между абстракцией и живым созерцанием является сущностной стороной мышления. Абстрактные операции (понятие, суждение, умозаключение) включают свою чувственную подоснову: «Иначе, как через ощущения, мы ни о каких формах вещества и ни о каких формах движения ничего узнать не можем»⁹. В свою очередь, чувственная ступень познания опосредуется словами — одни из них непосредственно связаны с чувственными образами, другие находятся в более сложной связи с чувственной основой познания. Абстрактное мышление современного человека разворачивается на базе естественного языка. Но возникновение самого языка предполагает известный уровень развития невербального

мышления: развитие наглядно-образного, практического мышления, непосредственно включенного в практическую деятельность первобытных людей. Вербальный язык возник как один из способов закрепления и развития знаковых отношений, необходимых для жизнедеятельности человека.

Ряд исследователей генезис речевого общения связывает с переходом от нерасчлененных звуковых образований к словам. В процессе дифференциации, расчленения исходных звуковых комплексов происходит формирование структуры высказывания и его элементов. Воздействие общего содержания мышления на историческое развитие структуры языка проявляется в непрерывном совершенствовании языковых средств его выражения — понятий, смысловых отношений. Компоненты же языковой структуры могут оказывать обратное воздействие на содержание и формы мышления, внося в него такие смысловые моменты, которые в самой его природе, рассматриваемой безотносительно к структуре используемого языка, не всегда находят обоснование.

По мнению некоторых авторов, изучение процессов вербальной передачи информации должно опираться как на артикулируемые, так и на неартикулируемые знаки, так как неязыковые системы передают содержание, аналогичное сообщаемому посредством естественного языка. «В антропологическом плане речепроизводство и артикуляция в принципе не могут быть оторваны от всех естественных, сопровождающих артикуляционное речепроизводство, динамических, кинетических и других механических движений человека»¹⁰.

Однако, как было отмечено выше, все неязыковые факторы играют вспомогательную роль в общении, вербальный язык — главную, так как зарождение и развитие его необычайно ускорило формирование человеческого интеллекта: передавался не только опыт, но и логический строй мысли. Довербальные средства общения заменяются более совершенными средствами — словами. Тем самым открывается новая эпоха в психическом развитии человека, его познавательной деятельности. Вербальный язык, став универсальной опорой для мыслительной деятельности человека, дает возможность «воспроизводить» более адекватно свойства и законы объективного мира.

Предложенная классификация знаков социальной коммуникации позволяет представить взаимосвязь вербальных и невербальных компонентов познавательной деятельности человека, этапы и уровни ее развития, а следовательно, «включение», присвоение знаков особой системы — культуры. Социальная коммуникация базируется на качественно иных информационных основах. Человечество выработало специфический, «надбиологический» механизм социальной наследственности, обеспечивающий накопление, хранение, передачу существенно важной информации, программирующей поведение индивидов от поколения к поколению. Культура возвышает деятельность человека до всеобщих навыков, умений, знаний, до всеобщего социального опыта.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 172.

² См.: Семиотика. М., 1983. С. 136; 134—135.

³ См.: Исследование речемышлительной деятельности. Алма-Ата, 1974. С. 69.

⁴ Вопросы философии. 1977. № 11. С. 121.

⁵ См.: Лосев А. Ф. Знак, символ, миф. М. 1982. С. 60—61.

⁶ Зейгарник Б. В. Роль психологических исследований в анализе структуры мыслительной деятельности. М., 1966. С. 35.

⁷ См.: Бондаренко Л. И. Основные этапы становления сознания. Киев, 1979. С. 168.

⁸ См.: Горелов М. Н. Невербальные компоненты коммуникации. М. 1980. С. 19.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 320.

¹⁰ Колшанский Г. В. Паралингвистика. М., 1974. С. 46.

А. Н. ЕЛСУКОВ

РОЛЬ КОНСТРУИРОВАНИЯ В ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНОГО

В современной методологической литературе научное и техническое творчество чаще всего рассматриваются как два самостоятельных вида интеллектуальной деятельности, существенно отличающиеся друг от дру-

га и по своей природе, и по конечному результату: в науке — это новое знание, а в технике — создание новых машин и механизмов. На этой основе сложились две самостоятельные области методологического исследования: методология научного познания и методология технического творчества, которые слабо увязываются, а в ряде случаев и противопоставляются друг другу. Такое противопоставление приводит к тому, что в рамках методологии научного познания почти полностью опускаются вопросы конструкторской (изобретательской, проектировочной) деятельности ученых, а проблемы методологии технического творчества слабо увязываются с особенностями познавательной деятельности, и таким образом создаются теоретические трудности для характеристики творческой деятельности в целом. Отмечая эти трудности, Е. Борщенко и Л. Гутнер справедливо считают, что «работы по методологии естественнонаучного и технического познания пока слабо связаны между собой. Это затрудняет анализ специфики научно-технического познания. Определелись трудности, связанные с выявлением эмпирического и теоретического уровней технического познания, структуры и функций технической теории, специфики инженерного мышления, конструкторской деятельности (выделено нами — А. Е.), взаимосвязи основных этапов инженерного исследования, особенностей технической картины мира и другие»¹.

К этому можно добавить, что подобные трудности возникают и при анализе научного познания, если последнее освобождается от конструирования, ибо в этом случае трудно объяснить, откуда берутся в науке приборы и технические системы, без которых невозможно эмпирическое исследование. Складывается иллюзия, что ученый, используя приборы в процессе изучения какого-либо объекта, получает их в готовом виде, и его задача заключается лишь в том, чтобы запустить эти приборы в работу. На самом же деле в большинстве случаев процесс создания приборов является важным составляющим моментом творческой деятельности ученого при решении им чисто познавательных задач.

Именно поэтому рассматриваемые проявления творческой деятельности не столько исключают, сколько предполагают и дополняют друг друга: как конструирование немислимо без познания, так и познание немислимо без конструирования. И хотя последнее в своем чистом виде реализуется прежде всего в рамках технического творчества, это не исключает широкого использования приемов конструирования и в сфере науки. Более того, наука в своей практической нацеленности как раз-таки и выступает как проявление ее конструктивных возможностей. Фиксируя это единство в области биологии, Г. Головченко пишет: «При исследовании философских вопросов, касающихся интеллектуальной деятельности людей в науке и технике, обнаружено, что мыслительные процессы при научном поиске в биологии и при создании изобретений в технике аналогичны по характеру»². И далее автор указывает, как на основе использования алгоритма решения изобретательских задач была создана экспериментальная установка для изучения ветроэнергетики растений.

В последнее время в марксистской философии появляется все больше работ, в которых прослеживается конструктивная (проектировочная) функция науки³. Анализ этой функции позволяет выявить два основных аспекта ее проявления: в одном случае конструирование реализуется как активное вторжение науки в сферу человеческой практики, в сферу материального производства; в другом — оно выступает как внутреннее средство самой науки, направленное на изучение предмета и получение нового знания. Иначе говоря, конструирование используется в качестве специального средства познания, дополняющего традиционные методы исследования.

Особенно велика роль конструирования на эмпирическом уровне научного познания. Очевидно, что без этого приема невозможно решение многих познавательных задач эмпирического толка, невозможно получение необходимых эмпирических данных, поэтому анализ творческой деятельности ученого должен включать в себя не только процесс осуществления эксперимента, но и его подготовительную стадию, важным элементом которой является создание новых приборов и технических средств исследования.

В ряде случаев научное наблюдение и эксперимент осуществляются на базе существующих технических систем. Однако по мере приближения к переднему краю научного исследования становится все более очевидным

то обстоятельство, что существующие приборы не могут обеспечить решенные исследовательские задачи, поэтому возникает необходимость их существенного улучшения или даже создания принципиально новых. Реализация этой необходимости осуществляется, как правило, самим ученым или исследовательским коллективом. В этом случае и проявляет себя конструкторская деятельность ученых, которая включается в ткань научного поиска.

Казалось бы, простой опыт — сбрасывать с башни тяжелое ядро и маленькую дробинку для того, чтобы убедиться в том, что тела разного веса падают на землю с одинаковой скоростью. Но понадобился гений Галилея, чтобы придумать этот опыт, осуществить его и тем самым опровергнуть веками державшееся заблуждение перипатетиков. Гениальность этого учебного опыта состояла не только в силе его абстракций, но и в силе практического разума, позволяющего совершенствовать имеющиеся или изобретать новые приборы наблюдения и измерения (вспомним хотя бы его телескоп), без которых невозможно развивать новые теоретические положения.

В настоящее время хорошо известно, что многим открытиям М. В. Ломоносова, имевшим глубокий теоретический смысл, предшествовал период создания принципиально новых приборов наблюдения и измерения. Он, в частности, «придумал и построил прибор для измерения твердости тела, котел для изучения веществ при разных давлениях, пирометр, «указатель» для изучения атмосферного электричества, анометр, «морской барометр», оригинальный оптический зажигательный инструмент, рефрактометр, перископ с механизмом для горизонтального обзора, «ночезрительную трубу», трубу для смотрения под водой и многие другие приборы и инструменты»⁴.

Даже простая модификация опыта необходимо связана с проявлением конструкторских способностей исследователя. Изучая, например, природу катодных лучей, У. Крукс многократно менял условия опыта и саму их техническую оснащенность. Введя в трубку с разреженным газом радиометр, он обнаружил его вращение и заключил, что катодные лучи обладают механическим действием. Затем, поместив на пути катодных лучей металлический мальтийский крестик, он увидел четко обозначенную тень на флуоресцирующей стенке трубки и сделал вывод об их прямолинейном распространении. Наконец, приблизив к разрядной трубке магнит, У. Крукс заметил смещение флуоресцирующего пятна на стенке трубки, что указывало на взаимодействие катодных лучей с магнитным полем, на наличие у них определенного заряда. Все эти операции представляют собой не что иное, как четкое проявление конструкторских способностей у этого исследователя, который путем модификации опыта и изменения самой его технологии стремился выявить неизвестные ему качества новых лучей⁵.

Конструкторская деятельность ученого всегда строится на базе имеющегося знания. Для того чтобы сконструировать прибор или создать новую экспериментальную установку, надо знать свойства многих материалов, характер перехода одного вида движения в другой, общие закономерности физической реальности и т. д. Например, известным опытом Ш. Кулона, исследовавшего взаимодействие электрических зарядов и создавшего специальный измерительный прибор, предшествовал период изучения им упругого кручения нитей. Опираясь на закон Гука, он установил эмпирическую зависимость, согласно которой сила закручивания нити зависит от ее вещества, пропорциональна углу закручивания и обратно пропорциональна ее длине. Эта зависимость и была положена в основу нового прибора (крутильные весы), позволившего измерить чрезвычайно малые силы взаимодействия электрических зарядов и на этой основе сформулировать один из основных законов электростатики.

Или другой пример. Известно, какую большую роль в изучении элементарных частиц сыграла камера Вильсона. Изобретение же этого прибора связано с изучением процессов образования атмосферной облачности, чем ранее занимался И. Вильсон. Исследователю удалось установить, что пары, конденсируясь вокруг наэлектризованных ионов, превращаются в капельки воды. Сами же ионы образуются в результате земной или космической радиации, представляющей поток различного рода элементарных частиц, пронизывающих земную атмосферу (к этому времени А. Беккерелем был уже установлен факт ионизирующего действия радиоактивных

лучей). Именно этот принцип (образование капелек воды вокруг ионов) и был положен в основу нового прибора.

Приступив к изучению микрочастиц, И. Вильсон предположил, что если создать искусственную камеру, в которой моделировались бы условия конденсации перенасыщенного пара, тогда пролет частицы через такую камеру будет сопровождаться образованием ионов, а затем и водяных капелек, благодаря чему путь пролета частицы можно увидеть с помощью микроскопа. Основная задача заключалась в том, чтобы довести пар до состояния перенасыщения, без чего невозможно добиться образования капелек конденсата. Эта задача технически легко осуществлялась за счет резкого снижения давления в камере, что и приводило к адиабатическому расширению пара и его охлаждению, т. е. к перенасыщению. Когда этот пар «простреливала» элементарная частица, то в нем четко обозначался след из отдельных капелек конденсата, доступный наблюдению и фотографированию. Эти задумки и были реализованы в новом приборе, позволившем разгадать многие тайны микромира. Как отмечает Д. Томсон, Вильсоновы «туманные камеры оказались важнейшими приборами в атомной физике и больше, чем что-либо другое способствовали тому, что атомы, электроны и другие частицы стали реальными для нас»⁶.

Для создания нового прибора, таким образом, используется ранее полученное знание, которое творческой деятельностью исследователя подвигается новому синтезу и как бы «подсказывает» техническое решение поставленной задачи, воплощаясь в новых приборах и экспериментальных установках. В сущности, любой эксперимент, в котором используется комплекс приборов и технических систем, представляет собой четкое проявление конструктивной деятельности ученого и выступает как сложный объект познания.

Можно сказать, что экспериментальное исследование представляет собой сложную систему элементов (естественных и искусственных), целесообразно созданную самим исследователем, т. е. объект изучения в науке, как правило, выступает не в виде чистой природной данности, а задается практической целесообразностью. Как отмечает В. Стёпин, «в системе эксперимента... объекты (их можно для удобства назвать объектами оперирования) выступают как часть экспериментального устройства и создаются «искусственно» в процессе практики»⁷. Поэтому в эксперименте изучаются не просто элементы природы сами по себе (например, живая клетка, электричество, элементарная частица и т. д.), а элементы природы, включенные в структуру экспериментального исследования, состоящую из системы различных приборов и технических устройств, целостное функционирование которой и представляет объект научного познания. Эксперимент тем и отличается от простого наблюдения, что в нем создается искусственная система элементов, с помощью которой удается раскрыть наиболее фундаментальные свойства и закономерности объективного мира. Создание же такой системы немыслимо без творческой, конструкторской деятельности ученого.

В этой связи необходимо отметить, что не только ученые-экспериментаторы, но и ученые-теоретики проявляют склонность к конструкторско-изобретательской деятельности. Советский физик Л. Иоффе, например, вспоминает, что, когда он познакомился с А. Эйнштейном, его удивила ярко выраженная в нем «тенденция изобретательства»⁸. Анализируя эту тенденцию в творческой деятельности А. Эйнштейна, В. Я. Френкель и Б. Е. Явелов пишут: «Примечателен его живой интерес к технике, к конструированию различных механизмов, разработке приборов и экспериментальных методик»⁹.

Столь же живой интерес прослеживается в творческой деятельности почти всех выдающихся физиков, чьи научные достижения связаны не только с формулировкой важных теоретических положений, но и с созданием новых приборов и технических устройств, без которых невозможно решение многих проблем. Достаточно вспомнить творческую деятельность М. Фарадея, Д. Максвелла, Э. Резерфорда, Д. Чедвика, Э. Милликена, К. Андерсона, П. Дирака, Н. Бора, В. Рентгена, Л. Де Бройля, Э. Ферми, Л. Иоффе, С. Вавилова, И. Курчатова и многих других известных исследователей. Характерно, что А. Эйнштейн даже создание научной теории рассматривал как проявление изобретательской деятельности.

Таким образом, конструирование (изобретательство) выступает не

только как чисто техническое творчество, но и является составной частью научного исследования. Поэтому талант исследователя необходимо определять не только глубиной его аналитического мышления, обеспечивающего формирование плодотворных гипотез и фундаментальных теоретических положений, но и тем, насколько продуктивно он может работать как изобретатель, конструирующий принципиально новые приборы и технические системы, без которых невозможно решение многих познавательных задач.

¹ Борщенко Е. И., Гунтер Л. М. Научно-техническое познание и проблема трансформации фундаментального знания в прикладное // Диалектика научного и технического творчества. Обнинск, 1982. С. 161.

² Головченко Г. Г. О ветроэнергетике растений // Физиология растений. 1974. Т. 21. Вып. 4. С. 861.

³ См., например: Швырев В. С. Научное познание как деятельность. М., 1984; Познание и проектирование // Вопросы философии. 1985. № 6.

⁴ См.: Голованов Я. Рассказ об одиноком человеке // Знамя. 1986. № 11. С. 216.

⁵ См.: Льюэлли М. История физики. М., 1970. С. 290.

⁶ Томсон Д. Дух науки. М., 1970. С. 129—130.

⁷ Стёпин В. С. Проблема субъекта и объекта в опытной науке // Вопросы философии. 1970. № 1. С. 86.

⁸ Иоффе А. Ф. Встречи с физиками. М., 1983. С. 87.

⁹ Френкель В. Я., Явелов Б. Е. Эйнштейн — изобретатель. М., 1981. С. 152.

Н. В. РОЖИН

НЕОПОЗИТИВИСТСКАЯ МОДЕЛЬ АНАЛИЗА НАУЧНЫХ ТЕОРИЙ: ПРИНЦИПЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Кризис неопозитивистского варианта философии науки и его этапы достаточно подробно описаны в советской литературе. Этот кризис осознается и самими буржуазными философами науки. Теперь уже признано, что господство логического позитивизма в западной философии науки закончилось. Начался период оценки его наследия. В связи с этим наряду с разработкой альтернативных концепций предпринимаются попытки видоизменить и приспособить к своим нуждам отдельные принципы неопозитивистской философии науки: в одних случаях это модификации отношения эмпирического и теоретического уровней научного знания, в других — попытки найти связующие звенья между философией науки неопозитивизма и постпозитивизма, в третьих — защита формальных методов как основного способа философского анализа научных теорий. Поэтому критическая оценка некоторых основополагающих принципов анализа научных теорий в рамках логического позитивизма представляет безусловный интерес.

Один из зачинателей антипозитивистского движения в современной западной философии науки Н. Хэнсон, характеризуя неопозитивистскую модель научной теории, писал: «Логический позитивизм представляет собой величайшее эклектическое явление нашего века. Он взял логический анализ математических систем в качестве модели всего систематического знания. Затем он взял эмпирическое представление о том, как осмысленно соединить язык и трехмерный предмет в качестве модели для выражения фактической информации. Эти две модели были просто соединены, образуя в результате анализ природы и интерпретации научных теорий...»¹.

Для целей критического анализа принятой логическим позитивизмом модели научных теорий вполне правомерно принять это положение в качестве отправного пункта. При этом следует иметь в виду, что данный подход не преследовал цели объяснения происхождения и развития научного знания. Его цель — прояснение логико-математической структуры теорий и их эмпирического подтверждения или опровержения. Ни один философ науки, находясь в здравом уме, отмечал Г. Фейгль, не рассматривает подобный анализ как рецепт для конструирования теорий. «Этот путь трактовки теорий является в высшей степени искусственной реконструкцией. Он ни в коей мере не отражает процесс происхождения теорий»².

В свете принятого в рамках логического позитивизма способа логической реконструкции, научные теории в фактуальных науках представляются собой гипотетико-дедуктивные системы, включающие в свой состав прежде всего определенную совокупность допущений или постулатов, которые связывают между собой некоторый набор первоначально не определенных и не интерпретированных исходных понятий. В этом смысле система постулатов в той мере, в какой она удовлетворяет необходимым требованиям согласованности, полноты и независимости, представляет собой логико-математическую структуру. Понятия таким образом постулаты не несут какой бы то ни было информации о внешнем мире. Не являются они и определенными в обычном смысле. Их назначение, помимо того, что они образуют своего рода исходную позицию, — задавать правила игры с неинтерпретированными символами. В то же время постулаты обуславливают систему символов, относящихся только друг к другу и ни к чему более, находящемуся вне пределов этой системы. Иначе говоря, исходные понятия системы определяются через посредство всей совокупности постулатов данной теории. При этом их определения имеют чисто синтаксический характер. Разумеется, называть их понятиями можно только с определенной натяжкой, поскольку они не имеют даже логического значения в том смысле, как оно понималось Г. Фреге и Б. Расселом. Наиболее плодотворной признана такая система постулатов, которая, подобно системе аксиом Д. Пеано для арифметики и Д. Гилберта для геометрии, позволяет дедуктивно вывести бесконечное количество теорем, что, в свою очередь, детерминируется тем способом, которым исходные понятия связаны между собой в систему, образуемую постулатами.

Система постулатов вместе с определениями неинтерпретированных, чисто формальных понятий и совокупностью дедуктивно полученных теорем образует, по характеристике М. Шлика, «свободно плавающую» над плоскостью эмпирических фактов структуру. Чтобы обрести эмпирическую значимость, она должна быть соотносена с помощью так называемых правил соответствия с некоторыми данными на уровне наблюдения. В целях наиболее адекватного описания рассматриваемой здесь концепции важно отметить, что формальная структура теории может находиться в связи лишь с некоторыми понятиями на эмпирическом уровне, так как правила соответствия соотносятся лишь с некоторыми, пока еще только неявно определенными понятиями системы постулатов, или теми чисто формальными понятиями, которые были эксплицитно определены в терминах исходных теоретических понятий. Именно в этом смысле такие представители логического позитивизма, как Р. Карнап и К. Гемпель, говорят о возможности и необходимости частичной интерпретации формальной структуры теории.

Имплицитно определенные исходные теоретические понятия, а иногда и выводные понятия, эксплицитно определенные в терминах исходных понятий, связываются через посредство правил соответствия с некоторыми понятиями, относящимися к наблюдаемым явлениям или фактам. Эти эмпирические понятия, в свою очередь, определяются операционально, например, с помощью правил наблюдения, измерения, эксперимента или статистических расчетов, которые определяют и ограничивают сферу приложения данных понятий.

Тот факт, что исходные теоретические понятия, как и постулаты, могут получать лишь частичную интерпретацию, в свою очередь, предполагает четкое и резкое различие языка наблюдения и теоретического языка. При этом считается, что язык наблюдения полностью доступен пониманию, поскольку он ни в коей мере не несет теоретической нагрузки.

Терминам, относящимся к наблюдаемым свойствам и отношениям, резко противостоят теоретические термины, которые доступны пониманию только частично, с помощью постулатов, эксплицитных определений, правил соответствия и операциональных определений. Именно в этом смысле, по выражению Г. Фейгля, значение «считается» вверх от терминов наблюдения к теоретическим понятиям³.

Сторонники логического позитивизма сами признают спорным вопрос о том, в какой мере кратко описанный выше метод логической реконструкции научных теорий является плодотворным и полезным. Во всяком случае они вполне осознают, что анализ логической структуры и эмпирического базиса теорий ничуть не дополняет их содержания. Функции и задачи анализа как логической реконструкции научных теорий, по характе-

ристике Г. Фейгля, можно свести к следующим положениям: «во-первых, анализ дает возможность понять данную теорию более отчетливо, а это особенно важно для процессов обучения и изучения; во-вторых, он служит более точным инструментом для оценки корректности логико-математических решений, с одной стороны, и степени доказательности, с другой; в-третьих, поскольку истинно плодотворная и важная теория не является «монолитом», а состоит из определенного количества логически независимых постулатов, строгая реконструкция может показать, на каких эмпирических свидетельствах основываются те или иные постулаты»⁴.

В другом случае достоинство метода логической реконструкции Г. Фейгля усматривает в том, что он «позволяет устанавливать различие между логико-математическими и эмпирическими вопросами научных теорий. Одно дело спрашивать о согласованности постулатов или о полноте и надежности вывода теорем и совершенно другое дело — вести речь об эмпирическом значении теоретических понятий или о доказательности теории»⁵.

Для дальнейшего изложения воспользуемся этой идеей Г. Фейгля и посмотрим, в какой мере концепция логического позитивизма соответствует предписываемым ею же условиям эмпирической значимости научных теорий.

На основании кратко и в определенной мере упрощенно изложенного представления сторонников логического позитивизма о природе научных теорий можно заключить, что значение теоретических понятий они видят в правилах применения этих понятий, а точнее, представляющих их символов.

Ранние неопозитивисты, как известно, принимали без каких-либо доказательств тезисы о непосредственной эмпирической референтности предикатов наблюдения и о непосредственной возможности решения вопроса о том, какие из высказываний являются высказываниями наблюдения. Согласно Р. Карнапу, например, вопрос о том, что следует считать «наблюдаемым», есть вопрос психологии и физиологии, но не философии. Вполне очевидно, что апелляция к психологии и физиологии есть не решение, а попытка обойти проблему, так как эти науки, чтобы ответить на вопрос о том, что считать наблюдаемым, нуждаются в предварительном решении его в рамках философии.

Для различения теоретического и наблюдаемого в западной философии науки широко применяются так называемые прагматические критерии. В качестве признака наблюдаемости принимается, например, возможность быстрого решения. Но подобный критерий, по существу, не решает, а лишь обходит проблему наблюдаемых свойств. Можно предположить, что сторонники данной точки зрения, вводя критерий быстрого решения, имеют в виду невыводной характер предикатов наблюдения: истинно наблюдаемое есть непосредственно наблюдаемое или доступное непосредственно наблюдению. Тезис возможности быстрого решения без связи его с идеей невыводного характера наблюдаемых предикатов не дает каких-либо оснований полагать, что употребление одного предиката или высказывания в большей мере гарантирует от ошибки, чем употребление другого. Иначе говоря, данный критерий различения терминов и высказываний не представляет собой особого способа установления четкого различия между наблюдаемым и теоретическим.

Но если не существует четкой границы между наблюдаемым и теоретическим, если даже относительная граница между ними может со временем передвигаться по мере развития науки, техники и уровня образования, что неизбежно вытекает из критерия быстрого решения, то различение наблюдаемого и теоретического не может иметь ни онтологического, ни гносеологического характера. Оно может иметь лишь методологический характер. С этим выводом тесно связан и другой: если различие между наблюдаемым и ненаблюдаемым имеет чисто прагматический характер, а тезис частичной интерпретации теоретических терминов предполагает, что различие между терминами наблюдения и теоретическими терминами имеет семантическую природу, тогда термины наблюдения и ненаблюдаемые термины столь существенно различаются по значениям, что возможность семантических правил для ненаблюдаемых терминов в реконструкции научных теорий оказывается сомнительной. В связи с этим существенным представляется мнение М. Хессе о том, что апелляция к прагматическим критериям для истолкования наблюдаемого представляет собой не что

иное, как прикрытие для глубоко коренящегося верования, восходящего к феноменализму и традициям британского эмпиризма: имеются такие сущности и их свойства, которые непосредственно даны в восприятии, а более или менее надежно определенные области языка непосредственно описывают их⁶.

Невозможность четкого установления различия между наблюдаемым и теоретическим, по крайней мере, в рамках принятого логическим позитивизмом способа реконструкции научных теорий влечет за собой существенные затруднения в отношении решения вопросов, связанных со значением теоретических терминов теории и, следовательно, с их познаваемым статусом.

Известно, что вопрос о значении теоретических терминов в фактуальных науках неопозитивистской философией науки ставился в форме, заимствованной из логики формальных систем, согласно которой синтаксис и основания логики теории обуславливаются системой ее постулатов. Но в отношении фактуальных наук наряду с этим требуется решить вопрос и о том, чем обусловлена экстралогическая семантика или интерпретация теории.

Сторонники логического позитивизма, как уже отмечалось, считают, что полная непосредственная интерпретация теоретических предикатов не необходима, что достаточной является частичная интерпретация, вытекающая из дедуктивных отношений между высказываниями наблюдения и теоретическими высказываниями. Иначе говоря, теоретические предикаты имеют неявное или контекстуальное значение, а предикаты наблюдения — эмпирическое значение. Но если тезис неявного или контекстуального значения может быть достаточным, например, для формализованной геометрии, то в фактуальных науках этот тезис не соответствует, по крайней мере, одной из существенных сторон этих наук: в физике, например, некоторые следствия формальных постулатов теории могут быть выражены с помощью правил соответствия в терминах наблюдения, что и сообщает ей эмпирическое содержание.

Следовательно, есть все основания заключить, что принятая в логическом позитивизме концепция реконструкции научных теорий оказывается не в состоянии решить проблему значения теоретических предикатов. При этом, конечно, допустимо полагать, что такой проблемы практически не существует, если предположить, что действительно имеется нейтральный, независимый от какой бы то ни было теории класс наблюдаемого, и что содержание научных теорий исчерпывается наблюдаемым. Но в случае подобного предположения, помимо его обоснования, крайне затруднительно согласовать содержательность теории с дедуктивистским пониманием ее подтверждения. Ситуация оказывается еще более неудовлетворительной, если дедуктивистское понимание теории как неинтерпретированной системы постулатов рассматривается с точки зрения оправдания предсказаний. Допустим, некоторая неинтерпретированная система «Т» в конъюнкции с совокупностью правил соответствия «С» позволяет вывести определенные предложения наблюдения. Каждый предикат наблюдения дедуктивно полученных предложений должен быть связан с помощью определенного правила соответствия с определенными неинтерпретированными терминами системы. Но поскольку система постулатов не содержит предикатов наблюдения, постольку не может быть оснований, обусловленных предложениями системы, для появления данного предиката наблюдения в данном правиле соответствия, а не в каком-либо другом. Если цель конъюнкции «Т и С» — просто объяснить данные, наблюдаемые в дедуктивистском смысле, тогда не существует проблемы относительно формы правил соответствия. Дело в том, что «Т» и «С» организованы таким образом, что предложения наблюдения могут быть выведены из их конъюнкции. Но предположим, что «Т» должна служить целям предсказания в том смысле, что новые предложения наблюдения, полученные на основе «Т и С», должны приниматься с достоверностью до их прямой проверки. Эта операция вполне может вести к принятию предложений наблюдений, содержащих новые предикаты наблюдения, которых нет в «С». Тогда требуются новые правила соответствия, которые, согласно исходному допущению, не могут быть выведены из конъюнкции «Т и С». Значит, конъюнкция «Т и С» не способна дать предсказаний, содержащих новые предикаты наблюдения, а в дедуктивистском понимании не существует другого способа для получения подобных предсказаний на основе теории.

Сторонник дедуктивистского истолкования теории на это может ответить, что принять теорию — значит принять неинтерпретированную систему постулатов плюс все правила соответствия, необходимые для приложения этой теории во всех возможных экспериментальных сферах. Однако такой ответ едва ли может быть корректным: заранее не могут быть известны все возможные экспериментальные сферы; более того, предсказательная сила теории состоит как раз в способности расширять сферы приложения, включая пределы, первоначально не рассматривавшиеся в качестве релевантных. Да если бы все возможные сферы и могли быть известны, то и тогда правила соответствия, содержащие предикаты наблюдения сверх «С», были бы избыточными для объяснения той ситуации, на которой первоначально была основана теория. Поэтому возникает вопрос: каковы основания (в терминах известных законов и основанной на них неинтерпретированной теории) для включения этих дополнительных правил соответствия? В силу всего этого К. Гемпель в «Исследованиях по логике подтверждения» вынужден был признать, что «научная гипотеза в самом деле имеет предсказательную функцию, но способ, посредством которого она выполняет эту функцию, способ, которым она устанавливает логические связи между протоколами наблюдения, логически является более сложным, чем дедуктивный вывод»⁷. По существу, эти же противоречия обнаруживают себя, как показали исследования последних десятилетий, и при анализе общей концепции научной теории логического позитивизма, так как согласно этой концепции теоретические термины теории приобретают познавательное значение лишь постольку, поскольку правила соответствия данной теории относят их к терминам наблюдения.

Подводя итог анализу рассмотренных здесь компонентов неопозитивистской модели научных теорий, следует отметить, что дело здесь не в частностях, не в том, что предлагаемое в рамках логического позитивизма решение частных проблем не является удовлетворительным с точки зрения ожидаемых ответов на соответствующие вопросы. Дело в том, как показал, например, Е. Е. Ледников⁸, что гипотетико-дедуктивная модель при всех ее достоинствах не может быть признана удовлетворяющей требованиям критерия научности.

Основу гипотетико-дедуктивной модели составляет идея дедукции эмпирических свидетельств на основе избранных аксиом в соответствии с определенными правилами логики. Эти дедуцированные эмпирические свидетельства, в свою очередь, сообщают исходным постулатам эмпирическую интерпретацию. Но метод аксиоматизации, говорит Е. Е. Ледников, «содержит неустрашимое ограничение (результат Гёделя), препятствующее полной формализации сколько-нибудь богатых... теоретических построений». В соответствии с теоремой Гёделя, «к достаточно богатым теоретическим системам, формализующим естественнонаучное знание, оказывается вполне возможно присоединить заведомо спекулятивные постулаты, заведомо «вздорные» абстракции, которые тем не менее прекрасно укладываются в рамки гипотетико-дедуктивной модели»⁹.

Тот же обескураживающий результат может дать и исследование критерия познавательного значения. Этот критерий, как свидетельствуют труды многих сторонников логического позитивизма, примерно гласит: теоретический термин теории «Т» имеет эмпирическое значение, если и только если внутри «Т» имеется правило соответствия для этого термина. Но такой критерий, очевидно, способен сделать эмпирически значимым любой термин любой теории независимо от того, явно или нет сформулировано соответствующее правило соответствия. Он может гарантировать значимость любого метафизического термина — термина той самой дисциплины, которую неопозитивисты всегда считали лишенной эмпирического значения. В соответствии с их принципом эмпирической значимости любой термин любой метафизической аксиомы будет иметь значение, поскольку аксиома подразумевает правило соответствия.

Все сказанное подтверждает идею о том, что не существует такого способа представления научной теории, который удовлетворял бы всем интеллектуальным нуждам. Гипотетико-дедуктивная модель, плодотворная и полезная в определенной мере, не может быть признана единственно возможным способом анализа научных теорий.

¹ Hanson N. R. // The Legacy of Logical Positivism. Baltimore, 1969. P. 63.

² Feigl H. // The Legacy... P. 13—14.

³ Feigl H. // Minnesota Studies in the Philosophy of Science. Minneapolis, 1970. V. IV. P. 7.

⁴ Ibid. P. 8.

⁵ Feigl H. // The Legasy... P. 18.

⁶ Hesse M. B. // The Legasy... P. 103.

⁷ Hempel C. Aspects of Scientific Explanation. New York, 1965. P. 28.

⁸ Ледников Е. Е. // Структура и развитие научного знания: Системный подход к методологии науки (Материалы к VIII Всесоюзной конференции «Логика и методология науки». Вильнюс, 1982). М., 1982. С. 95.

⁹ Там же. С. 95—96.

О. А. КАЛАЧ

ФИЛОСОФИЯ Х. ОРТЕГИ-И-ГАССЕТА (1883—1955) И СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ «МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ»

Одним из закономерных проявлений общего кризиса капитализма является углубляющийся кризис буржуазной культуры. Капитализм, как подчеркнул XXVII съезд КПСС, несет народам обеднение духовной культуры. «Оскудение культуры под напором безудержного торгашества и культа насилия, проповедь расизма, пропаганда низменных инстинктов, нравов преступного мира и «дна» общества должны быть и будут отвергнуты человечеством»¹.

Деградация духовного мира значительных слоев капиталистического общества вызывает растущую тревогу не только у прогрессивных сил в странах Запада, но и у наиболее критически мыслящих представителей современной буржуазной науки и культуры. Их внимание направлено на раскрытие реакционного характера так называемой «массовой культуры», которая имеет своей целью формирование стереотипного массового сознания и поведения, стремится стереть человеческую индивидуальность и неповторимость, порождает самодовольных мещан, обывателей с узким кругозором и интересами.

В связи с этим приобретает актуальность философское наследие известного испанского мыслителя XX века Хосе Ортеги-и-Гассета, который еще в 30—40-х годах сумел выявить некоторые реальные механизмы формирования индивидуального сознания в условиях буржуазного общества и показал разрушительное воздействие капиталистической действительности на культуру.

Культура, согласно точке зрения Ортеги, — это система ясных и твердых идей, определенных жизненных ориентиров и установок, совокупность представлений о мире, главное условие подлинности которых заключается в том, что они выработаны самостоятельно. Культура дает возможность человеку четко определить свое собственное отношение к миру и, следовательно, решать проблемы, стоящие перед ним.

Размышляя о роли культуры в жизни человека, Ортега, однако, говорит не о конкретном человеке — представителе определенной эпохи и класса, а об абстрактном человеке, человеке вообще. Признавая существование классов в обществе, философ не считает классовую структуру его основой. Такая позиция приводит к возникновению в его концепции культуры противоречия. С одной стороны, он считает культуру неотъемлемым компонентом человека, утверждает, что все люди должны создавать свою собственную, индивидуальную культуру, с другой — разделяет людей на массу и избранное меньшинство, заявляет, что только меньшинство может создать подлинную культуру. Массы не имеют индивидуального видения мира, прочных знаний о нем, поэтому они не способны выработать плана существования, программы на будущее. Они могут осуществлять только простейшие жизненные функции.

Иными словами, Ортега узаконивает такое положение, когда самостоятельные мнения и суждения имеет только часть людей, тогда как большинству отказано в праве на них. Концепция культуры Ортеги элитарна, его признание права человека на индивидуальность и автономность неполно. Об этом же свидетельствует и его интерпретация терминов «одиночество» и «отчуждение», которые трактуются им преимущественно в психологическом плане. Человек может осознавать свое истинное отношение к вещам, выработать убеждения о мире, «прийти в согласие с собой и определить, во что он верит, к чему он действительно испытывает почте-

ние и что ненавидит»², только сосредоточившись в себе, уйдя в себя, т. е. в одиночестве. На людях, в толпе человек перестает быть собой, теряет свое «я», не может по-настоящему размышлять, определить свое подлинное отношение к окружающему миру. Состояние, когда человек растворяется в других, не имеет собственного мнения, действует, находясь как бы в состоянии лунатизма, Ортега назвал отчуждением. Человеку более присуще отчуждение, чем одиночество, ибо для ухода в себя требуются огромные волевые усилия, на которые способно лишь «избранное меньшинство» — духовная аристократия.

Однако Ортега не был слепым адептом интересов буржуазии, он видел многие пороки социальной среды, к которой принадлежал сам, и не считал, что элиту составляют представители исключительно господствующего класса. Элита, в его понимании, состоит из духовной аристократии. «Масса» — не «представители определенного класса», «масса» есть в каждом классе и социальной группе³. Это прежде всего обыватели, мещане с узким кругозором, легко поддающиеся своим эмоциям и чувствам, не имеющие самостоятельной судьбы и призвания.

Понятиями «избранное меньшинство» и «масса» Ортега подменяет научное понимание структуры общества, его классовую характеристику. Культура, будучи созданием духовной элиты, играет, по его мнению, решающую роль в судьбе человеческого общества — как «избранного меньшинства», так и «массы». Она проходит сложную эволюцию, циклы, которыми определяется ход истории. Каждому этапу развития культуры соответствует определенный этап развития общества. Кризис культуры неизбежно влечет за собой кризис общества.

Достигая высокой степени развития, действующая культура чрезмерно усложняется, устаревает, не успевает за быстротечной жизнью, ставящей все новые проблемы. Такая культура нарушает связь между человеком и реальностью, мешает ему ориентироваться в мире. Она превращается в фальсификацию, теряет смысл. Тогда люди отказываются от усложненной, давящей на них культуры, но не обретая новой, оказываются без убеждений. В такие периоды изменяются привычные отношения между элитой и массой. Массы отказываются следовать за меньшинством, подчиняться его воле, а духовная аристократия теряет отличительные свойства и утрачивает функции управления. Начинается «восстание масс». «Восстание масс» выражается и в том, что происходит «вертикальное вторжение варваров», т. е. появление нецивилизованных, примитивных, лишенных убеждений людей среди развитой культуры. «Варварство» характеризуется отсутствием стандартов и нежеланием считаться с другими⁴. Иными словами, причина «восстания масс» коренится в духовной сфере, она связана с потерей жизненных ориентиров, установок, убеждений, т. е. культуры.

Кризис культуры и связанное с ним «восстание масс», которое Ортега отмечает в современной Европе, отличаются от кризисов в эпоху Древнего мира и Возрождения особо разрушительным, катастрофическим характером. Это вызвано появлением на исторической арене «человека-массы», которого произвела цивилизация XIX века.

В XIX веке, по мнению Ортеги, наука и техника произвели разительные перемены в жизни обыкновенного, среднего человека, причем материальные блага, гражданские и социальные свободы, о которых не мог раньше и мечтать, он получил уже готовыми, не затратив на это ни малейших усилий. Убеждение в безграничных возможностях прогресса привело к появлению у «человека-массы» потребительской психологии, т. е. непоколебимой уверенности в законности своих прав на эти достижения цивилизации, и в то же время к отказу признавать какие бы то ни было обязанности по отношению к ним. «Человек-масса» воспринимает цивилизацию как самовоспроизводимый объект, природное явление, не сознавая, что даже для простого поддержания достигнутого уровня цивилизации требуются колоссальные усилия, ибо она способна «в мгновение ока, при малейшей небрежности вырваться из рук человека и испариться, как призрак»⁵.

«Человек-масса» не признает авторитетов, решительно провозглашает идеальным свое посредственное, вульгарное мнение. Ощущение собственного совершенства и самоудовлетворенность приводят к тому, что «человек-масса» желает видеть вокруг себя только таких же, как он сам, отказываясь тем самым от индивидуальной судьбы и отказывая в праве на

нее другим. Не обладая свойством критически осмысливать жизнь, не признавая внешних авторитетов, «человек-масса» не может иметь собственной культуры. Он фальсифицирует жизнь, отворачивается от ее трудностей, не может и не желает решать ее проблемы.

«Человек-масса» являет собой новый, невиданный тип «образованного невежды». Благодаря развитию средств массовой коммуникации, он информирован в гораздо большей степени, чем его предшественники. Но знания его носят поверхностный, формальный характер, умственная и духовная жизнь ограничена сферой узкопрофессиональных знаний и деятельности. Типичным представителем «человека-массы» является ученый-профессионал, «обученный одному и совершенно несведущий во всем остальном», лишенный общего мировоззрения, а поэтому не способный достичь успехов даже в своей области исследования.

Необходимо отметить, что такого рода представления в существующей мере обусловлены действительными противоречиями в развитии современного капиталистического общества. Ортега верно подметил, что при капитализме труд лишился творческого характера. В результате увеличивающейся специализации, нарастания механической, бездумной работы, невозможности участвовать в целостном цикле производства человеческая деятельность утрачивает смысл, продукты труда теряют связь с человеком. Его интересуют лишь выгоды, которые дают научные достижения, и не волнует их влияние на судьбу мира. Антигуманное общество, которое «доверяет больше материальному, чем человеческому», и для которого «богатство, деньги становятся основной целью»⁶, неизбежно порождает людей, способных ради наживы производить товары, грозящие разрушением всей цивилизации.

Таким образом, при всей ограниченности своей философии, Ортега сумел вскрыть ряд тенденций в развитии культуры, характерных для современного буржуазного общества. В его работах отмечен антагонистический характер достижений науки и техники при капитализме и негативное влияние их на духовный мир человека. Особенно актуальной остается его критика «человека-массы» — половинчатого, «частичного» человека, ставшего неотъемлемой частью капиталистической действительности, опорой неонацистских, террористических, экстремистских группировок. «Человек-масса» воспринимает и одобряет лишь готовые, упрощенные, элементарные образцы культуры, не имеющие глубокого смысла и содержания, затемняющей сознание трудящихся и служащей интересам господствующих классов. Сознание «человека-массы» является благодатной почвой, на которой расцветает «массовая культура».

Однако Ортега не смог объяснить истинную причину появления «человека-массы», увидев ее лишь в кризисе культуры, обостренном современными достижениями науки и техники. Буржуазный философ игнорирует социально-экономический характер кризиса всего буржуазного общества. Поэтому выход из кризиса, по его мнению, состоит в создании новой культуры, обновлении сознания людей.

Классовая направленность современных концепций «массовой культуры» заключается в том, что они призваны содействовать воспроизводству капиталистических общественных отношений, основанных на социально-классовом неравенстве и эксплуатации человека человеком. Реакционная антиобщественная сущность «массовой культуры» ярко проявляется также в ее стремлении навязать трудящимся стран социализма буржуазный образ жизни, психологию потребительства и индивидуалистическую мораль. Концепции «массовой культуры» препятствуют социальному и культурному прогрессу нового общества, важнейшей целью которого является максимальное удовлетворение разумных потребностей и формирование всесторонне и гармонически развитой личности. Все это придает данной проблеме особую остроту и актуальность.

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 19.

² Ortega y Gasset J. Man and People. London, 1957. P. 16.

³ См.: Ortega y Gasset J. The Revolt of the Masses. London, 1961. P. 11; Invertebrate Spain. London, 1937. P. 15.

⁴ См.: Ortega y Gasset J. The Revolt of the Masses. P. 55, 58.

⁵ Ortega y Gasset J. Man and People. P. 26.

⁶ Ortega y Gasset J. Invertebrate Spain. P. 136.

Навуковы камунізм

А. П. МЕЛЬНИКАЎ

ДАСЛЕДАВАННЕ ВУЧОНЫМІ БЕЛАРУСІ ПРАБЛЕМЫ НАЦЫЯНАЛЬНЫХ АДНОСІН

У нашай рэспубліцы цікавасць да праблемы нацыянальных адносін прыкметна ўзмацнілася к канцу 70-х—пачатку 80-х гадоў. Асаблівую ўвагу вучоныя Беларусі ўдзяляюць праблемам інтэрнацыяналізацыі, пралетарскага і сацыялістычнага інтэрнацыяналізму. Па гэтых пытаннях у апошнія дваццацігоддзе выйшлі такія работы, як «Аб пралетарскім інтэрнацыяналізме», «Інтэрнацыянальнае і нацыянальнае ў грамадстве развітога сацыялізму» І. І. Сяровай, «Сацыялістычны інтэрнацыяналізм — наш сцяг» А. А. Ясінскага, «Інтэрнацыяналізацыя: сутнасць, тэндэнцыі, перспектывы» і некаторыя іншыя. У гэтых кнігах пралетарскі інтэрнацыяналізм разглядаецца як агульнасць інтарэсаў і салідарнасць рабочых, працоўных розных нацый, якія працягваюцца ў іх псіхалогіі, ідэалогіі і сацыяльнай практыцы, як міжнароднае адзінства рабочага класа, камуністаў усіх краін у барацьбе за агульныя мэты, салідарнасць іх з барацьбой народаў за нацыянальнае вызваленне і сацыяльны прагрэс, добраахвотнае супрацоўніцтва брацкіх партый пры захаванні раўнапраўя і незалежнасці кожнай з іх.

Інтэрнацыяналізм непаруўна звязаны з патрыятызмам, гэта значыць любоўю да айчыны, адданасцю ёй, імкненнем сваімі дзеяннямі служыць яе інтарэсам. Патрыятызм — «адно з найбольш глыбокіх пачуццяў, замацаваных вякамі і тысячагоддзямі адасобленых айчын»¹. У названых работах правільна паказваецца, што ў антаганістычным грамадстве змест патрыятызму з'яўляецца класавым, бо кожны клас выказвае свае адносіны да айчыны праз уласцівыя яму спецыфічныя інтарэсы. Патрыятызм пралетарыяту, напрыклад, заўсёды супярэчлівы. У ім любоў да радзімы спалучаецца з нянавісцю да эксплуатацыйнага строю. Сацыялістычны патрыятызм не супярэчыць інтэрнацыяналізму. У ім любоў да радзімы, свайго народа арганічна спалучаецца з паважлівымі адносінамі да іншых народаў.

Раскрываючы суадносіны пралетарскага і сацыялістычнага інтэрнацыяналізму, аўтары падкрэсліваюць іх непаруўнае адзінства, выводзяць агульныя рысы, адзначаюць, што сацыялістычны інтэрнацыяналізм варта разглядаць як якасна новую ступень развіцця пралетарскага інтэрнацыяналізму.

У працах беларускіх даследчыкаў аналізуюцца розныя бакі працэса інтэрнацыяналізацыі, прапануецца яе перыядызацыя. Пэўны навуковы інтарэс уяўляе спроба ўдакладніць змест паняццяў «інтэрнацыяналізацыя» і «інтэграцыя», іх суадносіны. З класавых пазіцый характарызуюцца два розныя тыпы інтэрнацыяналізацыі — капіталістычная і сацыялістычная. У аснову такога падыходу пакладзена вядомая ленінская думка аб тым, што «ўсё гаспадарчае, палітычнае і духоўнае жыццё чалавецтва ўсё больш інтэрнацыяналізуецца ўжо пры капіталізме. Сацыялізм цалкам інтэрнацыяналізуе яго»².

Вызначаючы інтэрнацыяналізацыю як аб'ектыўную тэндэнцыю грамадскага развіцця, якая выражае ў перспектыве працэс растучага адзінства ўсіх нацый і народаў у адзіным безнацыянальным камуністычным чалавецтве, аўтары разам з тым падкрэсліваюць, што ўмовы для раскрыцця сутнасці гэтай тэндэнцыі, яе поўнай рэалізацыі ствараюцца толькі з перамогай сацыялізму.

Аргументавана і наглядна даследчыкі раскрываюць усё ўзрастаючы ўплыў сусветнай сістэмы сацыялізму як на ход сусветнага развіцця, так і на характар інтэрнацыяналізацыі ўсіх бакоў жыцця народаў сацыялістычных краін. У калектыўнай манаграфіі «Інтэрнацыяналізацыя: сутнасць, тэндэнцыі, перспектывы» (Мінск, 1977) паказана, што найбольш інтэнсіўна працэс інтэрнацыяналізацыі развіваецца ў сацыялістычным супрацоўніцтве краін СЭУ.

У сучасную эпоху асабліва важнае значэнне набыло ўменне спалучаць інтэрнацыянальнае і нацыянальнае ў класавай барацьбе, рэвалюцыі, будаўніцтве сацыялізму, а значыць, уменне абараняць паслядоўны інтэрнацыяналізм супраць любых спроб падмены класавых крытэрыяў вырашэння грамадскіх праблем «чыста нацыянальнымі» крытэрыямі.

У названых працах, а таксама ў манаграфіі А. І. Галаўнёва «Інтэрнацыянальнае і нацыянальнае ў развіцці сацыялістычнай культуры» (Мінск, 1974) разглядаецца дыялектыка інтэрнацыянальнага і нацыянальнага як у сацыялістычным, так і ў несацыялістычным свеце. Вывучэнне інтэрнацыянальнага і нацыянальнага ў сусветным кантэксце дае магчымасць лепш адцягнуць перавагі сацыялізму перад капіталізмам у развіцці нацый і нацыянальных адносін.

Даследчыкі выступаюць супраць спроб тлумачыць інтэрнацыяналізм як нігілістычныя адносіны да ўсяго нацыянальнага ў жыцці народаў. Сапраўдны інтэрнацыяналізм заключаецца менавіта ў тым, каб глыбока ўлічваючы нацыянальныя фактары грамадскага развіцця, паслядоўна змагацца супраць нацыянальнай выключнасці і ўсіх форм адасаблення, за брадкае адзінства народаў, іх супрацоўніцтва і ўзаемадапамогу.

Нямала ўвагі беларускія грамадазнаўцы ўдзяляюць нацыянальным адносінам у СССР, росквіту і збліжэнню савецкіх нацый і народнасцей, а таксама ўзмацненню іх сувязей з краінамі сацыялістычнай садружнасці. У гэтым плане вельмі паказальныя працы М. І. Іоські «Беларусія і Узбекістан: З гісторыі развіцця міжнацыянальных адносін беларускага і ўзбекскага народаў» (Мінск, 1970); І. С. Сямькіна «XXIV з'езд КПСС аб заканамернасцях развіцця сацыялістычных нацый» (Мінск, 1972); А. П. Мельнікава «Збліжэнне савецкіх нацый ва ўмовах развіцця сацыялізму» (М., 1973); З. У. Доктарава «Адзінае саюзнае, шматнацыянальнае: Нацыянальна-дзяржаўнае ўстройства СССР» (Мінск, 1978); В. П. Дзікселіса «Росквіт і збліжэнне нацый ва ўмовах развіцця сацыялізму» (Мінск, 1981); І. С. Сямькіна, А. І. Сямькіна «У брацкім саюзе» (Мінск, 1982); А. А. Янскага «Сябры-інтэрнацыяналісты» (Мінск, 1973).

У гэтых публікацыях раскрываюцца інтэграцыйныя пытанні, сацыяльна-эканамічныя і палітычныя асновы збліжэння савецкіх нацый і народнасцей, паказваецца, што гэта збліжэнне ўзмацняецца па меры ўдасканалення матэрыяльна-тэхнічнай базы сацыялізму, інтэрнацыяналізацыі сацыяльна-класавых асноў савецкага грамадства.

У працах падкрэсліваецца, што важныя формы збліжэння савецкіх нацый і народнасцей выяўляюцца ў сукупнай працы шматнацыянальных калектываў, у абмене працоўнымі рэсурсамі, які пашыраецца, падрыхтоўцы кадраў, укараненні перадавога вытворчага вопыту, сацыялістычным спабарніцтве саюзных рэспублік, гарадоў, роднасных прадпрыемстваў. На падставе ўмацавання адзінства эканомікі нацый і народнасцей СССР ўдасканальваецца сацыялістычная дэмакратыя, павышаецца роля нацыянальнай дзяржаўнасці ў вырашэнні інтэрнацыянальных задач савецкага народа. Адназначна, далейшае развіццё атрымліваюць савецкая федэрацыя і аўтаномія як важнейшыя формы забеспячэння ўсебаковага росквіту і збліжэння савецкіх народаў, дасягнення іх поўнага адзінства.

У адрозненне ад інтэрнацыяналізацыі ў капіталістычным грамадстве сацыялістычная інтэрнацыяналізацыя ажыццяўляецца планамерна, шляхам свядомага выкарыстання аб'ектыўных законаў сацыялізму, усебаковага ўліку патрэб сацыялістычнага будаўніцтва. Гэта садзейнічае ўмацаванню інтэрнацыянальнага адзінства не толькі савецкіх народаў, але і краін сацыялістычнай садружнасці, паскарэнню іх развіцця, правільнаму

спалучэнню інтэрнацыянальных і нацыянальных інтарэсаў. Гэта, у прыватнасці, добра паказана ў працы А. А. Ясінскага «Сябры-інтэрнацыяналісты».

Планамернае збліжэнне сацыялістычных нацый адбываецца ва ўсіх сферах грамадскага жыцця. Найбольш складанай у гэтых адносінах з'яўляецца духоўная культура. Раскрыццю праблем інтэрнацыяналізацыі духоўнага жыцця прысвечаны такія працы беларускіх даследчыкаў, як «Нацыянальная культура і камунізм», «Інтэрнацыянальнае і нацыянальнае ў развіцці сацыялістычнай культуры» А. І. Галаўнёва (Мінск, 1967; 1974); «Збліжэнне нацыянальных культур у працэсе камуністычнага будаўніцтва (на матэрыялах культуры ўкраінскага і беларускага народаў)», «Адзінства братніх культур» А. П. Мельнікава (Мінск, 1972; 1978); «Узаемаабгаечэнне і збліжэнне нацыянальных культур у перыяд будаўніцтва камунізму» П. П. Сіліванчыка і А. П. Мельнікава (Мінск, 1974); «Збліжэнне нацыянальных культур у працэсе камуністычнага будаўніцтва» А. І. Галаўнёва і А. П. Мельнікава (Мінск, 1979).

У гэтых працах паказана, што паколькі сацыялізм істотна мяняе ўвесь жыццёвы ўклад, спосаб жыцця нацый і народнасцей, пастолькі глыбока змяняюцца іх нацыянальныя спецыфіка і асаблівасці. Узаемадзеянне чы, яны губляюць былы ізаляваны характар, становяцца ўсё больш даступнымі, зразумелымі для прадстаўнікоў усіх нацыянальных супольнасцей. Гэта пашырае аснову ўзаемаабгаечэння нацыянальных культур.

У манаграфіях А. І. Галаўнёва грунтоўна даследуюцца суадносіны інтэрнацыянальнага і нацыянальна-асаблівага ў развіцці сацыялістычнай культуры, робіцца вывад аб тым, што нацыянальна-самабытнае, як у сферы вытворчасці духоўных каштоўнасцей, так і ў сферы іх асваення, выступаючы формай выяўлення агульнага, інтэрнацыянальнага, звязана з гэтым алошнім як самабытнае і агульнае, як форма і змест.

Значная ўвага ва ўказаных працах надаецца разгляду дыялектыкі тэндэнцый росквіту і збліжэння ў паступальным развіцці сацыялістычнай культуры, даследуюцца ўзаемадзеянне нацыянальных культур як блізкароднасных нацый (беларускай, украінскай, рускай), так і «дальніх» народаў (беларускага і ўзбескага). У манаграфіі А. І. Галаўнёва і А. П. Мельнікава «Збліжэнне нацыянальных культур у працэсе камуністычнага будаўніцтва» шмат увагі ўдзяляецца таксама ўзаемадзеянню культуры савецкага народа як новай гістарычнай супольнасці людзей з культурамі народаў сацыялістычных краін. Манаграфія насычана багатым фактычным матэрыялам, які ілюструе тэндэнцыю да культурнай кансалідацыі краін сацыялістычнай садружнасці.

Значную ўвагу беларускія вучоныя ўдзяляюць праблемам інтэрнацыянальнага выхавання працоўных у сучасных умовах. Гэтым пытанням прысвечаны публікацыі І. І. Сяровай «Інтэрнацыянальнае выхаванне працоўных» (Мінск, 1974); «Сіла, якая згуртоўвае ў адно: Інтэрнацыянальнае выхаванне працоўных у развітым сацыялістычным грамадстве» (Мінск, 1981), а таксама Г. Е. Таіравай «Сацыялістычная інтэрнацыяналісцкая ідэалогія» (Мінск, 1974).

У працах І. І. Сяровай даецца разгорнуты аналіз праблемы інтэрнацыянальнага выхавання працоўных у сацыялістычным грамадстве. Аўтар правамерна падкрэслівае, што для правільнай пастаноўкі інтэрнацыянальнага выхавання неабходны глыбокае ўсведамленне сапраўдасці і выпрацоўка мэт, якія адпавядаюць духу часу і рэальнаму становішчу спраў.

У працах І. І. Сяровай і Г. Е. Таіравай раскрываецца таксама сутнасць савецкай агульнанацыянальнай гордасці, яе структура, фактары фарміравання, сацыяльныя функцыі, суадносіны з нацыянальнай свядомасцю.

Пэўную ўвагу даследчыкі ўдзяляюць пытанням крытыкі антыкамуністычных паклёпаў на ленінскую нацыянальную палітыку. Гэтым праблемам прысвечана манаграфія Г. С. Марцуля «Перамога ленінскай нацыянальнай палітыкі і яе буржуазныя фальсіфікатары» (Мінск, 1975) і брашура М. П. Чапрасава «Крытыка антыкамуністычных фальсіфікацый нацыянальнай палітыкі КПСС» (Мінск, 1978).

У названых працах разглядаюцца прыёмы нашых ідэйных праціўнікаў, на падставе якіх яны скажаюць марксісцка-ленінскае вучэнне па нацыянальнаму пытання, спрабуючы прынізіць ролю К. Маркса, Ф. Энгельса, У. І. Леніна ў распрацоўцы тэорыі нацый і нацыянальных адносін. Вялікую ўвагу даследчыкі ўдзяляюць выкрыццю буржуазных фальсіфіка-

цый ленинскай праграмы партыі па нацыянальнаму пытанню, у прыватнасці, яе важнейшага палажэння— аб праве нацыі на самавызначэнне. Праца Г. С. Марцуля дае грунтоўную крытыку поглядаў буржуазных ідэолагаў па праблеме ленинскага вучэння аб пралетарскім інтэрнацыяналізме, ускрывае рэакцыйную сутнасць буржуазнага нацыяналізму і адной з яго разнавіднасцей— сіянізму.

Гаворачы аб пэўных дасягненнях у распрацоўцы вучонымі Беларусі праблем нацыянальных адносін, нельга не адзначыць, што гады застою не маглі не адбіцца адмоўна і ў гэтай справе. У некаторых рэгіёнах краіны пачалі даваць знаць аб сабе праяўленні месніцтва, тэндэнцыі да нацыянальнай замкнутасці, настроі нацыянальнай фанабэрыі, а часам і неўважлівых адносін да інтарэсаў нацыянальнага развіцця. Аднак гэтыя з'явы заставаліся па-за полем зроку грамадазнаўцаў. Як адзначаў у сувязі з гэтым М. С. Гарбачоў, «некаторыя нашы грамадазнаўцы доўгі час лічылі за лепшае ствараць трактаты «заздароўнага» характару, якія нагадвалі часам больш хвалебныя тосты, чым сур'ёзныя навуковыя даследаванні»³. У далейшым парушэнне ленинскіх прынцыпаў нацыянальнай палітыкі, недастатковая ўвага да яе прывялі да сумна вядомых падзей у Алма-Аце, Прыбалтыцы, Нагорным Карабаху. Усё гэта ставіць перад нашымі вучонымі новыя задачы па больш глыбокаму і сур'ёзнаму вывучэнню складанай і далікатнай сферы нацыянальных адносін.

¹ Ленін У. І. Творы. Т. 28. С. 169.

² Там жа. Т. 19. С. 222.

³ Матэрыялы Пленума Цэнтральнага Камітэта КПСС, 27—28 студзеня 1987 г. Мінск, 1987. С. 42.

МИЛЕНА СТИBOROVA

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УСИЛЕНИЯ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗАХ ЧССР

XVII съезд КПЧ, состоявшийся в марте 1986 года, выработал стратегию ускорения социально-экономического развития государства и всех сфер общества на ближайшие пятнадцать лет. Основным условием ускорения социально-экономического развития ЧССР должна стать интенсификация народного хозяйства на основе научно-технического прогресса. Декабрьский (1986) Пленум ЦК КПЧ поставил задачу ускорить внедрение достижений науки и техники, обеспечить высокий технический уровень и качество продукции. Выполнение этой ответственной задачи невозможно без активного участия научно-технической интеллигенции, молодых специалистов, способных мыслить и действовать нетрадиционно.

Подготовка специалистов технического профиля, их численность, структура и квалификация— составные части научно-технического прогресса, повышения эффективности производства.

Важнейшим условием деятельного, творческого участия студентов технического профиля в ускорении научно-технического прогресса является формирование у них в процессе обучения в вузе марксистско-ленинского мировоззрения, идейной убежденности, ясного понимания общественных задач.

Жизненная позиция студента проявляется в различных тесно взаимосвязанных видах деятельности: трудовой, общественно-политической, духовно-творческой. Проведенные нами социологические исследования студентов технических вузов Праги, Кошице, Пльзенья, Либерец выявили в целом невысокий уровень их активности, хотя 84 % студентов состоят в Союзе социалистической молодежи (ССМ). Всего же руководителями научных кружков являются 3,8 %, членами общества сотрудничества с армией— 17, членами спортивных обществ— 67 %. Невысок и уровень профессиональной активности студентов. Только 21 % обучающихся в четырех вузах охотно посещает технические общества, самостоятельно готовит и защищает технические проекты, дипломы.

Однако и высокая техническая подготовка студента еще не обеспечивает ему четкую мировоззренческую позицию. В условиях острой идеологической борьбы, оголтелого антикоммунизма социалистическим странам

очень важно сформировать у студентов зрелые, коммунистические убеждения, способности противостоять буржуазной пропаганде, уметь с научных, классовых позиций оценивать общественные явления. Отсюда важной задачей технических вузов, вытекающей из решений XVII съезда КПС, IV съезда ССМ, является усиление идейно-воспитательного воздействия общественных, общенаучных и специальных дисциплин, мировоззренчески направленная организация всего учебно-воспитательного процесса.

Научное мировоззрение студентов технических вузов формируется прежде всего в процессе изучения общественных наук. Однако в реальной действительности мы встречаемся с тем, что наряду с огромным желанием большей части студентов изучать общественные науки, досконально разбираться в явлениях общественной жизни наблюдается среди них и пассивное отношение к этим наукам. У некоторой части студентов недостаток конкретных знаний общественной жизни, отсутствие собственного жизненного опыта порождают абстрактное понимание сути общественных процессов. Они становятся в позу внешних критиков, наблюдателей или комментаторов общественных процессов, не возлагая на себя даже малой ответственности за практические решения. Иногда понимание ими сути общественных процессов граничит с ненаучным подходом, иллюзорным пониманием действительности. Так, по данным нашего исследования, среди студентов четырех технических вузов ЧССР 5,7 % находится под влиянием религиозных взглядов. Наивному, упрощенному пониманию действительности частью студентов способствуют неправильное семейное воспитание, влияние неформальных коллективов, в которых они общались до поступления в вузы.

К недостаткам мировоззренческого характера студентов технических вузов следует отнести распространенное среди них мнение о том, что развитие науки и техники определяет все формы общественных отношений. Отсюда недооценка ими роли социальных институтов и социальных процессов и переоценка роли научно-технической интеллигенции в обществе.

Несомненно, что в учебной и воспитательной работе важно исходить из возрастных особенностей и специфики студенчества как социальной группы. Ей присущи юношеский максимализм, отсутствие жизненного опыта, недостаточная развитость морально-волевых качеств, неумение части молодежи противостоять влиянию реакционных идей и буржуазных образцов поведения.

Доброжелательность, тактичность преподавателей, привитие интереса к общественным наукам, вовлечение студентов в общественно-политическую жизнь вуза должны сыграть благотворную роль в формировании их мировоззрения.

Естественно, студент технического вуза усваивает научное мировоззрение иначе, чем студент гуманитарного вуза. Но это не снимает с преподавателей общественных дисциплин ответственности за формирование мировоззренческой позиции молодого специалиста.

До недавнего времени в ЧССР идейно-политическое воспитание студентов считалось профессиональным делом преподавателей-обществоведов и даже предлагалось исключить его из сферы изучения технических предметов. К сожалению, еще и сегодня часть студентов недопонимает значение роли общественных наук в жизни. По данным нашего социологического исследования, к этой категории относится 23 % студентов четырех технических вузов ЧССР.

Сегодня ясно, что в утверждении активной жизненной позиции молодого специалиста должны участвовать все звенья высшей школы. Осуществление тесного взаимодействия общенаучных, специальных и общественных кафедр, интеграция обучения с производством, обеспечение целостности преподавания марксизма-ленинизма является насущнейшей задачей технических вузов ЧССР. С начала 1982 года совместными усилиями преподавателей общественных и технических дисциплин стали разрабатываться единые программы мировоззренческого воспитания студентов по годам обучения. Обществоведы стремятся повысить свой научный уровень, свое понимание насущных проблем социально-экономического ускорения, чтобы помочь студентам лучше ориентироваться в жизненно важных проблемах.

Преподаватели-обществоведы стараются учитывать профиль и специфику вуза, усиливая мировоззренческое воздействие курсов общественных наук, нацеливая каждое учебное занятие и внеаудиторную работу на по-

требности жизни, прививая умения применять теоретические знания на практике. Так, в Чешском высшем техническом училище (Прага) преподаватели научного коммунизма на строительном факультете стараются разъяснить задачи XVII съезда КПЧ в области строительной индустрии. В свою очередь преподаватели технических дисциплин стремятся усилить мировоззренческие аспекты своих курсов. Так, например, в процессе изучения гидрологии ими раскрывается сущность экологического кризиса и мер по охране окружающей среды, по планомерному управлению водными ресурсами в стране и социалистическом содружестве. В курсе предмета «Бетонные конструкции» значительное внимание уделяется изучению методов экономного использования материалов, сотрудничеству со странами СЭВ в создании материалов с заданными свойствами.

Преподаватели многих кафедр общественных наук стремятся объединить свои усилия с преподавателями технических дисциплин по совершенствованию мировоззренческой направленности воспитания студентов. Например, обществоведы Чешского высшего технического училища в январе 1984 года провели двухдневную теоретическую конференцию «Идеологическая борьба в современном мире», в работе которой участвовало 10 преподавателей специальных кафедр. В мае 1985 года ими же была проведена теоретическая дискуссия по проблемам войны и мира, в которой участвовали 8 представителей технических кафедр. В Чешском высшем техническом училище практикуется проведение совместных заседаний кафедр общественных и специальных наук.

Нам представляется, что дальнейшему совершенствованию мировоззренческой направленности учебного процесса в технических вузах ЧССР будет способствовать расширение и углубление контактов между кафедрами общественных и технических наук, совместное обсуждение проблем, находящихся на стыке наук и мировоззренческих аспектов специальных наук, объединение усилий специалистов разного профиля в идейно-воспитательной работе со студентами. При этом значительно возрастет роль кафедр общественных наук вузов, призванных координировать систему мер по улучшению мировоззренческой подготовки специалистов.

А. А. ЛАШКЕВИЧ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ БОЛГАРИИ ПРИ ПЕРЕХОДЕ К СТРОИТЕЛЬСТВУ СОЦИАЛИЗМА (1948—1953)

Необходимым компонентом социалистического строительства является осуществление революционных преобразований в сфере культуры, в том числе и высшей школы. Развитие системы высшего образования в НРБ в рассматриваемый период необходимо изучать в контексте общего процесса социалистического строительства в стране. Цель настоящей статьи и состоит в том, чтобы исследовать некоторые аспекты развития высшей школы в Болгарии в конце 40-х—начале 50-х годов и показать ее роль в создании основ социалистического общества.

На состоявшемся в декабре 1948 года V съезде Болгарской коммунистической партии был разработан курс на строительство социализма. На нем были одобрены основные направления первого в истории страны пятилетнего плана социально-экономического развития Болгарии (1949—1953), который предусматривал «**построение основ социализма** путем индустриализации страны, кооперирования и механизации сельского хозяйства»¹. В отчетном докладе Георгия Димитрова съезду подчеркивалось, что выполнение народнохозяйственных задач самым тесным образом связано с повышением культурного уровня народа². Реализация этой задачи требовала провести реорганизацию высшего образования в соответствии с требованиями социалистического строительства.

На антифашистско-демократическом этапе революционного процесса в Болгарии (1944—1947) была начата перестройка высшей школы. Преподавательский корпус вузов был очищен от сторонников монархо-фашизма и других реакционных элементов. Народно-демократическая власть выделяла вузам ассигнования для стипендиального фонда, из которого оказывалась помощь представителям трудящейся молодежи, резервировала для них места в высших учебных заведениях, чтобы увеличить удельный вес

выходцев из рабочих и крестьян в общей численности студентов. Логическим завершением мероприятий по реорганизации болгарской высшей школы в антифашистско-демократическом направлении был «Закон о высшем образовании» (июнь 1947)³.

Переход к строительству социализма потребовал внести изменения в законодательные основы деятельности высшей школы НРБ. В сентябре 1948 года Народное собрание приняло новый «Закон о высшем образовании»⁴, который включал высшие учебные заведения в общегосударственную систему планирования социально-экономического развития. Вузы должны были готовить таких специалистов, которые имели бы не только необходимую профессиональную подготовку, но были убежденными марксистами-ленинцами, готовыми принять активное участие в социалистическом строительстве. В законе 1947 года говорилось лишь о необходимости сочетать обучение студентов с их воспитанием «в прогрессивно-демократическом духе». В тот период на повестку дня еще не ставился вопрос о переходе к созданию социалистического общества в Болгарии.

Для успешного решения задач, связанных со строительством социализма, требовалось в короткий срок создать новую интеллигенцию, своим социальным происхождением и идеологически тесно связанную с трудящимися массами и прежде всего рабочим классом. Поэтому рабоче-крестьянской молодежи необходимо было обеспечить благоприятные условия для получения высшего образования. Закон 1947 года предусматривал равные права в этой сфере для представителей всех социальных групп. Однако формальное равенство оборачивалось фактическим неравенством в пользу буржуазии, поскольку невысокий уровень жизни, платность обучения в старших классах средней школы и вузах зачастую мешали детям рабочих и крестьян учиться в высших учебных заведениях. «Закон о высшем образовании» 1948 года предоставлял исключительное право для поступления в высшие учебные заведения выходцам из трудящихся классов. Кроме того, в вузы не принимались лица, занимавшиеся контрреволюционной деятельностью, независимо от их социального происхождения.

Введение жестких социальных ограничений на поступление в высшие учебные заведения было связано и с обострением политической ситуации в стране. Реакционная оппозиция стремилась привлечь студенчество на свою сторону, использовать высшую школу для борьбы с народно-демократической властью. В связи с этим в законе 1948 года сохранялись статьи «Закона о высшем образовании» 1947 года, которые предусматривали увольнение преподавателей и исключение студентов, занимавшихся «фашистской или иной антинародной деятельностью».

Обучение в вузах продолжало оставаться платным. Участники антифашистской освободительной борьбы, бывшие политические заключенные получали право учиться бесплатно. Таким образом, социально-классовый отбор дополнялся еще и политическим в ходе обучения в высшей школе, когда преимущество отдавалось активным сторонникам народной власти.

Переход к социалистическому строительству потребовал внести изменения в принципы управления высшей школой. Поскольку стало осуществляться планирование социально-экономического развития страны, то возникла необходимость ликвидации относительно обособленного положения высших учебных заведений в общественной жизни Болгарии («академической автономии»). Ранее спрос и предложение на рабочую силу, в том числе и высококвалифицированных специалистов, регулировались на стихийно-рыночной основе. Теперь же, в условиях социалистического строительства требовалось перевести работу вузов на плановую основу, чтобы они могли готовить необходимых для народного хозяйства специалистов и осуществлять научно-исследовательскую деятельность в соответствии с директивами пятилетнего плана. Закон 1948 года, в отличие от прежнего законодательного акта, вводил обязательное распределение выпускников высших учебных заведений.

Научно-исследовательская работа, проводившаяся ранее по усмотрению самих преподавателей, теперь должна была выполняться по заранее составленным планам, утверждавшимся центральным органом управления высшими учебными заведениями — Комитетом по делам науки, искусства и культуры.

В связи с включением болгарской высшей школы в общую систему народнохозяйственного планирования изменились принципы руководства вузами, расширялись полномочия ректоров. В «Законе о высшем образо-

вании» 1947 года ректор выступал в роли руководителя академического совета — коллегиального органа, осуществлявшего коллективное управление высшим учебным заведением. Теперь же он становился главой вуза, получил полномочия руководить всей его деятельностью. Академический совет превратился в совещательный орган, сохранив право решающего голоса лишь при рассмотрении кадровых вопросов. И ректор, и состав совета избирались на общем собрании профессоров и доцентов вуза, что свидетельствовало об определенном равновесии принципов единоначалия и коллегиального управления.

В ходе выполнения первой пятилетки резко возросла потребность в высококвалифицированных кадрах для различных отраслей народного хозяйства, поэтому открывались новые высшие учебные заведения и расширялись существовавшие. В 1950 году на базе агрономического факультета университета в Пловдиве был создан Высший сельскохозяйственный институт «Васил Коларов» с агрономическим и земледельческо-технологическим факультетами. В 1952—1953 годах продолжалась реорганизация высшего экономического образования в стране. Экономический факультет Софийского университета выделился в отдельный вуз — Высший экономический институт с планово-статистическим, промышленно-транспортным и торговым факультетами. Университет в Сталине (Варне) был преобразован в Высший институт народного хозяйства с инженерно-строительным, торгово-товароведческим и счетоводческим факультетами. Для улучшения подготовки инженерно-технических кадров Софийская государственная политехника в 1953 году разделялась на четыре самостоятельных высших учебных заведения: Инженерно-строительный институт со строительным, гидротехническим и архитектурным факультетами, Машинно-электротехнический институт (машиностроительный и электротехнический факультеты), Химико-технологический и металлургический институт (инженерно-химический и металлургический факультеты) и Горно-геологический институт с горным и геологоразведочным факультетами.

Создание новых вузов, естественно, расширяло для трудящейся молодежи возможности продолжить учебу в высшей школе. Однако многие юноши и девушки не могли завершить среднее образование, без которого невозможно поступить в высшее учебное заведение. Поэтому 11 января 1950 года было принято постановление Политбюро ЦК Болгарской коммунистической партии «О создании верной партии и народной власти социалистической интеллигенции», которое предусматривало создание рабочих факультетов (рабфаков)⁵. Их задача состояла в том, чтобы трудовая молодежь, не имевшая законченного среднего образования, могла получить его и тем самым подготовиться для продолжения обучения в вузах. Рабфаки были открыты в Софии, Пловдиве и Сталине (Варне). Примушественным правом поступления на рабочие факультеты пользовались передовики производства, изобретатели и рационализаторы, участники и руководители молодежных производственных бригад. Студенты рабфаков получали стипендию.

Негативное воздействие на развитие высшей школы Народной Республики Болгарии оказал сектантско-догматический подход к проблемам социалистического строительства Вилко Червенкова, ставшего после смерти Георгия Димитрова и Василя Коларова, видных деятелей болгарского и международного коммунистического движения, Генеральным секретарем ЦК Болгарской компартии и Председателем Совета Министров НРБ. В ходе формирования социалистической интеллигенции проводилось искусственное размежевание между теми, кто получил образование в годы народно-демократической власти, и старыми кадрами специалистов, сформировавшимися еще до революции, в том числе и коммунистами. Вокруг последних стала создаваться атмосфера недоверия и подозрительности. Теоретическим обоснованием такой практики послужил тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения страны по пути создания социалистического общества. Этот тезис В. Червенковым был заимствован у И. В. Сталина и послужил впоследствии оправданием для фальсифицированных судебных процессов, на которых необоснованно были осуждены некоторые видные партийные и государственные деятели, в том числе и секретарь ЦК ВКП, заместитель Председателя Совета Министров НРБ Трайчо Костов. Против них было выдвинуто ложное обвинение в подрывной деятельности, направленной на ликвидацию завоеваний революции. Проведение подобных процессов позволило В. Червенкову утверждать, что

«важные посты в хозяйственном и административном аппарате попали в руки буржуазных и чуждых партии и рабочему классу интеллигентов, которые предавали его интересы»⁶. В такой ситуации правильный в своей основе курс на расширение подготовки высококвалифицированных специалистов из рабоче-крестьянской молодежи стал трактоваться догматически. Главными критериями отбора абитуриентов стали социальное происхождение, политические взгляды, общественная активность. Уровень подготовки, способности и навыки будущих студентов зачастую рассматривались как нечто второстепенное и необязательное. Такая система набора в высшие учебные заведения неизбежно вела к снижению качества подготовки выпускаемых ими специалистов.

Административно-командные методы руководства социалистическим строительством способствовали превращению объективно необходимой централизации управления высшей школой в жесткую регламентацию ее деятельности, ограничению внутреннего самоуправления вузов. Так, Указом Президиума Народного собрания НРБ от 24 июля 1952 года ликвидировалась выборность ректоров и деканов в высших учебных заведениях⁷. Они стали назначаться распоряжениями председателя Комитета по делам науки, искусства и культуры.

Итак, в 1948—1953 годах происходила реорганизация высшей школы Болгарии в связи с переходом к созданию социалистического общества. Несмотря на негативную сектантско-догматическую политику В. Червенкова, реформа высшей школы продолжалась. Были пересмотрены законодательные основы деятельности высших учебных заведений, увеличилось количество студентов из рабочих и крестьян. Для удовлетворения потребностей народного хозяйства в квалифицированных кадрах создавались новые высшие учебные заведения.

¹ БКП в резолюции и решения на конгрессе, конференции, пленуме и Политбюро на ЦК. София, 1955. Т. 4. С. 146.

² См.: Димитров Г. Избранные произведения. М., 1984. Т. 3. С. 479.

³ См.: Държавен вестник. 1947. № 153.

⁴ См.: Държавен вестник. 1948. № 224.

⁵ См.: БКП в резолюции... Т. 4. С. 239—240.

⁶ Работническо дело. 1950. 12 май.

⁷ См.: Народна Република България: Известия на Президиума на Народното събрание. 1952. № 64.

Н. И. БАЗЫЛЕВ, Е. Н. ЛЕБЕДЕВА

СТАНОВЛЕНИЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ХОЗРАСЧЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

На XXVII съезде КПСС отмечалось, что «успех реализации наших планов и задач неразрывно связан с совершенствованием управления и методов хозяйствования. Нам не повернуть производство на путь всесторонней интенсификации прежними методами и старыми организационными формами, не перестроив их...»¹. Важнейшим из таких методов управления является хозяйственный расчет. Но для того чтобы в полной мере реализовать хозрасчетные отношения, необходимо иметь четкое представление о его генезисе. В. И. Ленин учил, что необходимо «смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»². Важным, на наш взгляд, является генезис теории и практики хозрасчета, особенно в первые годы советской власти, в период становления экономики молодого социалистического государства и формирования социалистического хозяйственного механизма.

Понятие хозяйственного расчета появилось в 1921 году в связи с переходом к новой экономической политике. Дело в том, что до 1921 года в стране проводилась политика военного коммунизма со свойственной ей натурализацией экономических отношений, жесткой централизацией управления и уравниловкой в оплате труда. В промышленности были созданы «центры» и «главки». Предприятия выпускали продукцию по нарядам главка без расчета на возмещение затрат. Средства же для производства продукции им безвозмездно выделялись государством.

Переход от политики военного коммунизма к новой экономической политике потребовал коренной перестройки методов хозяйствования. Необходимо было, во-первых, оживить рыночные отношения и подчинить их планомерному регулированию, во-вторых, обеспечить необходимые накопления для развития социалистического хозяйства, а это невозможно без организации учета и контроля, реализации принципа материальной заинтересованности, осуществления социалистического принципа распределения. Успешно решить данные задачи возможно было только на основе широкого использования хозяйственного расчета. «Перевод госпредприятий на так называемый хозяйственный расчет, — писал Ленин, — неизбежно и неразрывно связан с новой экономической политикой, и в ближайшем будущем неминуемо этот тип станет преобладающим, если не исключительным. Фактически это означает, в обстановке допущенной и развивающейся свободы торговли, перевод госпредприятий в значительной степени на коммерческие... основания»³.

Подводя первые итоги практической работы в условиях новой экономической политики, В. И. Ленин в качестве первоочередной задачи выдвигает необходимость установления правильных взаимоотношений между промышленными объединениями и предприятиями, с одной стороны, и сметно-бюджетными и снабжающими органами, с другой, ибо «жесткий

формалистский сметно-бюджетный порядок в период быстрой смены форм был бы значительным тормозом в деле развития нашего народного хозяйства и привел бы лишь к совершенно нежелательному произволу советских чиновников над промышленностью. Выход же заключается в поощрении и развитии инициативы и самостоятельности **руководителей государственной индустрии**»⁴.

В социалистическом обществе поощрение инициативы, высоких результатов деятельности предприятий возможно лишь с использованием принципа материальной заинтересованности. В. И. Ленин вскрывает значение материальной заинтересованности для роста производительности труда, обращает внимание на необходимость использования более совершенных форм оплаты труда, например, сдельной. Он высказывается за более высокую оплату труда специалистов с тем, чтобы они могли лучше работать. «...Нельзя, — отмечал он, — отказываться и от системы премий за наиболее успешную и особенно за организаторскую работу»⁵, но премия не должна превращаться в надбавку к заработной плате. Социализм, подчеркивал В. И. Ленин, надо строить «не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, ... на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете»⁶. Прибыльность работы предприятий, возмещение издержек производства за счет собственных доходов, рассматривалась в то время как одна из основных целей внедрения хозяйственного расчета. В. И. Ленин подчеркивает, что одним из основных требований нэпа является «б е з у б ы т о ч н о с т ь» и «прибыльность» государственных предприятий⁷. Хозяйственный расчет рассматривался как форма присвоения, при которой создаются источники социалистического накопления. Характерно, что теоретические проблемы хозрасчета разрабатывались в тесном единстве с практическим его развитием и использованием. В начале и середине 20-х годов внедрение хозяйственного расчета предусматривало овладение внутренним рынком, аккумуляцию средств для восстановления народного хозяйства и переход к плановым формам управления экономикой. Именно поэтому можно выделить два этапа развития хозрасчета в тот период: первый этап (1921 — 1927 годы) характеризовался предоставлением значительных прав основному хозяйственному звену (тресту). Затем, в процессе укрепления государственного сектора хозяйства, усиления роли планирования наступил второй этап (1927 — 1930-е годы). Для него характерно дальнейшее развитие хозрасчета. Хотя оно выражалось в расширении прав предприятий, однако уже тогда наметилось и ограничение их прав как основного хозрасчетного звена (по сравнению с трестом). Если в 1921 году хозрасчет был рычагом восстановления крупной промышленности, то теперь он — «рычаг реконструкции социалистической промышленности», — писал Н. Вознесенский⁸.

Но в целом, 1921 — 1922 годы можно назвать периодом организационных поисков и перестройки. Он увенчался принятием в апреле 1923 года резолюции XII съезда РКП(б) «О промышленности». Основной хозрасчетной единицей был провозглашен трест⁹. Продукция треста реализовывалась по рыночным ценам, устанавливаемым в зависимости от спроса на нее.

Осенью 1923 года разразился кризис сбыта. Это заставило постепенно отказаться от практики установления цен в зависимости от спроса и подчинить внутренний рынок планомерному регулированию со стороны государства.

Дальнейшее развитие хозяйственного расчета привело к необходимости дать больше прав непосредственному производителю-предприятию. Уже XII съезд партии, проходивший в апреле 1923 года, отметил, что «корень производственного успеха или, наоборот, неудачи находится в основной промышленной единице, т. е. на фабрике или заводе»¹⁰. На каждом предприятии, входящем в трест, предлагалось иметь самостоятельную калькуляцию, чтобы судить об их выгоды и на этой основе премировать. Но внутри треста хозрасчетных отношений не было. Трест представлял собой «общий котел, в котором заводоуправление было безлико, бесправно, а потому и безответственно», — писал В. Торжеский¹¹. Для начальной стадии нэпа, когда не хватало специалистов, фабрики были мало мощны, такое положение было оправданно, но дальнейшее развитие экономики требовало совершенствования хозрасчета.

В 1927 году было принято «Положение о государственных промышленных трестах»¹². В нем отразилось усиление планового начала в эконо-

мике, происшедшее за истекший период. Трест определялся уже как такой хозяйственный комплекс, который действует на началах коммерческого расчета в соответствии с плановым заданием (в отличие от старого Положения, в котором в качестве главной цели деятельности выдвигалось извлечение прибыли). Цены на продукцию устанавливались в плановом порядке. 5 декабря 1929 года было принято постановление ЦК ВКП(б) «О реорганизации управления промышленностью»¹³. Предприятие стало основным звеном управления, были ликвидированы главки.

Из анализа практического развития хозрасчета видно, что в начале 20-х годов особенно злободневным был вопрос о соотношении плановой и хозрасчетной деятельности предприятий. Подчеркивая необходимость связи хозрасчета с перспективным планированием, Ф. Держинский писал: «Наша линия должна идти по твердо намеченной линии планового хозяйства»¹⁴. Тщательного соизмерения доходов и расходов, калькуляции всюду требует Ф. Э. Держинский. При этом он не противопоставляет цели государства и предприятия. В докладе на пленуме ВЦСПС 9 февраля 1926 года он делает вывод: чем больше развивается промышленность, повышается ее прибыльность, тем больше крепнет бюджет. К проблемам развития хозрасчета Держинский подходит с точки зрения задач развития всей социалистической экономики. Хозяйство данного треста, данной отрасли зависит целиком от общего состояния народного хозяйства. А это, считал Феликс Эдмундович, означает, что «в хозяйстве данного предприятия надо руководствоваться общими интересами всего народного хозяйства»¹⁵. Ф. Э. Держинский доказывал необходимость получения и распределения государством прибыли между предприятием и государством в плановом порядке¹⁶.

В первый период нэпа ни границы, ни содержание экономической самостоятельности предприятий не были глубоко обоснованы, поэтому в дальнейшем предпринимаются попытки их обоснования. Было доказано, что в условиях общественной собственности на средства производства и планового ведения экономики невозможна неограниченная хозяйственная самостоятельность предприятий.

За расширение сферы товарно-денежных и хозрасчетных отношений выступал В. В. Куйбышев. Он отмечал, что «экономические предпосылки социализма как первой фазы коммунизма таковы, что по необходимости сохраняют свое значение и советская торговля, и рубль, и хозрасчет. Имяющие в условиях диктатуры пролетариата принципиально иное, чем при капитализме, назначение, все эти формы «...должны быть всемерно укреплены и развиты, являясь предпосылкой для обеспечения большевистских темпов подъема народного хозяйства»¹⁷. Вообще, в своих произведениях В. В. Куйбышев основное внимание уделял развитию стимулирующей функции хозрасчета. Система плановых показателей, сложившаяся к 1926 году, ориентировала предприятия главным образом на выполнение плана, а такой показатель, как себестоимость, оставался вне поля зрения. В. В. Куйбышев подчеркивал, что для снижения себестоимости необходимы главным образом финансовые меры воздействия. В речи 13 августа 1927 года он говорил: «...одних административных мер и мер убеждения здесь недостаточно. Когда будет финансовое воздействие, когда с вопросом себестоимости будет связано и государственное финансирование и кредитование, тогда хозяйственники неизбежно будут более энергично искать выход»¹⁸. В. В. Куйбышев выступал за расширение самостоятельности предприятий и совершенно справедливо подчеркивал: кто имеет права, тот имеет и определенную ответственность¹⁹. Он внес предложение дать предприятиям финансовые гарантии для научно-технического риска. К сожалению, в то время это его предложение не получило практического применения. Существенным звеном хозяйственного расчета В. В. Куйбышев считал фонды функционального назначения, и прежде всего фонд премирования, который будет использоваться, например, для активизации соцсоревнования, повышения производительности труда.

Это были важные теоретические выводы. Однако дальнейшего развития в теории и широкого практического применения они не получили ни в 30-е, ни в 40-е, ни в 50-е годы. Ограничение сферы товарно-денежных отношений, упрощенный подход к пониманию сущности социалистических производственных отношений, их особенностей привели к недооценке хозрасчетных отношений как составной части производственных отношений социализма. Хозяйственный расчет рассматривался главным образом как

учетная категория, как метод хозяйствования. Ни объединенный Пленум ЦК КПСС (декабрь 1930 года), ни кредитная реформа 1930 года, по существу, не смогли исправить этого положения. На практике и в теории эти ошибочные взгляды господствовали еще длительное время.

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 248—249.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 67.

³ Там же. Т. 44. С. 342—343.

⁴ Там же. Т. 44. С. 477.

⁵ Там же. Т. 38. С. 98.

⁶ Там же. Т. 44. С. 151.

⁷ Там же. Т. 44. С. 494.

⁸ Вознесенский Н. Хозрасчет и планирование на современном этапе // Большевик. 1931. № 9. С. 37.

⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 2. С. 410.

¹⁰ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917—1967 гг.) М., 1967. Т. 1. С. 355.

¹¹ Торжевский В. Основы структуры и хозрасчет в промышленности. М.; Л., 1930. С. 45.

¹² См.: Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 1.

¹³ См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917—1967 гг.). Т. 2.

¹⁴ Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения: В 2-х т. М., 1967. Т. 2. С. 369.

¹⁵ Дзержинский Ф. Э. Очередные задачи промышленной политики. М.; Л., 1925. С. 33.

¹⁶ Дзержинский Ф. Э. Основные вопросы хозяйственного строительства: Сборник статей. М.; Л., 1928. С. 109.

¹⁷ Куйбышев В. В. Избранные произведения. М., 1958. С. 377.

¹⁸ ЦНА ИМЛ. Ф. 79, оп. 1, ед. хр. 427, л. 35.

¹⁹ Куйбышев В. В. Избранные произведения. С. 102.

И. Я. ЛЕВЯШ

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Конкретно-исторические особенности общественной практики обуславливают преобладание интереса к той или иной стороне идейного содержания марксистско-ленинской философии. Такой доминирующий интерес обеспечивает возможность «найти в каждый особый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену»¹. В условиях перестройки роль такого звена играет **организация человеческого фактора** реконструкции и качественного обновления всех сторон общественной жизни.

К. Маркс подчеркивал кардинальное преобразование содержания понятия «человек труда» в условиях промышленного производства: «Вместе с происшедшей однажды революцией в производительных силах, которая выступает как революция технологическая, совершается также и революция в производственных отношениях»², и ее важнейший результат заключается в том, что «все более и более **социально-комбинированная способность к труду** становится **действительным** исполнителем совокупного процесса труда»³. «Уровень развития производительных сил нации обнаруживается всего нагляднее в том, в какой степени развито у нее разделение труда», которое выступает как «умноженная производительная сила»⁴.

Именно комбинированный, **совокупный работник** является социальным ядром современных производительных сил, и интенсивные процессы дальнейшего обобществления труда, производства и управления в условиях развертывания НТР отчетливо обнаруживают его системообразующую функцию по отношению ко всем остальным компонентам производительных сил.

Содержание, формы и методы его деятельности неуклонно обновляются благодаря синтезу всех профессионально-квалификационных видов

труда со всеобщим трудом — наукой, ее функционированию как непосредственной производительной силы. Специфика современного этапа связи науки с производством в том, что она превращается из фактора, независимого от субъекта труда, во **всеобщую и непосредственную** форму его деятельности как научно подготовленного и функционирующего работника и благодаря этому оказывает «сквозное», универсально-преобразующее воздействие на всю систему производительных сил.

Однако в современных условиях эффективная деятельность работника обеспечивается не только научной подготовкой и высоким квалификационным уровнем. Они формируются и могут реализоваться только на основе организационного комбинирования труда совокупного работника. Чем шире и глубже преобразования в этом особом звене производительных сил, тем более они обуславливаются качественными изменениями **организационных отношений**, по определению В. И. Ленина⁵, их созидательным потенциалом.

Конкретизируя в этом аспекте положения XXVII съезда КПСС о необходимости глубокого познания противоречий между производительными силами и производственными отношениями социализма, приходится констатировать, что наиболее «узким местом» здесь оказались именно организационные отношения производства, «недостаточно высокая его организация»⁶. Учитывая предкризисный характер ситуации, июньский (1987) Пленум ЦК КПСС подчеркнул, что перелом в этой решающей сфере может обеспечить только «создание целостной, эффективной, гибкой системы управления экономикой, ...надежное организационное обеспечение» этого процесса⁷.

В какой мере этой стратегии соответствует первый опыт развернутой в нашей стране экономической реформы? Его важнейшие **уроки** сводятся к следующему.

Во-первых, характер обусловленных реформой связей производства и потребления пока не позволяет разрешить главную проблему — все более полного удовлетворения общественных потребностей, поскольку не устранил «диктатуру производителей». Ориентируясь на валовые затратные показатели, они вынуждены исходить из ведомственных и региональных интересов и нередко используют эти показатели для оправдания «цехового эгоизма» (Ленин). Пока планирование оторвано от реальных общественных потребностей и взаимоотношения поставщиков и потребителей являются второстепенным фактором, закон экономии живого и прошлого труда парализован.

Во-вторых, реформа еще не привела к хозяйственной самостоятельности объединений, предприятий, их первичных звеньев. Это объясняется тем, что министерства и ведомства остались независимыми от хозрасчетных отношений, так и трудностями внедрения внутриводовского коллективного подряда. На VI пленуме ЦК Компартии Белоруссии отмечалось, что многие руководители негативно относятся к хозрасчету. Даже на предприятиях и в организациях, где ранее проводился эксперимент, на хозрасчет как на решающий рычаг не опирались. Не получил должного развития и внутриводовский хозрасчет, хотя ему придали впечатляющий «размах». По данным проведенной аттестации, удельный вес хозрасчетных бригад в республике составил 26 %, а в отчетах было названо 50 %⁸.

Становление и развитие бригад нового типа столкнулось с проблемами прежде всего организационного характера. Если на предприятии не налажен непрерывный технологический цикл, до бригад не доводятся задания по расходу ресурсов и они самостоятельно не решают проблемы учета и стимулирования труда, не приходится ждать ни напряженного ритма работы, ни высоких конечных результатов. Эффективность хозрасчетных отношений ограничена и потому, что в них вовлекаются только рабочие, а ИТР, специализированные службы остаются вне этих отношений. Такая структура деятельности превращает коллективный подряд в «возмущающий» фактор, затрудняет его «внедрение» в консервативный механизм управления.

В-третьих, фактически досистемное состояние организационных связей, исключаящее эффект целостности, обуславливает ограниченность мероприятий по технической реконструкции производства. Так, в промышленности Минска в 1985 году было внедрено 1250 роботов и манипуляторов, но отдача от них составляет сотые доли процента общей трудоемкости. На предприятиях города функционировало 1100 комплексно-механизированных и автоматизированных участков и цехов, но большинство из

них не отвечало своему назначению⁹. Аналогичное положение сложилось на многих предприятиях республики. К примеру, на Жлобинском металлургическом заводе, оснащенном новейшим оборудованием, потери от брака в 1986 году составили 3 млн рублей. Не обходится и без «потемкинских деревень»: рапортуют об успешном ходе выполнения планов технического перевооружения, а за этим скрывается замена одних видов технологии эволюционного типа другими.

В-четвертых, ход эксперимента во многом искажался такой практикой, когда требуют результатов до обновления самого механизма деятельности, ее стабильного и непрерывного преобразования. Корень такого явления — в бюрократических деформациях управления, в серьезных ограничениях демократических институтов. Неразвитость самоуправления трудовых коллективов, во многом формальный характер использования данных им Законом о предприятии (объединении) полномочий в управлении производством, решении вопросов кадровой политики являются питательной почвой недостаточной компетентности и ответственности части руководителей, их попыток волевыми методами компенсировать свою неспособность или нежелание овладевать методами работы, диктуемыми потребностями синтеза НТР с плановой экономикой.

Наряду с определенными положительными сдвигами в экономическом и социальном развитии в последнее время¹⁰ реформа пока не создала экономической заинтересованности участников производства в максимальном использовании резервов. Такой итог представляется парадоксальным: ведь реформа нацелена на оптимизацию именно экономической **формы** хозяйственного механизма. Но в ее стратегии, на наш взгляд, допущена недооценка главного — **диалектики организационного содержания и экономических форм** деятельности совокупного работника. Только **целостная** организационно-экономическая реформа способна разрешить это противоречие через развитие хозяйственного механизма в следующих направлениях.

Прежде всего необходимо согласовать основную цель социалистического производства со **способами** ее достижения на основе организационно-экономического механизма, органически соединяющего **интересы** совокупного работника (и как производителя, и как потребителя), нейтрализующего, с одной стороны, бюрократические деформации централизованного управления и планирования, с другой — «цеховой эгоизм» производственных подразделений. Такое рассогласование интересов может быть снято только путем перевода всех без исключения звеньев управленческого механизма, включая Госплан, Госкомцен, Госбанк, на полный хозрасчет. Прямая зависимость управленческих кадров от конечного результата руководимых ими отраслей принудит к обоснованному планированию и управлению, нацеленному на реальные общественные потребности. Аналогичной реконструкции требуют и внутривзаводские функциональные связи.

Противоборство консервативных и новаторских тенденций заметно и в решении вопроса о предоставлении предприятиям (объединениям) **реальной** самостоятельности в условиях полного хозрасчета и самофинансирования, которые являются «итогом поиска рациональных и эффективных форм организации социалистической экономики»¹¹, апробированных на таких передовых предприятиях, как ВАЗ, Белорусская железная дорога, Минский часовой завод, Минское ПО «Комсомолка», Сумское машиностроительное объединение имени Фрунзе, Калужский турбинный завод. Вместе с тем их опыт показывает, что эффективность деятельности трудовых коллективов может значительно вырасти, если не ограничиваться теми или иными **элементами** хозрасчета (например, правом на самостоятельное определение штатного расписания или самофинансированием технической реконструкции), а применять их системно. «Болевыми точками» остаются планирование, оптовая торговля и экономическое соревнование предприятий.

Трудовые коллективы будут стремиться к разработке и выполнению напряженных планов выпуска качественной продукции, если им гарантируют практическую возможность непрерывного обновления технологической базы производства и получения высокой прибыли. Предпосылки для этого могут дать только свободная торговля средствами производства и экономическое соревнование за реализацию продукции по ценам, соответствующим общественно необходимым затратам живого и прошлого труда. Лишь тогда все участники производства окажутся «лицом к лицу» с потребителем и конкурентами. Все эти факторы обуславливают формирование **реального** совокупного собственника — не только в экономико-право-

вом, но и в функциональном смысле. Обладая полной хозяйственной самостоятельностью, он несет и всю полноту ответственности за эффективность производства, вплоть до закрытия хронически нерентабельных предприятий.

Глубокая перестройка целевых ориентиров и механизма деятельности человека труда формирует его **интерес** к процессу материализации достижений науки, ее превращения во всеобщую производительную силу комбинированного труда.

Необходимо учесть уроки развития крупного машинного производства и использования науки как производительной силы с точки зрения конкретных масштабов, **меры** этого процесса, его реальной управляемости. «Сам по себе рост техники не может **увеличить** хозяйственное значение крупных предприятий... закон превосходства крупного производства вовсе не так абсолютен и так прост, как иногда думают»¹². Он абсолютен только для тех, кому проще и «представительнее» управлять однотипными производственными циклопами, у которых только один глаз — бюрократический.

Конкретная мера концентрации производства должна быть продиктована необходимостью производства какого-то конечного для данной отрасли продукта, возможностью оперативного управления, необходимостью минимизировать численность вводимых в него подразделений, не допускать лишних звеньев, которые неизбежно будут работать «на себя». От рационального решения этого вопроса зависят темпы ускорения.

Когда **рациональная** организационная структура производства сформирована, основной тенденцией его «настройки» на восприимчивость к НТР становится создание и развитие непосредственной, без промежуточных звеньев, связи «фундаментальные исследования — научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки — производство новой техники». Такой цепочке в принципе соответствуют научно-производственные объединения и их интеграция в программно-целевые территориально-производственные комплексы. Вместе с тем необходимо круто изменить соотношение расходов на их развитие. Если по мировым стандартам соотношение расходов в указанной цепочке составляет соответственно 1:6:100, то у нас пока 1:7:2¹³.

Однако никакие инвестиции не могут заменить оптимального использования расходов в условиях приоритетной организации **инновационной** деятельности. Ее настоятельность продиктована накопленным драматическим опытом отторжения науки от производства даже в таких условиях щедрого финансирования и наличия энтузиазма первопроходцев.

Системный подход к разрешению этой проблемы требует вычленения трех взаимосвязанных компонентов: новатор — организация — внешняя среда. В подсистему «новатор» должен непременно входить весь персонал и факторы, от которых непосредственно зависит исследование, разработка и освоение новейшей технологии. Катализатором его деятельности должна выступать организационно-экономическая подсистема стимулирования и мотивации, в которую включаются не только экономические и моральные факторы (поощрительная оплата новаторского труда, его высокая общественная оценка и т. п.), но и обогащение функций работников — совмещение профессий, повышение квалификации, продвижение по службе, делегирование полномочий «сверху вниз».

Однако очевидно, что оптимальная эффективность подсистемы «новатор» и ее стимулирование и мотивация в конечном счете зависят от состояния «внешней среды» — перестройки всего хозяйственного механизма. Если ранее, по Ленину, была потребность в организации, которая позволила «перевернуть Россию», то слом механизма торможения и создание организационно-экономического механизма ускорения становится «точкой опоры» качественного преобразования совокупного работника.

Представляется, что важнейшими методологическими предпосылками междисциплинарного философско-экономического исследования этого процесса должны стать: вычленение «особого», **ключевого** звена формирования и активизации человеческого фактора НТР — организационных отношений как **социальной** производительной силы по рационализации и последующей оптимизации взаимосвязей субъекта, средств и предмета труда; создание и совершенствование системы социально-экономических форм организационных отношений совокупного работника, **адекватной** процессу соединения НТР с плановой экономикой; развитие организационных отно-

шений в направлении **целостности** для реализации научно обоснованной системы реконструкции хозяйственного механизма на демократической основе.

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 205.
- ² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 47. С. 460—461.
- ³ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. II (VII). С. 129.
- ⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 33.
- ⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 171.
- ⁶ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 51.
- ⁷ Правда. 1987. 26 июля.
- ⁸ См.: Советская Белоруссия. 1987. 27 марта; 15 апр.
- ⁹ См.: Вечерний Минск. 1986. 4 янв.
- ¹⁰ Правда. 1988. 26 апр.
- ¹¹ Советская Белоруссия. 1987. 15 апр.
- ¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 196; Т. 4. С. 110.
- ¹³ См.: Вопросы философии. 1981. № 10. С. 7—8.

Ю. И. ЮШКО

ПОДРЫВ ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПРИ ИМПЕРИАЛИЗМЕ

Исследуя экономическое содержание империализма, В. И. Ленин пришел к выводу: «...развитие капитализма дошло до того, что, хотя товарное производство по-прежнему «царит» и считается основой всего хозяйства, но на деле оно уже подорвано, и главные прибыли достаются «гениям» финансовых проделок»¹. Это важное для понимания империализма положение редко привлекает внимание исследователей и пропагандистов политической экономии. Не получили целостного освещения вопросы обобществления как материальной основы, содержания, сущности и форм проявления подрыва товарного производства в условиях современного капитализма. Рассмотрим некоторые из них.

Товарное производство возникло вследствие общественного разделения труда, очевидно, и анализ процесса подрыва товарного производства как системы общественного производства следует начинать с закономерностей развития разделения труда. К. Маркс различал, как известно, разделение труда внутри общества, когда его отдельные звенья выступают в виде самостоятельных, обособленных сфер производства, и разделение труда внутри самого предприятия (мастерская, мануфактура, фабрика и т. д.). В условиях «товарного производства второй тип разделения труда не может иметь места без первого, хотя он может иметь место без того, чтобы продукты вообще производились как товары, без того, чтобы производство вообще происходило на основе обмена товаров»². Следовательно, товарное производство обусловлено первым типом общественного разделения труда, создающим как материальную независимость, так и всеобщую вещную зависимость производителей друг от друга. Второй тип разделения труда, возникнув на основе первого, ведет к развитию «железного закона пропорций», прямых отношений обмена деятельностью различных видов труда в процессе производства и может вообще обходиться без обмена товаров.

Развившийся в эпоху промышленного капитала второй тип разделения труда усилился еще более при империализме. В различных формах монополий собраны сотни предприятий и множество компаний-поставщиков, разнообразные службы (финансовая, рекламно-сбытовая, маркетинг и др.), а также научно-исследовательские учреждения. Все эти подразделения являются или звеньями разделения труда в производстве одного продукта, или технологически взаимосвязанных отраслей промышленности. Отношения между ними планируются (система менеджмента) и подчиняются интересам монополии, что обуславливает и требует планомерного регулирования внутрифирменного механизма. Растет внутрифирменный обмен продукцией между подразделениями монополий по единому плану.

Бурный рост транснациональных корпораций (ТНК) в послевоенный период показывает преимущественное развитие второго типа разделения труда уже в системе международных экономических связей монополистического капитала. Подразделения ТНК связаны между собой не только финансовыми и торговыми узами, но и отношениями прямой производст-

венной кооперации на основе технологического разделения труда между предприятиями, действующими в разных странах. По подсчетам экономистов, внутрифирменные поставки ТНК составляют ныне около $\frac{1}{3}$ объема мировой капиталистической торговли готовыми изделиями и 40 % — сырьем³. В этом уже содержится «подкоп» под товарную организацию производства.

Тенденция опережающего роста второго типа разделения труда по сравнению с первым, во взаимодействии с ним, непосредственно выражается в обобществлении производства, которое со второй половины XIX века происходило на основе отрицания индивидуальной частной собственности «в себе» и зарождения «коллективных форм» частной собственности. Капитал как частная собственность стал «осваивать» возникающие переходные формы производственных отношений.

Первой такой формой является банковско-кредитная система, сложившаяся в сфере денежного обращения и кредита на базе обособления ссудного капитала от промышленного. Эта социально-экономическая форма содействовала развитию переходных форм производственных отношений в сфере производства — акционерных обществ и кооперативных предприятий. Здесь «священной» частной собственности был нанесен весьма чувствительный удар. Она «...должна была пожертвовать частичкой своей святости: пришлось законом обязать акционерные предприятия вести правильную отчетность и публиковать главные итоги своей отчетности»⁴. Кооперативные фабрики К. Маркс называл «первой брешью в старой форме, зарождением нового способа производства»⁵. В таких организациях рабочие, крестьяне, ремесленники и другие социальные группы, объединяя свои силы и средства производства, получают опыт практической организации крупного производства.

Акционерную форму капитала используют для своего развития возникающие затем капиталистические монополии. Это не просто очередная, а качественно отличающаяся от предыдущих переходная форма. В монополиях углубляется отрицание частной собственности и породившего ее товарного обмена возникновением и развитием планомерной формы экономических связей. «Если мы от акционерных обществ, — указывал Ф. Энгельс, — переходим к трестам, которые подчиняют себе и монополизируют целые отрасли промышленности, то тут прекращается не только частное производство, но и отсутствие планомерности»⁶.

Развитие планомерной формы экономических отношений усиливается на основе господства финансового и государственно-монополистического капитала. Финансовый капитал посредством централизации всех капиталов и денежных доходов превращает тысячи раздробленных хозяйств в «единое общенациональное, а затем и всемирно-капиталистическое хозяйство»⁷. Это «единое хозяйство» требует развития по общему плану, что невозможно без государственного вмешательства в экономику. Возникает система государственно-монополистического регулирования экономики. Государственно-монополистический капитализм распространяет планомерную форму на финансовую, кредитную и денежную политику, развивает прогнозирование и программирование экономики.

Итак, процесс разложения капитала как частной собственности⁸ включает широкий спектр развивающихся переходных форм производственных отношений от банковско-кредитной системы, где частная индивидуальная собственность «в себе» упраздняется, до государственно-монополистической собственности.

Описанный процесс не только отрицает частную собственность как «общественную причину» товарного производства, но и порождает экономический механизм регулирования общественного производства — планомерность, идущий на смену стоимости. На этом основании можно утверждать, что содержанием подрыва товарного производства является процесс разложения капитала как частной собственности и возникновения переходных к новому способу производства форм производственных отношений, а его сущностью выступает смена стоимости планомерными отношениями. Превращению последних в полную народнохозяйственную планомерность препятствует сохраняющаяся частная собственность.

Возникает вопрос о соотношении стоимости и планомерности при империализме. Поскольку стоимостное отношение пронизывает всю систему капиталистического воспроизводства, рассмотрим развитие планомерности

применительно к хозяйственной деятельности концерна в сферах производства, распределения и обмена.

В условиях классического капитализма стоимость в процессе производства выступала в виде индивидуальных затрат капитала и только на рынке под давлением конкуренции сводилась к «средним затратам» труда и капитала. Войдет ли вся индивидуальная стоимость товара или только ее часть в общественную стоимость, зависело от рыночных сил. Монополистический капитал с его колоссальными возможностями сам «усредняет» индивидуальные затраты непосредственно в процессе производства. Издержки производства устанавливаются для всей массы аналогичных товаров концерна, независимо от того, на каких предприятиях они были произведены. Выравнивается и прибавочная стоимость, которая распределяется в форме прибыли по заводам и отделениям концерна как средняя величина по отношению к сумме денежных активов, полных издержек производства или стоимости основного капитала каждого подразделения.

Установленные таким образом индивидуальные затраты монополистического капитала с самого начала выступают как «средние» и в виде заданных нормативов поступают к каждому хозяйственному звену концерна. Доводятся также необходимые для выпуска продукции материально-технические ресурсы и оценочные показатели эффективности деятельности подразделений (выполнение договоров по поставкам, процентное соотношение фактических и плановых издержек производства и др.). Нельзя сказать, что предварительное формирование затрат производства свободно от рыночных отношений. Индексы рыночной конъюнктуры максимально учитываются в расчетах.

Отрицание товарно-денежных отношений в рамках монополистических объединений находит яркое выражение в широком распространении так называемых трансфертных цен. Правила их построения специфичны для каждой монополии, но в качестве основания используются или полные издержки производства, или рыночные цены, или договор двух сторон в зависимости от типа выпускаемой продукции. Трансфертная цена призвана служить внутренним заменителем механизма конкуренции и стимулировать снижение издержек производства. Имея денежную форму, но не выражая стоимости товаров, трансфертная цена является, по сути, «мнимой или иррациональной формой стоимости», формой подрыва товарного производства в условиях монополистического капитализма.

В сфере распределения подрыв стоимости заключается в переходе от свободной конкуренции к отношениям монополистического господства. Монополия не участвует в формировании рыночной стоимости отрасли наравне с другими предприятиями, а «навязывает» свои затраты как типичные, общественно-необходимые. Она является «лидером цен» по тем или другим видам продукции. Тем самым «планомерный процесс формирования стоимости», начатый внутри концерна, получает «законный» вид, общественное признание.

Монополия, кроме того, манипулирует величиной общественного спроса. Ограничивая предложение товаров, она вынуждает общество признать в качестве «нормальных» затраты, большие тех, что сложились у монополии. Разница между индивидуальными затратами монополистического капитала и монопольной ценой образует монопольную прибыль.

В межотраслевой конкуренции подрывается, но не уничтожается свободный перелив капитала. Борьба капиталистов идет в основном за общественный спрос, за «кошелек потребителя» посредством маркетинга, диверсификации производства, через выпуск субститутов и т. д. В силу этого и в условиях монополистического капитализма сохраняется тенденция к выравниванию отраслевых норм прибыли, к установлению своеобразной общественной цены производства — «монопольной цены производства».

Окончательное подтверждение подрыв стоимости и стоимостных форм находит в функционировании системы монопольных цен. В советской экономической литературе с давних пор ведется дискуссия о природе, структуре и механизме формирования монопольной цены. Получила распространение так называемая «перераспределенческая» концепция монопольной цены, согласно которой монопольная цена есть лишь количественное отклонение рыночной цены от стоимости, рыночной стоимости или цены производства и, во-вторых, монопольная прибыль не входит в монопольную цену, а «выводится» из нее. Из этих положений следует, что монопольная прибыль не создается в процессе производства, а возникает в результате распределения и перераспределения доходов⁹. Такой подход содер-

жит, на наш взгляд, две методологические неточности. Одна из них заключается в механическом, по аналогии, перенесении марксовой теории монополии (на землю, редкие блага) на капиталистическую монополию. Вторая — в изолированном, вне связи с анализом ленинского тезиса о подрыве товарного производства, исследовании монопольной прибыли и цены.

Монополия реализует свое господство прежде всего в производстве и создает дополнительные возможности для извлечения избыточной прибавочной стоимости. Это — высокая концентрация производства, применение новейшей техники и технологии, научной организации труда и производства. Монополия эксплуатирует также преимущества плановости от производства до потребления, что создает большую экономию издержек производства и обращения. Это, собственно, и есть монопольная сверхприбыль. Возрастанию ее способствуют, конечно, и перераспределенческие факторы.

Монопольная прибыль и цена — явные признаки подрыва действия закона стоимости, порождения «монополистической плановости». Монопольная цена — это уже не свободная, а регулируемая, но все же рыночная цена.

Итак, подрыв товарного производства — это двуединый процесс отрицания товарно-денежных отношений и создания условий для перехода к новой общественной организации — плановой. Затрагивая всю систему общественного производства, он идет широким фронтом. Принципиальные изменения происходят в отношениях общественного разделения труда, частной собственности и в их исторической форме — стоимости в связи с развитием в рамках капитализма переходных форм производственных отношений. Капиталистическая монополия стремится использовать процесс подрыва товарного производства для обуздания разрушительной силы конкуренции (а значит, и стоимости), прибегая к плановости, которая, однако, не может получить полного развития. Сочетание плановости и стоимости порождает острые противоречия, разрешение которых возможно только на основе ликвидации частнокапиталистической собственности.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 322.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 47. С. 297.

³ См.: Иванов И. Транснациональные корпорации в капиталистическом разделении труда // Мировая экономика и международные отношения. 1980. № 8. С. 28.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 185.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 483.

⁶ Там же. Т. 22. С. 234.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 329.

⁸ Подробнее об этом см.: Янченко С. Е. Переходные формы производственных отношений. Минск, 1974.

⁹ См.: Ленинская теория империализма и актуальные проблемы современной политической экономии. М., 1981.

Т. А. БЕЛОВА

ПОДГОТОВКА К СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ ДЕЛ О ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО СТРАХОВАТЕЛЕМ

Право граждан на охрану здоровья (ст. 42 Конституции СССР) гарантируется целым рядом мер, направленных, в частности, на улучшение условий и охрану труда, осуществление санитарно-оздоровительных мероприятий. Однако, несмотря на постоянное снижение уровня производственного травматизма и профессиональных заболеваний, вопросы охраны прав и законных интересов граждан, вред здоровью которых причинен при исполнении трудовых обязанностей, остаются по-прежнему актуальными. Большую роль в защите прав и законных интересов граждан играют суды, к компетенции которых отнесено рассмотрение дел о возмещении ущерба, причиненного повреждением здоровья или смертью кормильца, если заинтересованные лица не согласны с решением профсоюзного комитета по этому вопросу.

Правильное и своевременное рассмотрение этих дел возможно только тогда, когда судья надлежащим образом проводит их подготовку к судебному разбирательству. Общеизвестно, что по своей сущности и методам этот этап движения гражданского дела в суде следует рассматривать как обязательную составную часть гражданского процесса, которая обеспечивает своевременное и правильное разрешение дела (ч. I ст. 135 ГПК БССР). Конкретные задачи, которые должны быть решены судьей на этом этапе, сформулированы только ГПК Эстонской ССР (ст. 151)¹, но оказались настолько практически значимыми, что с небольшими уточнениями восприняты судебной практикой и других союзных республик.

Эти задачи определяют главные направления подготовки дела: а) уточнение фактов основания иска и возражений против него, а также иных фактов, имеющих значение для правильного разрешения дела; б) предварительная юридическая квалификация отношений сторон и уточнение нормы права, подлежащей применению; в) установление круга лиц, участвующих в деле, и своевременное их извещение о находящемся в производстве суда деле с целью вступления или привлечения в процесс; г) уточнение круга относимых и допустимых доказательств по делу, их источников и обеспечение их своевременного представления в судебное разбирательство.

На необходимость строжайшего соблюдения требования закона о проведении подготовки к слушанию дел разных категорий обратил внимание пленум Верховного суда СССР в постановлении № 10 от 1 декабря 1983 года «О применении процессуального законодательства при рассмотрении гражданских дел в суде первой инстанции»². Необходимость тщательной подготовки отмечается и в постановлениях пленума Верховного суда СССР по конкретным категориям дел.

Особое значение, на наш взгляд, имеет подготовка к судебному разбирательству по тем категориям дел, для рассмотрения которых установлены сокращенные сроки (о взыскании алиментов, по требованиям, выте-

кающим из трудовых правоотношений; о возмещении вреда здоровью или в связи со смертью кормильца). Ст. 77 ГПК БССР установлено, что данные дела должны рассматриваться судом не позднее десяти дней, если стороны находятся в одном городе или районе, а в других случаях — не позднее двадцати дней со дня принятия заявления. Сокращенные сроки рассмотрения объясняются тем, что нарушенное или оспариваемое право по этим категориям дел нуждается в возможно более скорой защите, но, безусловно, не за счет качества рассмотрения дела. Продуманная подготовка, самоконтроль путем сопоставления совершенных процессуальных действий и разрешаемых задач позволяют достигнуть поставленной цели — правильно разрешить дело уже в первом судебном заседании. В противном случае нарушаются установленные законом сроки рассмотрения дел и, что более важно, ущемляются права граждан, обратившихся в суд за защитой, страдают интересы государства, вынужденного затрачивать на повторные судебные заседания дополнительные материальные средства; подрывается авторитет органов правосудия.

Однако изучение судебной практики рассмотрения дел о возмещении вреда, причиненного страхователем, показывает, что судьи, как правило, не осуществляют подготовку дела или проводят ее формально. Так, из шестидесяти дел, рассмотренных судами республики в первом квартале 1985 года, только по двенадцати проведены подготовительные действия, а во всех остальных случаях дело было назначено к судебному разбирательству без подготовки, одновременно с его возбуждением. Более чем по трети дел нарушались сроки рассмотрения из-за того, что в судебном заседании выяснялась необходимость получить дополнительные материалы. Примером такого рода может служить рассмотрение народным судом Быховского района иска П. к торфобрикетному заводу «Днепровский». Дело было возбуждено 17 января 1985 года и в тот же день назначено к судебному разбирательству на 8 февраля. В судебном заседании выяснилось, что суд не располагает документом, подтверждающим среднемесячный заработок потерпевшего, в связи с чем дело было отложено. Решение по нему было вынесено только 12 марта 1985 года³.

Решения по делам, рассмотренным в установленный срок, иногда принимаются по недостаточно исследованным материалам из-за отсутствия подготовки или ненадлежащего ее проведения. Так, по иску И. к совхозу «Буцевичи» в определении о подготовке указано: 1) поднять прошедшее дело за 1984 год; 2) назначить ВТЭК для определения процента утраты общей и профессиональной трудоспособности. И в то же время в деле нет справок о размере пенсии, заработка⁴.

В некоторых случаях судьи в погоне за рассмотрением дел в установленные сроки идут на заведомое нарушение закона. Процессуальные действия по сбору доказательств и другие подготовительные действия они совершают до возбуждения дела. Например, в деле по заявлению П. имеются отношения в адрес технического инспектора обкома профсоюза от 10 июля и 19 ноября 1984 года, а определение о возбуждении производства по нему и назначении к судебному разбирательству датировано 3 января 1985 года. Этой же датой определяется и начало рассмотрения в соответствующей графе учета⁵.

Не снимая с судей ответственности за несоблюдение требования закона о надлежащей подготовке к судебному разбирательству, отметим, что, на наш взгляд, в тех случаях, когда на рассмотрение дела в суде (включая подготовку и судебное разбирательство) установлены сокращенные сроки, выполнить это требование затруднительно, а иногда и невозможно. Отведенного законом времени недостаточно для того, чтобы судья провел подготовительные действия, и только затем, признав дело достаточно подготовленным (ст. 137 ГПК БССР), вынес определение о назначении его к слушанию, причем с таким расчетом, чтобы лица, участвующие в процессе, имели достаточный срок для подготовки к нему и своевременной явки в суд (ст. 78 ГПК БССР). Таким образом, сокращенные сроки и качество рассмотрения дел нередко вступают в противоречие. Устранению этого противоречия, а следовательно, улучшению деятельности судей на стадии подготовки к судебному разбирательству должна способствовать, на наш взгляд, такая мера, как установление специального срока на подготовку дела. Такой срок установлен ГПК УССР (ст. 146) и РСФСР (ст. 99). Важно отметить, что время, затраченное на подготовку, не включается в срок рассмотрения дела. Последний исчисляется, в соответствии с законом, со дня окончания подготовки дела к судебному разбирательству.

Установление такого срока создаст реальную возможность проведения судьями всесторонней подготовительной работы по находящимся в производстве делам, будет способствовать вынесению судами законных и обоснованных решений, полной и своевременной защите прав и охраняемых законом интересов граждан и организаций.

Подготовка любого гражданского дела к судебному разбирательству имеет свою специфику в зависимости от вида судебного разбирательства, категории дела, особенностей конкретного дела.

При определении юридической квалификации отношений сторон и нормы права, которой следует руководствоваться, разрешая дела о возмещении вреда, причиненного страхователем, весьма важно отграничивать их от случаев причинения вреда организацией, с которой потерпевший не состоит в трудовых отношениях, в том числе владельцем источника повышенной опасности. Страхователь несет ответственность перед работником или лицами, имеющими право на возмещение в случае смерти потерпевшего, по ст. 457 ГК БССР; если вред причинен источником повышенной опасности, ответственность страхователя наступает при наличии вины.

Установление нормы права, которой следует руководствоваться, позволяет правильно определить предмет доказывания; круг лиц, участвующих в деле; необходимые доказательства.

В предмет доказывания по делу о возмещении вреда страхователем входят следующие юридические факты: наличие вреда; факты, свидетельствующие о противоправности поведения причинителя вреда; наличие причинной связи между действиями причинителя и наступившим вредом; вина причинителя; факт наличия или отсутствия грубой неосторожности потерпевшего и специальное условие — факт причинения вреда в связи с исполнением работником трудовых обязанностей.

Перечень доказательств, которые в зависимости от характера предъявленного иска должны быть истребованы судьей или представлены истцом, достаточно полно и четко определен в п. 5 постановления пленума Верховного суда СССР от 5 сентября 1986 года № 13 «О судебной практике по делам о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья». К ним относятся: акт о несчастном случае на производстве, медицинское заключение о профессиональном заболевании; заключение технического инспектора по труду либо других должностных лиц (органов), осуществляющих контроль и надзор за состоянием охраны труда и соблюдением трудового законодательства, о причинах повреждения здоровья; справка о размере среднего месячного заработка потерпевшего; справка о назначенной и фактически получаемой пенсии либо о размере пенсии, которая могла бы быть назначена по инвалидности, установленной в связи с данным несчастным случаем; заключение ВТЭК; справки об иждивенцах умершего и назначенной им пенсии в связи со смертью кормильца, а также другие необходимые документы⁶.

Определение состава лиц, участвующих в деле, по спорам о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья, не представляет большой сложности, если в суд с требованием обращается потерпевший. Он выступает в качестве истца, а предприятие занимает в процессе положение ответчика. Судебная практика также определяет положение сторон и в том случае, если в суд обращается администрация предприятия, несогласная с решением профсоюзного комитета. По делам о возмещении вреда, причиненного смертью кормильца, в круг лиц, участвующих в деле, могут входить нетрудоспособные, состоявшие на иждивении умершего или имевшие ко дню смерти право на получение от него содержания; ребенок умершего, родившийся после его смерти, а также один из родителей, супруг или другой член семьи, если он не работает и занят уходом за детьми, братьями, сестрами или внуками умершего, не достигшими возраста восьми лет.

¹ См.: Лесницкая Л. Ф. Пучинский В. К. Особенности ГПК союзных республик. М., 1970. С. 89.

² См.: Бюллетень Верховного суда СССР. 1983. № 6. С. 17.

³ См.: Архив народного суда Быховского района Могилевской области за 1985 год. Д. № 2-91.

⁴ См.: Архив народного суда Минского района за 1985 год. Д. № 2-485.

⁵ См.: Архив народного суда г. Новополоцка за 1985 год. Д. № 2-117.

⁶ См.: Бюллетень Верховного суда СССР. 1986. № 6. С. 13.

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Необходимость и пределы психологического исследования правового регулирования определяются соответствием познавательных возможностей такого исследования назревшим теоретическим и практическим проблемам. Важнейшей среди них является проблема социальной эффективности права. Она становится центральной в советской юридической науке. Вместе с тем это важнейшая практическая проблема, интерес к которой вызван необходимостью повышения реальных возможностей права как действенного средства, способствующего возрастанию роли человеческого фактора в обеспечении резкой интенсификации, ускорения темпов экономического и социального развития общества. Социальный эффект действия права недостижим без учета и использования закономерностей психической деятельности непосредственных адресатов правовых предписаний. Определение психологических условий социальной эффективности права предполагает рассмотрение в рамках процесса правового регулирования целого ряда психологических проблем: анализа содержания, структуры и формы выражения правовых предписаний с точки зрения отражения в них социально-психологических закономерностей, регулируемых общественных отношений или для изучения потенциальных возможностей влияния этих предписаний на регулятивную сферу психической деятельности участников таких отношений; психологической характеристики правового поведения (правомерного и противоправного); социально-психологических аспектов правосознания и правовых отношений; психологии правоприменительной деятельности и других.

Правовое регулирование нередко связывают только с внешним поведением (действиями, бездействием) участников общественных отношений, причем в этом находят специфику нормативного юридического воздействия, его отличие от идеологического (воспитательного) воздействия права¹. При решении этого вопроса следует исходить из известного положения марксистской социологии о том, что у человека все внешние побудительные силы, вызывающие его действия, неизбежно должны предварительно пройти через его психику, приобретая форму внутренних побуждений². Внешние причины действуют в таком случае, преломляясь через внутренние (психические) условия, которые формируются в зависимости от внешних воздействий³. Поэтому вне или помимо психической деятельности непосредственных адресатов правовых предписаний никакое правовое воздействие невозможно. Оно должно ориентироваться не на внешние поведенческие акты, а на психическую структуру личности, ее свойства, внутренние регулятивные механизмы, предопределяющие ее поведение.

Определенную традицию имеет мнение о неадекватности психологического подхода к исследованию правового регулирования. При этом психологический механизм правового воздействия сводится к аффективно-моторному аппарату психики, подчеркивается социальная нейтральность психических процессов и состояний⁴. В таком случае автоматически снимается вопрос о психологической специфике, о наличии своеобразного психологического механизма правового воздействия. В психологической науке также существует мнение, согласно которому динамика психических процессов, происходящих по законам, определяемым социальными связями и отношениями (общением, отношением человека к бытию), не является предметом собственно психологии⁵. Нетрудно заметить, что если динамика протекания психических процессов отрывается от их реального социального содержания, то и психологический механизм правового регулирования можно свести к самым общим закономерностям функционирования человеческой психики при осуществлении целенаправленного поведения (деятельности). С таких позиций на психологическом уровне правомерная деятельность не будет отличаться от противоправной, общение в совместной трудовой деятельности от общения соучастников преступления. Поэтому психологическое исследование правового регулирования не может абстрагироваться от содержательных моментов психической деятельности, отражающих характер социально-правовых связей, которые возникают и существуют между людьми в сфере правовой деятельности. Осознание правомерности или противоправности своих действий, уверенность в своих правах и притязаниях, признание за собой юридических

обязанностей, предвидение отрицательных последствий и переживание вины при невыполнении этих обязанностей могут быть поняты на психологическом уровне только с учетом их социально-правового содержания.

При психологическом исследовании правового регулирования выявляется несоответствие подходов юридической и психологической наук к моделированию правовой действительности. Первая формулирует большинство своих понятий на основе нормативных логико-юридических моделей, отражающих правовую действительность с позиций «должного». Психологию же обычно интересует «сущее», т. е. реальное, эмпирически фиксируемое положение вещей, не то, например, как должен думать и чем руководствоваться человек, принимающий правовое решение, а то, как он при этом думает и из чего исходит на самом деле. Это несоответствие может преодолеваться формированием юридических моделей в максимальном приближении к правовой действительности.

Центральное место среди проблем правового регулирования занимает исследование его психологического механизма. В этом понятии отражается в первую очередь наличие особых психологических закономерностей, которые отличают правовое регулирование от других видов нормативной регуляции человеческого поведения. Существование такого механизма теоретически может быть обосновано в рамках учения о формировании высших психических функций, разработанного Л. С. Выготским. Эти функции представляют собой интериоризированные социальные связи и отношения (формы взаимодействия и сотрудничества между людьми), которые приобретают характер функциональных психических механизмов, обеспечивающих индивидуальное приспособление к социальной действительности через саморегуляцию личности своего поведения⁶.

Психологический механизм правового регулирования выражает специфику перевода правовой детерминации на уровень индивидуального поведения и деятельности, межличностного и группового взаимодействия в системе общественных отношений, урегулированных правом. С его помощью реализуются регулятивные свойства права (социальная оправданность, справедливость, общеобязательность, институциональность, принудительность, властность и другие), осуществляется их перевод в готовность личности к ориентированному на правовые предписания поведению (взаимодействию). Правовое воздействие опосредуется при этом внутренними субъективными механизмами персонификации правовых предписаний. Персонификация представляет собой сложный и противоречивый процесс взаимодействия информационного содержания социализирующих и регулирующих поведение личности факторов с различными типами сознательно-психологических и идеологических процессов, свойств и отношений, образующих целостный личностный модус человека (потребности, интересы, мировоззрение, убеждения, оценочные критерии, стремления, качества, индивидуальный опыт)⁷. В психологическом механизме правового регулирования проявляется взаимодействие следующих факторов: содержания и значения правовых предписаний в соответствии с реальными ценностями (экономическими, политическими, идеологическими, нравственными, социокультурными и т. д.) общества и отдельных социальных групп; правовой формы выражения этого содержания с ее специфическими регулятивными свойствами (нормативностью, институциональностью, принудительностью, властностью и другими); социально-правовой подкультуры, в контексте которой находятся социально-психологические предпосылки правоприменительной деятельности, правовой социализации, а также правосознания (общественного и группового) как результата психического отражения действительности; социально-правовых связей (в том числе их социально-психологических аспектов) в конкретных правовых отношениях; личностных особенностей непосредственных адресов правовых предписаний.

Основное содержание психологического механизма правового регулирования — это функциональные элементы психической деятельности, обеспечивающие регуляцию и контроль поведения (взаимодействия), ориентированного на правовые предписания, а также закономерные структурные и динамические связи между ними. Для выявления основных функциональных элементов механизма правового регулирования недостаточно обычного теоретического подхода, в соответствии с которым он сводится к известным психологическим понятиям (потребность, мотив, цель, интерес, установка и т. д.), отражающим механизмы саморегуляции любой осознанной и целенаправленной человеческой деятельности. В сфере пра-

вового регулирования речь должна идти не только об индивидуальной деятельности, но и взаимодействии, общении между людьми, обусловленными в значительной мере их социально-правовыми связями и зависимостями. Поэтому и на психологическом уровне необходимо искать функциональные элементы, отражающие ответственную социально-правовую зависимость между людьми и основанные на ней взаимодействие, общение. Причем здесь ответственность должна рассматриваться уже как высшая психическая функция, в которой в интериоризированном виде выражается внешняя реальная ответственная зависимость, возникающая между людьми при их взаимодействии, общении в сфере правового регулирования. В соответствии с приведенными теоретическими соображениями и данными экспериментально-психологических исследований можно выделить в психологическом механизме правового регулирования следующие функциональные элементы: а) ориентацию на правовые предписания в юридически значимых ситуациях (понимание правового характера возникающего отношения и своих действий, предрешение о правомерном или противоправном способе реагирования); б) формирование готовности к юридически значимому поведению (взаимодействию) с учетом правовых предписаний; в) построение программ собственных действий и прогнозирование поведения других участников правового отношения на основе нормативно-правовых моделей, содержащихся в этих предписаниях; г) формальную ориентацию поведения на правовые предписания, поиск возможностей для их «обхода», использования для достижения своих эгоистических интересов, включая злоупотребление субъективным правом, «правовую» аргументацию неправомερных действий и т. д.

Интегрирующую роль в функционировании психологического механизма правового регулирования играет субъективная социально-правовая ответственность личности, определяющая предрасположенность сознательно и добровольно соотносить свое поведение с правовыми предписаниями.

¹ См.: Эффективность правовых форм. М., 1980. С. 43; Фаткуллин Ф. Н. Проблемы общей теории социалистической правовой надстройки. М., 1980. Т. 1. С. 60—61.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 308

³ См.: Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957. С. 10.

⁴ См.: Яковлев А. М. Теория криминологии и социальная практика. М., 1985. С. 115.

⁵ См.: Шерозия А. Е. Психика. Сознание. Бессознательное. Тбилиси, 1979. С. 17.

⁶ См.: Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. М., 1960. С. 450.

⁷ См.: Момов В. Норма и мотив поведения // Вопросы философии. 1972. № 8. С. 110.

В. Г. ТИХИНЯ, О. Ф. БРИТО

СУД И ПРАВОСУДИЕ В РЕСПУБЛИКЕ КУБА

В государственном аппарате республики Куба важное место занимают судебные органы, призванные защищать от любых посягательств завоевания революции, новые устои общества и государства. «Всякая революция, — учил В. И. Ленин, — лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться...»¹.

В Конституции Республики, принятой после референдума в феврале 1976 года, определено, что суды должны: а) поддерживать и укреплять социалистическую законность; б) охранять экономический, социальный и политический строй; в) охранять социалистическую собственность, личную собственность граждан и другие, признаваемые основным законом, формы собственности; г) защищать права и законные интересы государственных учреждений, хозяйственных и массовых общественных организаций; д) охранять жизнь, свободу, достоинство, честь, имущество, семейные отношения и другие права и законные интересы граждан; е) предупреждать правонарушения и антиобщественное поведение, наказывать и перевоспитывать тех, кто допускает такие нарушения, восстанавливать действие правовых норм, когда имеются заявления об их нарушении; ж) повышать общественное правосознание в целях строгого соблюдения законов.

Суды Кубы, их система и методы работы имеют социалистический характер. В докладе I съезду Коммунистической партии Кубы Фидель Кастро отметил: «Как и в других сферах государственной деятельности мы

добились значительных успехов в деле создания и совершенствования системы судебных органов и прокуратуры на основе принципов марксизма-ленинизма, которыми руководствуется наше общество»².

В Конституции Кубы и Законе об организации судебной системы от 10 августа 1977 года закреплены следующие демократические принципы построения и деятельности судебных органов: выборность судов; независимость судей и подчинение их только закону; равенство всех граждан перед законом и судом; коллегиальное рассмотрение дел в судах; участие представителей общественности в судопроизводстве; открытое разбирательство дел в судах; обеспечение обвиняемому права на защиту и др.³.

Судебная система Кубы организована и действует на принципе выборности судей. В соответствии с этим принципом никто не имеет права быть судьей, не будучи избранным в установленном законом порядке. Все судьи сверху донизу избираются соответствующими ассамблеями народной власти: судьи Народного Верховного суда избираются национальной ассамблеей, судьи провинциальных и муниципальных судов — соответственно провинциальными и муниципальными ассамблеями.

Осуществление правосудия выборными судьями повышает их ответственность за судебную деятельность, положительно сказывается на качестве рассмотрения судами дел.

Закон от 10 августа предъявляет к судьям высокие требования. Согласно ст. 66 этого закона, чтобы быть профессиональным судьей, необходимо: быть пригодным к осуществлению адвокатской деятельности при наличии диплома, выданного или подтвержденного университетом или официальным учреждением, имеющим на это право; быть кубинским гражданином по рождению или по натурализации; активно участвовать в революционной деятельности; обладать высокими моральными качествами и пользоваться достойной репутацией. Судьи должны дорожить доверием народа, они должны иметь не только формальное, но и моральное право учить и судить других.

В целях обеспечения этих требований Законом от 10 августа установлены условия и порядок отчетности и досрочного отзыва судей. Ежегодно каждый суд, к какой бы категории он ни относился, отчитывается о проделанной работе, посылая доклад в соответствующую ассамблею народной власти. Мандат судьи, не оправдавшего доверия народа, может быть отозван в любое время по решению ассамблеи народной власти, которая его избрала.

Основополагающий принцип социалистического правосудия — независимость судей и подчинение их только закону — нашел закрепление в ст. 125 Конституции Кубы. В соответствии с данным конституционным принципом ни государственные органы, ни общественные организации, ни должностные лица не имеют права давать указания судьям, как следует им разрешать то или иное конкретное дело.

Судьи самостоятельны в решении всех вопросов, возникающих в процессе разбирательства дела. Они должны оценивать собранные по делу доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении в судебном заседании всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием.

Разумеется, принцип независимости судей не означает, что работа судов на Кубе находится вне контроля и руководства со стороны партийных органов. Суд — государственный орган. Поэтому он обязан защищать интересы государства, проводить в жизнь политику Коммунистической партии Кубы и правительства. Независимость судей гарантируется их выборностью, а также особым порядком привлечения судей к уголовной и дисциплинарной ответственности.

«Правосудие, — записано в п. 4 ст. 13 Закона от 10 августа, — оправдывается на основе равенства всех граждан перед законом и судом». Суть этого принципа состоит в том, что на Кубе все граждане равны перед законом и судом независимо от социального, имущественного и служебного положения, национальной и расовой принадлежности, вероисповедования. Члены партии не имеют никаких привилегий перед остальными гражданами. На Кубе нет специальных судов с особыми правилами судопроизводства для остальных групп населения. Равенство граждан перед законом и судом обеспечивается рядом гарантий, содержащихся в действующем процессуальном законодательстве.

Принцип коллегиального рассмoрения дел состоит в том, что дела по первой инстанции во всех судебных органах Кубы рассматриваются с участием заседателей, которые пользуются такими же правами и несут такие же обязанности, как и профессиональные судьи. Заседатели всех судов избираются соответствующими ассамблеями народной власти из числа рабочих, крестьян, служащих, членов партии и беспартийных, мужчин и женщин. В соответствии со ст. 68 Закона от 10 августа для осуществления функций заседателя любого суда необходимо: добросовестно относиться к работе и общественным поручениям; активно участвовать в революционной деятельности; обладать высокими моральными качествами и пользоваться достойной репутацией.

Участие представителей общественности в судопроизводстве — одна из основных форм привлечения трудящихся к управлению государством. В соответствии со ст. 51 Закона от 10 августа на судебное заседание могут быть приглашены руководители профсоюзов, общественные или политические деятели и организации. Демократический принцип участия представителей общественности в судопроизводстве повышает воспитательное воздействие судебных процессов, помогает суду более тщательно и полно исследовать обстоятельства дела, способствует предупреждению правонарушений. Народный Верховный суд республики в своих определениях неоднократно обращал внимание судов на необходимость участия в процессе представителей общественности по делам, рассмотрение и разрешение которых представляет общественный интерес.

В п. 7 ст. 13 Закона от 10 августа записано: «Рассмотрение дел в судах носит открытый характер». Этот принцип предполагает возможность освещения хода и результатов открытого судебного процесса в печати, по радио и телевидению. Закрытое судебное разбирательство допускается только в исключительных случаях, прямо предусмотренных законом.

Гласность судопроизводства — одно из проявлений демократизма социалистического правосудия. Придавая важное значение этому принципу, В. И. Ленин указывал, что «надо не бояться суда (суд у нас пролетарский) и гласности, а тащить волокиту на суд гласности: только так мы эту болезнь всерьез вылечим»⁴. Рассмотрение дел в открытом судебном заседании ставит под контроль общественности деятельность суда, заставляет судей ответственно относиться к выполнению профессионального долга, что в конечном итоге способствует правильному рассмотрению и разрешению судебных дел. Кроме того, гласность судопроизводства оказывает огромное воспитательное воздействие на всех граждан, присутствующих в зале судебного заседания.

«Каждый обвиняемый, — отмечается в п. 6 ст. 13 Закона от 10 августа, — обладает правом на защиту». Данное право позволяет обвиняемому активно участвовать в исследовании обстоятельств дела, возражать против выдвинутого в отношении его обвинения, осуществлять свои законные интересы в процессе. Согласно уголовно-процессуальному законодательству Кубы, обвиняемый имеет право знать, в чем он обвиняется, давать показания, знакомиться с протоколом допроса, редактировать свои показания, делать любые заявления в свою защиту и давать объяснения, пользоваться услугами переводчика, иметь защитника.

В соответствии со ст. 3 УПК Кубы обвиняемый считается невиновным до тех пор, пока в отношении его не вынесен обвинительный приговор. Отступление от требований принципа обеспечения обвиняемому права на защиту признается нарушением закона, влекущим отмену принятого по делу решения.

В действующем законодательстве Кубы сформулированы и проводятся в жизнь и другие принципы организации деятельности судебных органов: объективной истины, состязательности, устности, непосредственности, непрерывности судопроизводства и т. д. Рассмотренные принципы свидетельствуют о демократическом характере суда и правосудия республики. Они объединены общими целями и задачами, направлены на охрану социалистического правопорядка, интересов кубинского государства, прав и свобод личности.

В соответствии с Законом от 10 августа, на Кубе действует следующая судебная система: Народный Верховный суд, народные провинциальные суды, народные муниципальные суды, военные суды. Народный Верховный суд, согласно ст. 124 Конституции Кубы, осуществляет высшую судебную власть, его решения являются окончательными. Он состоит из председателя, заместителя, председателей палат и других профессиональ-

ных судей и заседателей. Высший судебный орган Кубы действует в составе: пленума, управляющего совета, палат по уголовным, гражданским и административным, трудовым делам, палаты по делам о преступлениях против безопасности государства, палаты по военным делам.

В структуре Народного Верховного суда основная роль отводится пленуму, обладающему обширными полномочиями. Пленум состоит из председателя, его заместителя и всех других судей, находящихся при исполнении своих обязанностей. В заседаниях пленума принимает участие Генеральный Прокурор республики с правом решающего голоса и Министр юстиции с правом совещательного голоса. Пленум осуществляет проверку судебной деятельности палат Народного Верховного суда, а также народных провинциальных и муниципальных судов. В качестве суда первой инстанции пленум Народного Верховного суда выносит приговоры за преступления, в совершении которых обвиняются высшие руководители партии и государства.

При отправлении правосудия палаты Народного Верховного суда заседают в составе председателя или его заместителя, двух профессиональных судей и двух заседателей. Народный Верховный суд наделен правом законодательной инициативы. Для установления единообразной судебной практики при толковании и применении законов он издает обязательные для выполнения всеми народными судами инструкции. Эти инструкции в случае правовых споров превращаются в норму, «эквивалентную по своему рангу правовой норме, которая должна устранить и исправить противоречия, неясности или неполноту в действующем праве»⁵.

Народные провинциальные суды, образованные в 14 провинциях Кубы, действуют в составе: пленума, палат по уголовным, гражданским и административным, трудовым делам, палаты по делам о преступлениях против безопасности государства и соответствующих секций палат. При отправлении правосудия палаты или секции палат народных провинциальных судов заседают в составе председателя или его заместителя, двух профессиональных судей и двух заседателей.

Пленумы народных провинциальных судов осуществляют дисциплинарную власть над судьями своего суда и подчиненных им народных муниципальных судов, рассматривают и разрешают возникающие в суде наиболее сложные вопросы, консультируют Народный Верховный суд.

Народные муниципальные суды осуществляют свою юрисдикцию на территории соответствующей муниципии. Они рассматривают по первой инстанции уголовные, гражданские, административные и трудовые дела, которые отнесены законом к их компетенции, в составе одного профессионального судьи и двух заседателей.

Приговоры и решения всех судов Кубы подлежат неуклонному исполнению государственными учреждениями, хозяйственными и общественными организациями и гражданами.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 37. С. 122—123.

² I съезд Коммунистической партии Кубы. М., 1980. С. 151.

³ В дальнейшем для краткости именуется — Закон от 10 августа.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 87.

⁵ Табио Ф. А. Комментарий к социалистической Конституции Республики Куба. М., 1986. С. 289—290.

ВСЕСОЮЗНЫЙ ФОРУМ СЛАВИСТОВ

27—29 января 1988 года в Белорусском государственном университете имени В. И. Ленина состоялась XI Всесоюзная научная конференция историков-славистов «Великий Октябрь и зарубежные славянские страны». В конференции приняли участие 276 историков-славистов 12 научно-исследовательских институтов академий наук СССР, УССР, БССР и Молдавской ССР, 61 высшего учебного заведения страны, а также болгарские аспиранты, которые обучаются в БГУ. Творческое обсуждение важнейших проблем исторического славяноведения позволило критически оценить достигнутое, наметить актуальные направления дальнейших исследований, пути совершенствования преподавания истории южных и западных славян в свете перестройки высшей школы.

На пленарном заседании заслушано 5 докладов. Доклады научных сотрудников Института славяноведения и балканистики АН СССР Р. П. Гришиной, И. И. Костюшко, М. М. Сумарокова были посвящены воздействию Великой Октябрьской социалистической революции на историческое развитие зарубежных славянских народов.

В докладе директора Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР члена-корреспондента АН БССР С. В. Марцелева «Великий Октябрь и развитие культуры в славянских странах» значительное место было уделено вопросам формирования и развития белорусской советской социалистической культуры, углубления культурных связей и духовного взаимообогащения братских славянских народов. Доклады директора Института славяноведения и балканистики АН СССР В. К. Волкова и председателя славянской комиссии секции истории Научно-технического совета Минвуза СССР профессора МГУ В. Г. Карасева были посвящены основным задачам историко-славистических исследований на современном этапе, повышению профессионализма, необходимости всемерно поддерживать и развивать существующие историко-славистические центры. Другой круг затронутых в докладах проблем касался совершенствования учебного процесса в вузах, подготовки новых учебников и учебных пособий.

Профессор Д. Б. Мельцер посвятил свой доклад развитию исторической славистики в Белорусском государственном университете. Докладчик охарактеризовал деятельность историков-славистов—первого ректора БГУ академика В. И. Пичеты, академиков Е. Ф. Карского и А. Н. Ясинского, обстоятельно осветил диапазон и масштабы славистических исследований в университете в послевоенные годы.

На заседании пяти секций и трех подсекций конференции было заслушано 15 докладов и 236 сообщений. В первой секции «Великий Октябрь и зарубежные славянские народы в межвоенный период» привлек внимание доклад академика АН БССР И. М. Игнатенко, в котором приведены новые и убедительные факты об особенностях становления белорусской государственности. Тематика выступлений на заседаниях секции в значительной степени отразила реальное положение дел в изучении истории славянских народов в межвоенный период. В количественном отношении доминирующее положение заняли сообщения по внешнеполитической проблематике. В целом работа секции продемонстрировала плодотворные попытки исследователей дать сравнительно-исторический анализ периода в соответствии с требованиями исторической правды, широкой разработки актуальных научных вопросов. В то же время тематика сообщений подтвердила, что советскими историками еще мало внимания уделяется раскрытию сущности буржуазных социально-политических систем, слабо разрабатываются историко-культурные

сюжеты, нуждаются в более детальном исследовании проблемы социально-экономической истории славянских народов и, в частности, межвоенной истории Чехословакии и Югославии.

Работа второй секции «Великий Октябрь и строительство социализма в зарубежных славянских странах» началась с общего секционного заседания, на котором обсуждались доклады ученых Института славяноведения и балканистики АН СССР: «Антифашистская освободительная борьба в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» В. В. Марьиной, «Становление социалистического содружества в Европе: методология изучения» В. К. Волкова, «Исторический опыт Октября и строительство социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» Г. П. Мурашко и А. Ф. Носковой, «Проблемы становления и развития социалистической культуры в зарубежных славянских странах» М. Б. Ешича и М. Н. Кузьмина, а также доклады «Роль народных масс в развитии международных отношений нового типа» Л. В. Лойко (Высшая партийная школа при ЦК КПБ) и «Процессы перестройки и советско-болгарские отношения» П. С. Сохана (Институт истории АН УССР). Докладчики попытались определить применительно к изучаемым странам круг проблем, которые в условиях перестройки и творческого обогащения теории социализма после апрельского (1985) Пленума ЦК КПСС требуют новых подходов и нового информационного уровня.

Работа секции была продолжена в трех самостоятельных подсекциях: «Антифашистское движение сопротивления, революции 40-х годов и информирование социалистического содружества», «Проблемы строительства социализма и развития в зарубежных славянских странах», и «Проблемы сотрудничества социалистических государств». Весьма показательно, что в третьей подсекции 9 выступлений из 31 было посвящено вкладу БССР в углубление всестороннего сотрудничества Советского Союза с зарубежными странами.

Работа третьей секции «Зарубежные славянские народы в эпоху феодализма» протекала по трем основным направлениям: средневековый город, проблема самосознания славян, аграрные отношения.

В работе четвертой секции «Национально-освободительное движение славянских народов. Конец XVIII—начало XX века» выявилось несколько исследовательских направлений. Одно из них сконцентрировалось вокруг доклада В. Г. Карасева «Национальное возрождение славянских народов: общее и особенное». Обсуждение этого вопроса обозначило следующие проблемы: типологии революции в Центральной и Юго-Восточной Европе, понятийного аппарата по истории национального возрождения, соотношения политических и идеологических факторов в национально-освободительных движениях зарубежных славян. Второе направление было связано с темой доклада И. И. Лещиловской (Институт славяноведения и балканистики АН СССР) «Классы и социальные слои в славянских национально-освободительных движениях в XIX веке». Третье направление сконцентрировалось вокруг докладов В. Я. Гросула (Институт истории СССР АН СССР) и В. А. Дьякова (Институт славяноведения и балканистики АН СССР) «Общее и особенное в революционно-демократических движениях России и зарубежных славянских стран».

На заседаниях пятой секции «Проблемы изучения и преподавания истории и истории культуры южных и западных славян» всеобщее внимание привлекли доклады И. М. Гранчака о совершенствовании преподавания университетского курса исторической славистики, А. С. Мыльникова и К. В. Чистова о проблемах комплексной разработки этнической истории славян.

В целом секционные заседания показали высокий научно-теоретический уровень славистических исследований. В докладах и сообщениях были использованы многие оригинальные источники из советских и зарубежных архивохранилищ. Заслуживает внимания ряд новых исследовательских методик, предложенных выступающими.

На заключительном пленарном заседании вниманию участников конференции был представлен доклад Э. М. Загорюльского «О начальном этапе славянского этногенеза», основанный на комплексном изучении лингвистических, археологических и частично антропологических данных, сравнении и координации основных выводов по славянскому этногенезу, сделанных независимо друг от друга в каждой из этих наук. Докладчик четко определил прародину славян, изменение их первоначальной территории к концу III тысячелетия и во II тысячелетии до н. э.

Главный редактор журнала «Советское славяноведение» А. К. Кавко в своем выступлении остановился на необходимости дальнейшей творческой разработки славистических тем, проблем многообразия и единства социализма в свете теоретических положений XXVII съезда КПСС и съездов братских партий, состоянии и перспективах развития вузовской славистики.

В условиях перестройки, как записано в решениях конференции, историко-славистические исследования должны стать составной частью научного обеспечения развития отношений Советского Союза с братскими европейскими социалистическими странами. Рекомендации конференции нацеливают историков-славистов на дальнейшее повышение уровня научных исследований и педагогического мастерства.

Э. М. Загорюльский, Д. Б. Мельцер, С. В. Позняк

Нашы юбіляры

ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ ИВАШИН

Исполнилось 70 лет проректору по учебной работе БГУ имени В. И. Ленина, доктору исторических наук, профессору, заслуженному работнику высшей школы БССР Владимиру Григорьевичу Ивашину.

В. Г. Ивашин родился в деревне Кукшевичи Дзержинского района Минской области в семье крестьянина. По окончании педтехникума в 1936 году работал учителем школы. С 1938 по 1947 год служил в рядах Советской Армии. После окончания Алма-Атинского государственного педагогического института с 1948 по 1951 год занимался в аспирантуре Белгосуниверситета, с которым связана вся его дальнейшая жизнь и деятельность. Здесь он работает ассистентом, начальником учебной части, деканом заочного факультета, проректором по вечернему и заочному обучению, а с 1974 года — проректором по учебной работе.

В 1952 году Владимир Григорьевич защитил кандидатскую, а в 1973 — докторскую диссертацию. Его лекции и спецкурсы по истории КПСС отличаются теоретической глубиной, высоким методическим мастерством.

В. Г. Ивашин — один из ведущих ученых-обществоведов республики, плодотворно работающих в области истории КПСС. Им опубликовано свыше 110 научных работ, в том числе 6 монографий. Широкую известность получили его труды «Великий Октябрь в Минске», «Октябрь в Белоруссии», «Большевики Белоруссии и Западного фронта в борьбе за осуществление ленинского Декрета о мире», «Борьба большевиков Белоруссии против корниловщины». Он является одним из авторов учебного пособия «Курс лекций по истории КПСС», инициатором, редактором и главным редактором ряда коллективных работ, сборников и учебно-методических пособий по проблемам высшей школы. 15 его учеников защитили кандидатские диссертации.

Большие организаторские способности проявил В. Г. Ивашин на посту первого проректора университета. Он проводит большую работу по повышению эффективности и качества учебного процесса, коммунистическому воспитанию студенческой молодежи, поиску путей практической реализации перестройки высшей школы, учебно-воспитательного процесса, разработке и внедрению новых способов и методов обучения, повышению качества профессиональной подготовки специалистов.

В. Г. Ивашин активно участвует в общественной деятельности. Неоднократно избирался в партком и профсоюзные организации университета, является заместителем председателя ученого совета и председателем методического совета университета, председателем специализированного совета по защите кандидатских диссертаций.

За заслуги в научно-исследовательской работе и подготовке кадров высокой квалификации В. Г. Ивашин награжден орденами Трудового Красного Знамени, Знак Почета, многими медалями и четырьмя Почетными грамотами Верховного Совета БССР. В 1976 году ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник высшей школы БССР».

Владимир Григорьевич Ивашин воплощает в себе лучшие качества советского ученого, воспитанного Коммунистической партией Советского Союза, членом которой он является с марта 1942 года. Его трудолюбие, принципиальность, скромность, высокие нравственные черты человека и гражданина — яркий пример служения обществу. Желаем ему многих лет творческой жизни, здоровья, счастья.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ ЖМУРОВСКИЙ

Исполнилось 70 лет со дня рождения Героя Советского Союза, доктора исторических наук, профессора кафедры истории КПСС гуманитарных факультетов Дмитрия Петровича Жмуровского.

Д. П. Жмуровский родился 10 января 1918 года в деревне Борисовичи Климовичского района Могилевской области в крестьянской семье. После окончания в 1938 году Донецкого индустриального рабфака поступил в Могилевский педагогический институт, откуда в июле 1941 года ушел на фронт.

В суровые годы Великой Отечественной войны Д. П. Жмуровский сражался с гитлеровскими захватчиками на Брянском, Калининском, 2-м Украинском фронтах. Участвовал в битве на Курской дуге, в Корсунь-Шевченковской и Яско-Кишеневской операциях. Отличился при форсировании р. Прут. 26 марта 1944 года пулеметчик Жмуровский вместе со взводом в течение суток отразил 20 контратак противника на захваченном плацдарме. Будучи раненым, не покинул поле боя. Указом Президиума Верховного Совета СССР 13 сентября 1944 года отважный воин удостоен звания Героя Советского Союза.

После демобилизации из рядов Советской армии Д. П. Жмуровский успешно окончил Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина, аспирантуру. В январе 1950 года защитил кандидатскую, а в мае 1972 года — докторскую диссертацию, посвященную исследованию организаторской работы Коммунистической партии в деревне в годы гражданской войны.

С 1950 года его педагогическая и научно-исследовательская деятельность проходила в вузах Москвы, Могилева, Минска и других городов. С 1960 года Д. П. Жмуровский работает в Белгосуниверситете имени В. И. Ленина, сначала доцентом, а с 1975 года — профессором. Почти за 40 лет плодотворного труда в высшей школе проявил себя высококвалифицированным педагогом, чутким и отзывчивым товарищем. Он внес большой вклад в разработку актуальных проблем историко-партийной науки, подготовку научно-педагогических кадров. По результатам научных исследований Д. П. Жмуровский опубликовал две монографии, большое количество научных статей, главы в учебниках и учебных пособиях, коллективных монографиях. Всего им опубликовано 100 научных работ общим объемом 200 п. л. Сдана в печать новая монография «В борьбе за Советскую власть: Деятельность большевиков в белорусской деревне (1918—1920 гг.)». Под его руководством подготовлено 13 кандидатов наук.

Педагогическая и научная деятельность Д. П. Жмуровского успешно сочетается с большой общественной работой. Он избирался членом партийного бюро филфака, вел школу молодого коммуниста на факультете журналистики. В настоящее время является членом специализированного совета по защите докторских диссертаций в Институте истории партии при ЦК КПБ, членом совета кафедр общественных наук университета. Ведет большую работу в Минской секции Советского комитета ветеранов Великой Отечественной войны.

Родина высоко оценила ратные и трудовые заслуги Д. П. Жмуровского. Ему присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Он награжден орденами Ленина и Великой Отечественной войны I степени, многими медалями, четырьмя Почетными грамотами Верховного Совета БССР.

Сердечно поздравляя Дмитрия Петровича с юбилеем, коллектив кафедры истории КПСС гуманитарных факультетов, редколлегия журнала «Вестник БГУ имени В. И. Ленина», студенты и сотрудники желают ему крепкого здоровья, большого личного счастья, новых творческих успехов в труде на благо нашей великой социалистической Родины.

И. М. Игнатенко. **Великий Октябрь в судьбах белорусского народа.** Минск: Беларусь. 1987. 319 с.

Гістарычныя здзяйсненні беларускага народа знаходзяцца ў цэнтры ўвагі гісторыкаў рэспублікі. Яны даследуюць кіруючую ролю Камуністычнай партыі, адзінства поглядаў і імкненняў рабочага класа і сялянства ў рэвалюцыйным абнаўленні грамадства, самаадданую барацьбу працоўных за сацыялізм, абнаўленне ўсіх бакоў сацыяльна-эканамічнага і палітычнага жыцця. Разам з тым беларуская гісторыяграфія не мела працы, у якой бы глыбока, у рамках адной кнігі, усебакова асвятлялася роля Вялікай Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі ў станаўленні і развіцці Беларускай ССР.

Манаграфія акадэміка АН БССР І. М. Ігнаценкі апаўядае пра гісторыю Беларусі ад Лютаўскай буржуазна-дэмакратычнай рэвалюцыі да нашых дзён. У сваім развіцці, адзначае аўтар, наша рэспубліка прайшла тры этапы сацыялістычнага будаўніцтва, на кожным з якіх вырашаліся задачы гістарычнага значэння.

У адпаведнасці з гэтай перыядызацыяй І. М. Ігнаценка аналізуе каштоўны вопыт, першапраходніцкія цяжкасці, памылковыя рашэнні і хуткаспелыя вывады.

Трэба адзначыць структурную стройнасць кнігі, дакладную навуковую пазіцыю аўтара па пытаннях класавай барацьбы і стваральнай працы. Падзеі і факты агульнагістарычнай значнасці з'явіліся для даследчыка агульнаметадалагічным матэрыялам, фонам для больш рэльефнага высвечвання ўсіх шматбаковых і вострых праблем, якія вырашаліся Кампартыяй Беларусі ў розных этапах гісторыі.

Трэба падкрэсліць, што ўвогуле

манаграфія І. М. Ігнаценкі з'яўляецца наватарскай па абагульненню вялікага і рознабаковага гістарычнага матэрыялу, паказчыкам, як трэба пазбягаць фактаграфічнасці, эмпірызма. У кнізе праўдзіва, без кан'юктуршчыны, канкрэтна-гістарычна асветлены пытанні рэвалюцыйнай барацьбы, аднаўлення народнай гаспадаркі, сацыялістычнай індустрыялізацыі, калектывізацыі сельскай гаспадаркі і іншыя праблемы.

Разгортваючы перад чытачом гістарычную панараму класавай бітвы ў Беларусі, тытанічнай стваральнай працы партыі сярод працоўных па развіццю вытворчых сіл рэспублікі, аўтар аддаў належнае людзям, чыімі рукамі адраджаліся гарады і вёскі, узнімаліся новыя заводы, мацавалася сіла і гартавалася слава нашай краіны.

Змест манаграфіі дыялектычна звязаны з сучаснымі задачамі перабудовы грамадска-палітычнага жыцця рэспублікі і краіны ў цэлым, з няпростымі праблемамі рэвалюцыйнага абнаўлення сацыялістычнага грамадства.

М. В. Кузняцоў

Я. Ю. Заборовский. **Очерки по истории аграрных отношений в Римской республике.** Львов: Вища школа, 1985. 199 с.

В рецензируемых «Очерках...» освещаются некоторые моменты социально-политической истории Римского государства IV—I веков до н. э. сквозь призму аграрных отношений.

В экономической и политической жизни Рима определяющую роль играли цензы (переписи римских граждан и их имущества). В первой главе дан подробнейший анализ цензовых списков, механизм действия цензов, решается проблема их достоверности.

Исходя из марксистско-ленинского положения о том, что политическая борьба, происходившая в недрах Римского государства, в конечном счете велась из-за земельной собственности, Я. Ю. Заборовский утверждает, что даже в конце II века любые аграрные преобразования задевали интересы большинства свободного населения. Это подтверждает отношение к аграрной реформе Тиберия Гракха разных сословий Римской республики. Очертив круг оппозиции реформе, Я. Ю. Заборовский впервые в советской историографии античности ставит вопрос об отношении к событиям 133—132 годов зажиточного и среднего крестьянства. Враждебное отношение к реформе большей части римского народа предопределило ее судьбу. Удачной представляется попытка исследователя увязать широкое демократическое движение в Риме 140—120 годов, вершиной которого было выступление братьев Гракхов, с политической борьбой в сенате, с интересами определенных политических течений нобилитета. Однако выдвинутые этими группировками нобилитета программы носили, как справедливо заключает ученый, утопичный и консервативный характер—все они пытались путем возрождения среднего и мелкого римского крестьянства сохранить полные особенности Рима.

По праву много места в работе (с. 143—189) автор отводит малоисследованным аспектам восстания Спартака. Это прежде всего обеспечение боевых действий восставших, включая их снабжение деньгами, продовольствием и водой, оружием, медицинскими и ветеринарными средствами, выделение надежных проводников. Вывод исследователя о помощи сельского населения Италии восставшим развенчивает теорию тех буржуазных ученых, которые отождествляют восстание Спартака с разбойничьим налетом. Представляет интерес объяснение причин возвращения восставших из Северной в Южную Италию. Рассмотрена традиционная точка зрения о движущих силах восстания. Автор отвергает тезис «революция рабов», который преувеличивает их классовое самосознание. Любопытно утверждение автора о руководящей роли в восстании Крикса, а не Спартака.

Работу Я. Ю. Заборовского отличает ясный, четкий стиль изложения, обилие источниковой базы и историографии. Заслуживают внимания многочисленные таблицы по различным аспектам цензов. Пространственные примечания и пояснения облегчают понимание многих положений «Спартак...» Книга будет необходима всем историкам при подготовке семинарских занятий, студентам—при написании курсовых и дипломных работ.

О. Н. Ханкевич,
К. А. Ревяко

В. Л. Акулов. **Диалектический материализм как система (опыт теоретического анализа)**. Минск: Университетское, 1986. 319 с.

Проблема системности диалектического материализма приобретает сегодня важное теоретическое и практическое значение. Ведь свои функции основы научного мировоззрения и методологии развития научного знания диалектический материализм выполняет только в своей цельности. Определенный интерес в этом отношении вызывает рецензируемая монография В. Л. Акулова.

Во вводной части исследования автор обосновывает положение о том, что структурными элементами философского знания являются онтология, гносеология, логика и аксиология. Хотя они и обладают относительной самостоятельностью, тем не менее являются частями единого и целостного философского знания. Благодаря этой целостности становится возможной мировоззренческая функция философии. Системность философского знания обуславливает и его методологическую функцию в современной науке.

В первой части работы—«Теория бытия (онтология)»—делается попытка дать философскую трактовку сущности бытия в виде развернутой системы принципов, законов и категорий. Свое исследование автор начинает с выявления роли принципа материалистического монизма как исходного принципа марксистско-ленинской философии и учения о бытии. Последовательный анализ этого принципа доводится до признания материи в качестве основы мира и его единства. Вместе с тем автор обращает внимание на тот факт, что противоречивое единство многообразных материальных образований и систем материального мира выступает как способ его бытия. Логическим выражением противоречивости материи и способа ее бытия является закон единства и борьбы противоположностей. Противоречивость бытия материи раскрывается автором через анализ противоречия общего (всеобщего) и единичного (отдельного), причины и следствия, возможности и действительности, необходимости и случайности, количества и качества, уничтожения и сохранения. Тем самым ему удалось показать не только противоречивый способ бытия материи, но и раскрыть системную взаимосвязь основных законов и категорий материалистической диалектики, отражающих это бытие и развитие.

Раскрывая противоречивый характер способа бытия материи, автор выделяет структурность, которая выражается в присущих ей атрибутах—пространстве и времени. Последние выступают формами существования движущейся материи. Вот почему в системе онтологии пространство и время являются необходимыми элементами. По автору, в этой системе важное

место должно занимать и учение о сознании, поскольку сознание является одним из атрибутов материи.

Идея системности философского знания последовательно проводится и во второй части работы — «Теория познания (гносеология)». Исходной методологической посылой этой части работы выступает положение, что познание является закономерностью бытия материи на социальном уровне ее развития. Тем самым обращается внимание на тесную взаимосвязь гносеологии и онтологии. Автор подчеркивает, что системный характер теории познания диалектического материализма может строиться только с учетом системного характера бытия материального мира и его отражения человеком.

В работе показано, что познание выступает как процесс разрешения противоречий между его субъектом и объектом. Учение о противоречиях положено автором в основу исследования структуры познавательного процесса, природы истины и ее критерия. Заслуживают внимания положения и выводы этой части работы относительно места и роли интуиции в познании, механизма действия практики в процессе проверки истинности знания.

Рецензируемая работа не свободна и от недостатков. Некоторые положения, высказанные автором, носят спорный характер. В их ряду можно назвать положения о совпадении содержания следствия с вызвавшей его причиной, об однокачественности вещей, атрибутивности сознания.

Но отмеченные моменты не снижают общей положительной оценки монографии В. Л. Акулова. В ней сделана плодотворная попытка раскрыть системность философского знания, исследующего закономерности бытия материального мира и познавательного процесса. Положения и выводы работы могут быть использованы в процессе преподавания диалектического материализма в вузе.

**И. М. Морозов,
П. С. Карако**

Молодежи о политической экономии
/ А. А. Аузан, А. В. Бузгалин, А. И. Колганов, Б. М. Мясоедов; Под ред. В. В. Куликова. М.: Экономика, 1987. 223 с.

«Слово тоже есть дело!» — говорил В. И. Ленин. Слово, обращенное к молодежи, прорастет в будущих делах, а потому есть вдвойне значимое дело. Выход книги «Молодежи о политической экономии» свидетельствует о неравнодушии ученых-политэкономов к судьбам завтрашнего общества. Книга написана «ясной головой и горячим сердцем» и потому она высоконаучна и в то же время не требует для усвоения непростых понятий «выносливости верблюда и терпения святого». Это книга-собеседник, книга-сотворчество,

ибо, по мнению автора предисловия профессора В. В. Куликова, в ней найден верный тон — приглашение «отправиться вместе искать истину, творить политическую экономию» (с. 3).

Нередко на вопрос: «Что есть политэкономия?» можно услышать от выпускника вуза, хозяйственного руководителя: «Да, это наука, где товар-деньги-товар!» Именно так считали небезызвестный Е. Дюринг и мелкобуржуазный социалист П. Ж. Прудон, убежденные, что товарно-денежная форма хозяйствования — единственно экономическая, да к тому же (будто взмахом волшебной палочки) отлаживающая любой хозяйственный механизм.

Поэтому интересен рассказ авторов книги о других экономических формах общественной жизни, их преемственности, отрицании друг друга. Причем все это показано в соотношении с коммунистическими идеалами свободы и равенства. Такой рассказ дает полное представление о предмете политической экономии.

Многовековое определение человеческой значимости и общественного успеха посредством вещи породило явление чрезвычайно уродливое — товарный фетишизм. В контексте рассказа о «персонификации вещей» и «овеществлении лиц» все более ощущается значение главы «Золотой ключик» политической экономии, где речь идет о методе политэкономии, позволяющем исследовать веществу особого рода — социальную предметность.

Представляется, преподаватели общественных наук согласятся, что убедить в величии открытий Карла Маркса, не впадая в патетику, показать силу его могучего ума, не размахивая цитатой, приобщить к красоте истинной научной теории очень нелегко. Только понимание живой «души» политэкономии, любовь к своему делу позволят сделать это. На наш взгляд, авторам удалось рассказать о современном капитализме без снисходительности и без «витринных» восторгов и ответить на вопрос: почему еще не умер «умирающий капитализм».

Однако для авторов раскрытие содержания ключевых понятий политической экономии капитализма и социализма — «не самоцель, а средство показать живую творческую роль науки политической экономии в решении сложнейших проблем сегодняшней экономической жизни» (с. 3). Стоит только заглянуть в оглавление («Субъективизм? Нет, планомерность», «Экономический рост. А ради чего?», «План или рынок?», «Противоречия обновления», «Старое в новом...») и интерес к книге появится не только у юношей, «обдумывающих жите».

Рецензируемая книга — не научная монография. Однако ее содержание отличается и научной новизной, и движением дискуSSIONных проблем. Это касается понимания таких категорий, как хозрасчет, самостоятельность предприятий, союз потребителей, са-

моуправление, плановая инициатива.

В заключение хочется отметить «литерические» отступления в книге, свидетельствующие о широкой эрудиции авторов и их большим, вполне реализованном желании изменить представление о политической экономии как науке сухой, кабинетной, непонятной.

Т. Ф. Похабова.

В. Ф. Щербина, В. М. Цветаев. Экономические отношения: история и современность. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 230 с.

Книга В. Ф. Щербины и В. М. Цветаева представляет собой оригинальное исследование методологического и теоретического характера. Заслуживает положительной оценки уже замысел работы: раскрыть генезис экономических отношений на протяжении всей истории человеческого общества. Осуществляя эту задачу, авторы показывают, что в процессе смены общественно-экономических формаций более развитый тип экономических отношений не только отрицает свойства предшествующего, но и включает эти свойства в себя в диалектически преобразованном виде как сторону или момент. Историческое исследование стало для авторов книги не самоцелью, а послужило более глубокому пониманию сегодняшней практики социалистического хозяйствования и использования объективных экономических законов. Новым и интересным является взгляд авторов на взаимосвязи экономического и неэкономического в общественной жизни, которые рассматриваются ими как органически противоречивое единство, своеобразно проявляющееся на различных ступенях человеческой истории.

Важнейшие свойства экономических отношений (их материальность, противоречивость, инерционность и другие) не постулируются авторами, а выводятся и исследуются содержательно как реальные свойства конкретно-исторической хозяйственной практики. Особенно заслуживает быть отмеченным исследование свойства материальности экономических отношений, которая трактуется как противоречивое единство персонификации и овеществления производственной деятельности. Предложенный авторами подход к материальности экономических отношений позволил им сформулировать и развить проблему места, значения и механизма существования идеального в общественном производстве.

Заслуживает внимания и постановка проблемы исследования исторического процесса развития экономических отношений. Прежде всего, достаточно глубоко обоснована необходимость такого исследования. Последовательно раскрыты ступени развития экономических отношений с точки зрения возникновения и развития их важнейших

свойств. И, наконец, многие важные стороны социалистического производства теоретически выведены как результат всего исторического пути развития человеческого общества. К таким важным сторонам социалистического производства, которые получили в книге «историческую» аргументацию, относятся вопросы о субъектах социалистического производства, о месте человека в экономической системе социализма, об идеальном в социалистическом производстве, экономической культуре и др.

Особо следует отметить оригинальную трактовку авторами книги взаимосвязи экономической культуры и экономических отношений применительно к реальной практике социалистического хозяйствования.

Следует отметить и дискуссионные стороны исследования. С нашей точки зрения, в книге недостаточно отражен большой теоретический материал, накопившийся в политической экономии по вопросу об общих экономических законах. Как раз историческое исследование экономических отношений создает необходимую возможность для проверки и применения этого материала. Более того, для исследования закономерной смены разных типов экономических отношений, соответствующих пяти способам производства, обращение к теоретическим вопросам, связанным с общими и специфическими законами, было бы полезным.

Кроме того, при исследовании экономической культуры и экономических отношений социалистического общества следовало бы более конкретно реализовать теоретические положения и выводы о взаимосвязи экономического и неэкономического, материального и идеального в производственной деятельности.

В целом работа представляет собой глубокое теоретическое исследование и содержит большой потенциал для развития нашей экономической науки.

И. И. Тершков

В. Н. Бибило. Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора. Минск: Университетское. 1986. 160 с.

Работа В. Н. Бибило посвящена рассмотрению широкого комплекса проблем, которые до сего времени не были предметом научного анализа. Автор впервые подвергнул оценке специфические качества конституционных принципов правосудия в условиях исполнительного производства.

Этому способствует удачное применение общетеоретических концепций для объяснения особенностей деятельности суда. С этой точки зрения мы и рассматриваем усилия автора, направленные на конструирование собственной системы принципов правосудия по уголовным делам. В ее основе лежит мысль о преимущественном воздей-

вии отдельных принципов и их групп на соответствующие направления судейской деятельности. Этот прием оправдан уже потому, что позволяет точнее определить их содержание и сферу действия. Можно заметить, однако, что слишком жесткая привязка отдельных принципов к ограниченному спектру деятельности суда может лишить возможности видеть систему в целом. Такая постановка вопроса несколько разобщает принципы, взаимосвязанные по влиянию на правосудие. Например, коллегиальность оказывается в группе принципов, обеспечивающих правильное исследование материалов дела, но отсутствует в группе принципов, которые отражают организацию деятельности суда и т. д. (с. 42—43). К тому же, если признать все принципы равноценными и очередность их перечисления не имеющей значения, то основой формирования системы можно считать субъективные усмотрения самого автора. Хотя такая система условна, она может успешно служить целям анализа и научного исследования принципов уголовного правосудия.

К числу малоисследованных вопросов, рассматриваемых в работе, следует отнести содержание принципа состязательности. В. Н. Бибило анализирует его с новых, современных позиций, принимая во внимание и правовые, и психологические возможности носителей соответствующих уголовно-процессуальных функций.

В монографии содержится немало и дискуссионных положений. Так, ограничение сферы деятельности суда, исполняющего приговор, автор совершенно справедливо связывает с действием судебных гарантий как высших установлений, охраняющих права и законные интересы личности. Именно поэтому суд, осуществляющий правосудие в стадии исполнения приговора, вправе решать вопросы, существенно влияющие на изменение правового статуса осужденного. Но, приступая к конкретному рассмотрению соответствующих прав суда, автор допускает неточные утверждения. Положение о том, что в ходе исполнения приговора суд некомпетентен решать вопросы, составляющие существо приговора (к ним мы относим и связанные с изменением вида наказания), диссонирует с авторскими же исходными посылками. Противоречит оно и нормам исправительно-трудового и уголовно-процессуального права (ст. 53 УК, 533 УК; ст. 51, 53 ИТК; ст. 364 УПК РСФСР).

Заключительный этап осуществления правосудия по исполнению приговора—вынесение определения—логично назвать его кульминационным моментом, что и делает автор. К сожалению, практика свидетельствует о том, что это утверждение ближе к области идеального. Верховный Суд СССР в обзорах судебной практики неоднократно обращал внимание на тот факт, что как раз к вынесению

определения суды нередко относятся как к формальной, технической операции.

В целом монография В. Н. Бибило представляет собой удачное научно-теоретическое исследование, расширяющее наши представления о судопроизводстве в стадии исполнения приговора и способствующее его эффективной практической организации.

**В. П. Нажимов,
С. И. Прокофьева,
А. И. Миненко**

В. И. Лемешонко. Идеино-политическая работа Компартии Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Минск: Беларусь, 1988. 222 с.

Могучим средством мобилизации народных масс на защиту завоеваний социализма зарекомендовала себя идейно-политическая деятельность партии на фронте и в тылу, в партизанских формированиях и среди населения временно оккупированной врагом территории. Поэтому исследование и обобщение опыта идейно-политической работы КПСС, ее национальных отрядов в период военного лихолетья является одной из важнейших задач советской историко-партийной науки. В этом смысле интересна монография В. И. Лемешонка «Идейно-политическая работа Компартии Белоруссии в годы Великой Отечественной войны».

Идеологическая работа партии в период борьбы с немецко-фашистскими захватчиками приобрела особое значение. Надо было в максимально сжатые сроки достичь перелома в сознании всех советских людей, донести до ума и сердца каждого советского человека глубокое понимание невиданной опасности, нависшей над Родиной, помочь определить свое место в общем строю ее защитников. Все это потребовало незамедлительной перестройки форм, методов и содержания воспитательной работы. Партийная пропаганда, как никогда, стала максимально предметной, убедительной, глубоко аргументированной, умеющей со знанием дела ответить на все волновавшие народные массы вопросы.

Говоря о задачах идейно-политической работы Компартии Белоруссии, ее подпольных партийных органов в тылу врага, которые решались в рамках традиционных форм идеологической деятельности—печатной пропаганды (листовки, обращения, сводки Совинформбюро, газеты, журналы), устной агитации и пропаганды (беседы, доклады, лекции, собрания, митинги, атрибуты революционных праздников), культурного просвещения, автор освещает новые формы, возникшие в условиях фашистской оккупации. Среди них—переписка фронтовиков, труженников советского тыла с партизанами, радиомитинги, посылка делегаций пар-

тизан в советский тыл, использование в агитационной работе писем из Германии от белорусов, угнанных на фашистскую каторгу, распространение сатирических стихов, частушек, песен.

Интересный фактический материал, в том числе почерпнутый из архивов, содержит третья глава книги, посвященная роли партийной печати в мобилизации масс на всенародную борьбу против немецко-фашистских захватчиков. Она расширяет и уточняет представления о процессе создания, количественных характеристиках и структуре печатной пропаганды, основных ее направлениях.

В монографии систематизирован опыт агитационно-пропагандистской работы подпольных партийных комитетов и организаций на временно оккупированной территории республики. Как положительно следует отметить дифференцированное исследование этой работы, а также показ слабо изученных до сих пор в историко-партийном плане вопросов постановки политической учебы партизан, действительности радиовещания, подготовки агитаторов-организаторов, особый подход к идейно-воспитательной работе с населением, борьбы по разложению войск противника и так называемых местных вооруженных формирований врага.

Литература и искусство, по мнению автора, по праву заняли важное место в идейно-политической работе КП(б)В на временно оккупированной территории республики. Страницы книги воссоздают пафос творчества ряда деятелей литературы и искусства, чьи произведения вдохновляли советских людей во вражеском тылу, звали их на подвиг. Важным средством идеологического влияния на массы были так называемые малые формы всех видов художественного творчества, которые создавали сами партизаны.

Для стиля монографии характерно органическое единство эмоциональной публицистической и художественной подачи материала, что позволило автору убедительно передать духовную атмосферу общества, чувства, переживания людей в один из самых героических и ответственных периодов истории нашей Родины.

Книга В. И. Лемешонка будет полезной как для преподавателей, аспирантов, студентов, так и для партийных работников, пропагандистов.

А. Ф. Макаревич

Обобществление производства и основное производственное отношение социализма: Закономерности развития и диалектика взаимодействия / Под ред. В. Ф. Семёнова. Казань: Изд-во Казанского ун-та. 1987. 245 с.

Постановка в коллективной монографии вопросов о сущности, содер-

жании, закономерностях взаимодействия обобществления производства и основного производственного отношения социализма своевременна и значима в условиях проведения коренной перестройки управления экономикой. Тем более, что проблема в работе рассматривается в плане реализации преимуществ социалистической системы хозяйства и роста социально-экономической эффективности производства.

Необходимо отметить как положительную попытку авторов рассматривать обобществление социалистического производства как процесс глубоко противоречивый. Противоречивость процесса обобществления проанализирована в связи с тремя аспектами экономического движения при социализме. «Во-первых, со специфической общей формы этого движения, когда успешность реализации объективных закономерностей во многом зависит от сознательной организационно-экономической деятельности общества. Во-вторых, с диалектикой взаимодействия процесса обобществления с другими факторами и формами экономических отношений. В-третьих—с внутренней противоречивостью самого обобществления производства» (с. 27). Такая постановка проблемы позволяет авторам по-новому взглянуть на известные понятия и закономерности, дать ряд практических рекомендаций, например, о взаимодействии научных и производственных единиц, о создании научных советов при хозяйственных органах.

Также в значительной мере по-новому освещается в монографии актуальная теоретическая проблема коллективности как всеобщей формы социалистического производства. В контексте исследования коллективистских отношений при социализме затрагивается вопрос об адекватной данному типу отношений форме обмена—обмена деятельностью, которая не связана с обменом меновых стоимостей (с. 116). Такой подход требует от авторов освещения с этих же позиций категорий «функционально-абстрактный труд» и «конкретно-всеобщий труд».

Обстоятельно освещена в работе проблема взаимодействия обобществления производства и основного производственного отношения социализма. Этот вопрос имеет не только сугубо теоретический интерес, но и важное практическое значение. Ведь сегодня необходимо знать о том, как трудящегося—собственника средств производства сделать действительным хозяином. В основном отношении социализма выражается неразрывное единство социалистической собственности на средства производства и всеобщего, ассоциированного труда как создателя общественного продукта. Основное производственное отношение выступает как системообразующее отношение данного способа производства. Оно

выражается в основном экономическом законе социализма как со стороны общественного назначения производства, так и со стороны обеспечения цели производства (с. 62). Теория обобществления производства тесно коррелирует с основным производственным отношением социализма, тесно связана с ним, позволяет глубже познать этот многогранный экономический феномен. В частности, анализ указанной взаимосвязи позволяет авторам высказать свои аргументированные соображения по поводу основного экономического противоречия, которое является, как известно, дискуссионной методологической проблемой политической экономии социализма.

Заслуживает внимания определение и исследование авторами процесса обобществления производства, превращения важнейших средств производ-

ства в общественную собственность как исходного пункта формирования единого народнохозяйственного комплекса. Большое место в работе уделяется анализу развития единого народнохозяйственного комплекса страны в связи с задачами, поставленными на XXVII съезде КПСС (с. 181—193). Анализ специфики общенародной собственности на средства производства авторы предлагают проводить на уровнях народнохозяйственном, межколлективном, коллективном и личном.

В целом рецензируемая работа представляется полезной и своевременной, а новый подход к решению актуальных проблем, бесспорно, окажет положительное влияние на совершенствование экономической теории и практики социалистического хозяйствования.

В. В. Пузиков, А. Ю. Семёнов

Працяг зместа

<i>Ханкевич О. И., Ревяко К. А. Я. Ю. Заборовский. Очерки по истории аграрных отношений в Римской республике</i>	76
<i>Морозов И. М., Карако П. С. В. Л. Акулов. Диалектический материализм как система (опыт теоретического анализа)</i>	77
<i>Похабова Т. Ф. Молодежи о политической экономии</i>	78
<i>Терешков И. И. В. Ф. Щербина, В. М. Цветаев. Экономические отношения: история и современность</i>	79
<i>Нажимов В. П., Прокофьева С. И., Миненок А. И. В. Н. Бибило. Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора</i>	79
<i>Макаревич А. Ф. В. И. Лемешонок. Идеино-политическая работа Компартии Белоруссии в годы Великой Отечественной войны</i>	80
<i>Пузиков В. В., Семенов А. Ю. Обобществление производства и основное производственное отношение социализма: Закономерности развития и диалектика взаимодействия</i>	81

Вesn. Беларускага ун-та.

Сер. 3: Гіст. Філас. Навук. кам. Экан. Права. 1988. № 2. 1—80.